

Министерство культуры Хабаровского края
Хабаровский краевой краеведческий музей
им. Н. И. Гродекова
Дальневосточный государственный
гуманитарный университет

Н. И. Рубан

МУЗЕОЛОГИЯ

**ИСТОРИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА.
МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ
МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.**

(Учебное пособие)

Издание третье

Хабаровск
2007

ББК 79.1
Р 82

Рекомендовано Дальневосточным региональным учебно-методическим центром в качестве учебного пособия для студентов специальности 021000 «Музеология» вузов региона (протокол № 263 от 01.12.2003 г.)

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Н. И. Дубинина,
доктор исторических наук, профессор В. М. Песков.

Н. И. Рубан. Музеология. История музейного дела. Музейное дело на Дальнем Востоке России. Основные направления и формы музейной деятельности. (Учебное пособие), Хабаровск: Министерство культуры Хабаровского края, Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, Дальневосточный государственный гуманитарный университет 2007. — 320 с., илл.

ISBN 975-5-94961-035-0

Настоящее учебное пособие, подготовленное кандидатом исторических наук, директором Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н. И. Гродекова, доцентом кафедры политической истории ДВГУ Н.И. Рубаном, отражает наиболее важные проблемы организации музейного дела в России и на Дальнем Востоке, раскрывает историю музейного дела от предмузейного собирательства до настоящего времени, основные аспекты музейной теории и практики.

Пособие разработано на основе ранее опубликованных монографий, статей, справочников, трудов, лекций и других материалов отечественных авторов по различным профильным направлениям деятельности музеев в России, на Дальнем Востоке России и за рубежом. В нем обобщены по проблемно-хронологическому принципу основные структурные разделы программы дисциплин «музеология». По этому разделу научных дисциплин,

приказом Министерства образования Российской Федерации № 686 от 02.03.2000, на основе Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования утверждена Специальность 021000 «Музеология».

Настоящий курс из раздела общепрофессиональных дисциплин может быть использован студентами гуманитарных специальностей ВУЗов Дальнего Востока как на бумажном, так и на электронном носителе в специализации (ДС) Госстандарта 021000 как специальный курс национально-регионального компонента для студентов исторических и гуманитарных факультетов ВУЗов и среднего специального образования Дальнего Востока. Пособие рекомендуется также музейным работникам, музейоведам, культурологам, историкам, архивистам, всем, кто интересуется историей и практикой музейного дела.

© Н. И. Рубан, 2007.

© Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2007.

Содержание

Предисловие

РАЗДЕЛ 1. Музеология

1.1. Цели и задачи курса

РАЗДЕЛ 2. История музейного дела

- 2.1. 2.1. Понятие истории музейного дела. Периодизация истории музейного дела
- 2.2. Зарождение музеев, их становление и реализация в общественных практиках
- 2.3. Музеи России и государственное управление

РАЗДЕЛ 3. Музейное дело на Дальнем Востоке России

- 3.1. Становление музейного дела
- 3.2. Музейное строительство на советском Дальнем Востоке России в 1920—1930-е годы
- 3.3. Развитие дальневосточных музеев в 1940-1950-е и последующие годы

РАЗДЕЛ 4. Основные направления и формы музейной деятельности

- 4.1. Научно-исследовательская деятельность исторических музеев
- 4.2. Экспозиционная деятельность музея
- 4.3. Основные направления фондовой работы. Комплектование, учет и хранение музейных фондов
- 4.4. Культурно-образовательная работа в музее

Примерный перечень вопросов к зачету (экзамену)

Список рекомендуемой литературы

Приложения

Генерал-губернаторы Дальнего Востока

Руководители, исследователи, фондообразователи дальневосточных музеев (1920-1930-х гг.)

Предисловие

Музейное дело — специфическая сфера общественной деятельности, имеющая отношение к науке, образованию, воспитанию и культуре в целом. Повышение уровня музейного дела в России в постсоветский период невозможно без теоретического осмысления всего накопленного опыта, познания его существенных характеристик,

закономерностей, т. е. без научного исследования исторических факторов, влияющих на развитие музея как социальной институции.

Под музееведением понималась «наука о музейном деле», «наука о музеях», или более узко — «музейная теория». Такое описание фиксирует лишь лежащую на поверхности связь между научной дисциплиной и одним из её объектов — музеем как учреждением. Давно назревшая необходимость определения научных понятий, обозначаемых терминами «музеология», «музееведение», нашла свое определение в разделе дисциплин ОПД Госстандарта.

Музеология — наука, изучающая процессы сохранения социальной информации, познания и передачи знаний и эмоций посредством музейных предметов.

Являясь специальной дисциплиной, музеология создает теоретические и научно-методические основы практики музейного дела, обобщает его исторический опыт.

Музей как явление социальной и культурной жизни стал необходимой составной частью культуры человеческого общества наряду со школой, высшим учебным заведением, кинематографом, библиотекой.

Музей олицетворяет иной порядок познания, чем просто наука, — непосредственного познания с сильной эмоциональной окраской и оценивающего познания, обладающего специфическими воспитательными качествами. Порядки познания музея и науки равноправны, параллельны, но отличны друг от друга. Музей представляет собой вид интуитивного познания, основанного на наглядности, тогда как наука представляет собой порядок понятийного познания. Наука описывает действительность и создает её понятийную модель, а музей творит действительность из её собственных элементов.

Отношение к музеям неоднозначно. Наряду с превосходной их оценкой встречается критическое и, более того, — отрицательное к ним отношение, которое особенно ярко проявилось в начале XX века. Основатель авангардистского литературно-художественного движения футуристов Филиппо Маринетти в своем «Манифесте Футуризма» (1909 г.) писал: «Надо расчистить её (Италию) от бесчисленного музейного хлама — он превращает страну в одно огромное кладбище. Музеи и кладбище! Их не отличить друг от друга — мрачные скопища никому не известных и неразличимых трупов. Это общественные ночлежки, где в одну кучу свалены мерзкие и неизвестные твари. Художники и скульпторы вкладывают всю свою ненависть друг к другу в линии и краски самого музея».

Один из активных пропагандистов пролетарской культуры в нашей стране В. Кириллов в 1918 году утверждал:

«Мы во власти мятежного, буйного хмеля,
Пусть нам скажут: вы палачи красоты.
Во имя нашего завтра сожжём Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы».

В. Маяковский почти буквально повторял геростратовский призыв В. Кириллова и Ф. Маринетти:

«Белогвардейца
Найдете — и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Расстрелли вы?
Время
пулям
По стенке музея тенькать.
Стодюймовками глоток
Старьё расстреливай».

Философ и культуролог Жан-Поль Сартр повторял тезисы Ф. Маринетти и В. Маяковского, когда утверждал: «Что касается Моны Лизы, то я позволил бы её сжечь, даже ни минуты не раздумывая»¹ (Гринцевич В.П. История музейного дела до конца XVIII века. В 2-х ч. Ч.1 СПб., 2001. — 164 с.).

Подобные нигилистические, антитрадиционалистские высказывания не случайно появились в XX веке, когда уменьшилось осознание того, что наша духовная жизнь включает наследие исторического прошлого в качестве своего активного компонента, и что мы должны рассматривать прошлое, как систему координат наших поступков и мышления. Об истории стали забывать потому, что она показалась кое-кому ненужной для прогресса науки, техники и будущего счастья человечества, поскольку она свидетельствовала о накоплении в прошлом иррациональных страстей, невежества и ошибок.

Пренебрегать историей стали и потому, что уважение к истории порой включало обожествление традиций как таковых, преклонение перед прошлым и свершившимся лишь потому, что оно — прошлое и свершившееся.

Американский предприниматель Генри Форд говорил в 1916 году, что «история в той или иной мере — обман. Нам не нужны традиции, мы хотим жить настоящим, и лишь та история, которую мы сегодня творим, что-либо значит». Позже Г. Форд, руководствуясь высказанным принципом и пренебрегая опытом профессиональных музейных работников, устроил из своих коллекций музей техники в Гринфилд Вилидже (около Детройта, США), а в нем полностью исключил исторический прием показа музейных предметов технического характера, что привело к однородности составных частей и отсутствию четкой центральной идеи.

Различные взгляды на музей специалистов и создателей нетрадиционных направлений в культурной жизни, а также некоторых музеев, были не случайны. Тем не менее, музеи — стабильный социальный институт, определяющий уровень культуры предшествующего времени и закрепляющий его традиции.

Чтобы понять, почему возникают споры о пользе или ненужности музея, чтобы осмыслить, что он такое, каково его место в нашем мире, почему развивающееся человечество всё же не может обходиться без него, и почему музейные предметы, такие реальные и такие убедительные, составляют важную часть наследия человечества и дают своим зрителям ощущение преемственности и культурной гордости, необходимо проследить исторический путь развития музеев.

Музей — учреждение сложного состава. Отсюда — несовпадения в определении понятия «музей». Международный Совет Музеев (ИКОМ) — неправительственная профессиональная организация музеев мира — после длительных дискуссий пришел к необходимости дать следующее определение музея в третьей статье своего устава:

«Музей — это постоянное, некоммерческое учреждение, доступное широкой публике, занимающееся приобретением, хранением, исследованием, популяризацией и экспонированием материальных свидетельств о человеке и среде его обитания в целях изучения, образования, а также для удовлетворения духовных потребностей».

Данное определение отражает основной принцип музейной деятельности, который заключается в стремлении человека изъять определенные предметы из реального мира и сохранить их.

Этот принцип не зависит от того, существуют или не существуют оформленные в качестве учреждения (музея) специальные организации, занятые сбором и хранением обладающих определенной ценностью предметов.

В настоящем учебном пособии изложена также история музейного дела в её органической связи с социальным, политическим и культурным развитием общества в различные периоды, показаны процессы и специфика становления и развития музейного дела на Дальнем Востоке России, сформулированы основные направления музейной деятельности. В нем представлены результаты исследований учёными различных сторон

отечественного музейного дела для того, чтобы с возможной полнотой обобщить изученный и опубликованный в отечественной музееведческой литературе материал о процессах развития музейного дела в России и в ее дальневосточном регионе от зарождения до настоящего времени.

При составлении пособия использованы монографии, научные статьи, исследования Е. Г. Артемова, В. П. Грицкевича, В. И. Златоустовой, И. А. Куклиновой, М. Е. Каулен, С. А. Каспаринской, Г. А. Кузиной, Л. В. Корневой, К. Г. Левыкина, Т. П. Полякова, Е. А. Поправко, Н. И. Рубана, А. А. Сундиевой, М. Ю. Юхневич, Т. Ю. Юреновой, и других теоретиков и практиков музейного дела². (Работы авторов включены в список рекомендуемой литературы.)

Автор благодарит сотрудников ХККМ им. Н. И. Гродекова А. В. Храмцова, В. В. Иванова, Ю. В. Кравченко, Н. А. Маркову, И. Я. Шевкомуда, А. В. Малявина, Е. В. Новомодного, А. В. Шестакова, доктора исторических наук, профессора ДВГГУ Ю. Н. Ципкина, научного сотрудника КФ ТИГ ДВО РАН (г. Владивосток) А. М. Токранова и других, кто помог иллюстрировать данное издание.

Раздел 1. Музеология

1. 1. Цели и задачи курса.

*Место курса в музееведении
(музеологии).*

Место науки в современном обществе.

Понимание термина.

Предмет исследования.

Ключевые понятия.

Структура музеологии.

Современный человек обитает в окружении естественных, преобразованных и созданных им материальных предметов. Ускорившееся в наше время развитие знаний как основной фактор цивилизации побуждает общество сохранять подобные предметы, утрачивающие свое утилитарное значение, как реальные признаки уходящей культуры, связывающие нас с предками. Для хранения, исследования и представления таких предметов существуют музеи.

Первоначально музей ограничивался хранением, исследованием и представлением интересных с точки зрения культуры и науки вещей природного и искусственного происхождения. Постепенно он приобрел более широкие социальные функции.

В отличие от объекта, предмет исследования, понимаемый как определенный круг закономерностей, всегда должен быть специфичен, и это является одним из существенных признаков самостоятельной научной дисциплины. Предмет исследования отражает профиль, сферу интереса, гносеологические задачи науки.

Различные научные дисциплины могут изучать один и тот же объект, но иметь различные подходы к объекту, то есть различный предмет изучения. Применяя к музеологии науковедческие критерии и опираясь на исследования в этой области, можно дать следующее определение предмета музеологии.

Предмет музеологии — круг объективных закономерностей, относящихся к процессам накопления и сохранения социальной информации, познания и передачи знаний, традиций, представлений и эмоций посредством музейных предметов, к процессам возникновения, развития и общественного функционирования музея, музейного дела.

Понимание смысла предложенного определения предмета музеологии во многом зависит от трактовки понятий «музейный предмет», «музей», «музейное дело». Эти понятия постоянно привлекали внимание научных исследователей.

В ранней советской литературе по музейному делу и в практике анализа понятия «музейный предмет» зачастую интуитивно пользовались этим термином как обиходным обозначением, имея в виду просто предмет, хранящийся в музее. Его решающее значение в системе музея понималось большинством музееведов.

В дальнейшем в «Основах советского музееведения» делалась попытка дать научное описание понятия «музейный предмет», который трактовался как подлинник, первоисточник знаний, несомненное вещественное доказательство существования данного предмета и ему подобных; отмечалось, что предметы приобретают музейное значение в связи со своей необычностью или исчезновением им подобных, т. е. подчеркивалось значение редкости предмета; указывалось на важность применения научных критериев при отборе предметов.

В настоящее время музейный предмет рассматривается как подлинник, непосредственный результат деятельности человека или жизни природы, имеющий значение документа и соответствующий профилю музея. Подчеркивается, что это преимущественно вещественные и изобразительные носители информации, что отличает музей от других документальных институтов, создаваемых обществом, хотя письменные, акустические, электронные носители полноправно входят в состав музейных предметов.

Трактовка музейных предметов через понятия теории информации и документалистики позволяет углубить понимание их свойств. Например, при рассмотрении информативных свойств предметов особого внимания заслуживают семантические, аксиологические (ценностные) и коммуникативные (отражающие информационные связи) аспекты.

Весьма плодотворным оказалось предпринятое в 1980-х годах уточнение и определение понятий «аттрактивности», «экспрессивности» «репрезентативности», а также функций музейных предметов.

Поскольку предметы, созданные человеком, объективно концентрируют в себе опыт, хранят и передают информацию, они обладают свойством «исторической памяти».

Степень документальной ценности музейного предмета зависит от его объективных свойств и выявляется через музееведческое и профильно-научное исследование музейного собрания. При этом очень важно выявление первоначальной среды его существования. Такое же значение, какое для археологии или геологии имеют стратиграфические наблюдения, в музеологии имеет исследование среды функционирования предмета.

Музейные предметы — не только первоисточники знания, но и культурно-исторические ценности. Они, представляя первоначальную среду, являются в то же время специфическим средством прямой коммуникации и средством образовательного, в том числе, эмоционального, эстетического воздействия, воспринимаемого, главным образом, зрительно.

Накопленные наукой представления о свойствах и характеристиках музейного предмета позволяют дать его определение.

Музейный предмет — это извлеченный из реальной действительности предмет музейного значения, включенный в музейное собрание и способный длительно сохраняться. Он является носителем социальной или естественно-научной информации — аутентичным (достоверным) источником знаний и эмоций, культурно-исторической ценностью — частью национального достояния.

Ценность музейного предмета выявляется и фиксируется в процессе музееведческого и профильно-научного исследования.

Музейный предмет выступает как основа всей деятельности музея, реализующей его социальные функции.

Существенное значение имеют понятия «музей», «музейное дело». Как известно, различные формы социальных институтов предопределяются конкретными историческими условиями. Закономерности развития музеев, их социальных функций, внутренней структуры, связей с наукой, культурой, образованием требуют специального научного анализа.

Музеология на всех стадиях развития пыталась осмыслить феномен музея, его место в обществе. В итоге сложилось много различных определений музея. Когда эти различия являются следствием того, что музей описывается в системе понятий разных наук — социологии, семиотики, теории информации и т. д., такое многообразие объяснимо и, более того, неизбежно, оно углубляет наши представления о музее. Менее оправданы расхождения в определении сущностных признаков музея, создающие теоретическую неясность и противоречивость в трактовке кардинальных вопросов музейного дела.

Для определения понятия «музей» исключительно важно выяснение происхождения этого института.

Среди социокультурных институтов современного общества, которое живет в условиях эволюционной динамики знаний — основного фактора развития современной цивилизации, — музеи являются одним из фундаментальных конструктов. Они сохраняют, фиксируют и представляют в своеобразной форме предметное и природное окружение человека, являясь важным каналом ретроспективной информации.

Музей как социокультурный институт современного общества существует для предотвращения утраты реликтов цивилизации и природы, накопленных в связи с их культурной значимостью; он производит с этими предметами процедуры научной обработки, хранения и изучения, — сходные с теми, которые библиотеки проделывают с печатными изданиями, а архивы с историческими источниками. Общество не способно спасти эти предметы одним только их коллекционированием. Музей представляет раритеты, исчезающие в обществе. Он может привлечь внимание к тем постоянным общечеловеческим ценностям, которым угрожает современный прогресс. Он выделяет среди других эти ценности, подчеркивая их значение (как наследия для поддержания) непрерывности и преемственности культуры.

Таким образом, музею свойственно многообразие взаимосвязанных, исторически детерминированных (определенных) социальных функций.

Современному понятию «музей» может быть дано следующее определение.

Музей — научно-исследовательское и культурно-образовательное учреждение, которое в соответствии со своими социальными функциями осуществляет комплектование, учёт, хранение, изучение и популяризацию памятников истории и культуры и природных объектов. В своей совокупности музеи образуют особую сферу культуры, в которой основой для формирования духовных ценностей служат предметные результаты человеческой деятельности и объекты природы. В работе музеев органически сочетаются научные методы и средства художественного выражения.

Функционирование музеев в конкретных исторических условиях определяет существование особой сферы общественной деятельности — музейного дела, составными элементами которого являются: практическая деятельность этих учреждений и охрана памятников, музейная сеть, политика и законодательство, система подготовки и повышения квалификации кадров, профильные научные, научно-методические и учебные центры, специализированная периодика; наконец, специальная научная дисциплина — музееведение (музеология).

Основные социальные функции музеев. Для определения места музеев в общественном устройстве существенное значение имеет понимание их социальных функций, вытекающих из общего предназначения и предъявляемых к этим учреждениям требований.

Традиционно различаются следующие общественные функции:

— во-первых, музеи предназначены для научного документирования явлений, процессов, закономерностей развития природы и общества (научно-документационная функция);

— во-вторых, они призваны решать задачи охраны культурно-исторических ценностей в интересах национальной и мировой культуры (охранная функция);

— в-третьих, музеи являются специфическими центрами научных исследований, на которых основывается вся их деятельность (исследовательская функция).

Научно-документационная и охранная функции реализуются в изучении определенных фактов, характеризующих развитие природы и общества, документировании посредством создания и сохранения коллекций, составляющих музейные собрания.

Связанная с научным формированием коллекций деятельность является обязательной предпосылкой и условием существования музея. Подлинные музейные предметы лежат в основе всей музейной работы. **Наличие научно организованного собрания музейных предметов, соответствующего профилю конкретного музея, является сущностным, определяющим признаком того или иного музея вообще.**

Музеи несут ответственность перед обществом и государством за физическую, юридическую и научную охрану исторических ценностей. Они определяют и учитывают все поступающие предметы, создают систему внутренней документации, закрепляющей принадлежность каждого из них данному музею, определенному фонду.

В собрания исторических музеев включаются отобранные, обладающие исторической ценностью предметы, в том числе и современные. Они используются в исследованиях, экспозициях и выставках, в публикациях и других формах музейной деятельности. Фонды исторического музея состоят преимущественно из подлинных вещественных, изобразительных, письменных или звуковых свидетельств экономического, политического, социального, культурного развития общества.

Научно-документационная и охранная функции включают в себя осуществление гарантированного хранения культурных ценностей, которое достигается путем постоянного ухода за ними: правильного размещения в хранилищах, организации охраны, консервации и реставрации. Без охранных мер деятельность музея по комплектованию коллекций была бы бессмысленна: все культурные ценности должны быть сохранены для общества. Это включает также и охрану музейных предметов от потерь в результате вывоза из страны или в результате стихийных бедствий.

Исследовательская функция музеев. Все музеи интегрированы в целостную систему естественных и общественных наук, и, в соответствии с принадлежностью к определенной профильной дисциплине, решают свои научные задачи.

Научное исследование в музее имеет специфический характер. В первую очередь оно направлено на накопление музейных предметов и на их изучение как первоисточников знаний, носителей ценной информации. Научные исследования проводятся, преимущественно, на основе музейных предметов, коллекций и, таким образом, в основном осуществляются на собственной базе. Это не означает, что все музейные исследования должны быть связаны исключительно с музейными предметами, но именно эта часть научных исследований присуща музею как особому социальному институту и отличает его от других научных учреждений.

Изучение музейных предметов и собрания в целом играет решающую роль в непрерывном развитии музея, в постоянном повышении эффективности его работы. Недостаточно просто увеличить фонды в количественном отношении. Предметы должны быть подготовлены к использованию. Результатом может быть приобретение новых знаний, которые должны фиксироваться в научных каталогах. Кроме того, благодаря проведению таких исследований, отрабатываются критерии дальнейшего комплектования музейных фондов и экспертизы ценности музейных предметов в национальных масштабах.

Объем и качество проводимых музеем исследований являются одним из решающих факторов уровня научной разработки экспозиций и выставок, культурно-образовательной работы. При этом главная задача музеев состоит не просто в пополнении исторических знаний, а в привитии навыков самостоятельного исторического мышления различным по уровню образования категориям посетителей. Музей является местом, где человек не только приобретает знания, но и как бы воспринимает накопленный исторический опыт, усваивает эстетические ценности, т. е. получает идейные и эмоциональные импульсы.

Важнейшим средством реализации культурно-образовательной функции являются научно обоснованные, полноценные в художественном отношении экспозиции и выставки. С помощью подлинных музейных предметов экспозиция позволяет посетителю как бы пережить исторические события; она предметно подтверждает его знания. Для осмысления исторического материала и эмоционального его восприятия далеко не безразлично, как происходит передача знаний: в вербальной (словесной) форме или на основе подлинных предметов. Предметный показ — единственная в своем роде возможность, которой располагают только музейные учреждения; на этом строятся многообразные формы воздействия на посетителей.

В современных условиях на человека обрушивается огромный поток различной информации, в котором музеи сохраняют свой голос, свой специфический способ передачи информации. И это отличие музея от других культурных учреждений — одно из главных.

Характерной особенностью музеев является, в первую очередь, то обстоятельство, что они оперируют подлинными источниками и культурными ценностями, делающими их информацию предметной, **аттрактивной**, способной создавать эффект непосредственного контакта с первоисточником, вызывать эмоциональный отклик.

Посещение музея является популярным видом проведения досуга, и эта тенденция непременно будет развиваться в будущем. Все более широкие круги населения используют возможности ознакомиться с историей. В экспозициях исторических музеев посетители приобщаются к культуре предков, а в современных разделах идентифицируют себя с творцами духовных и материальных ценностей.

Современная проблематика музеологии отражает достигнутый уровень разработки основных аспектов музейного предмета, музея, музейного дела. Для её характеристики можно выделить следующие направления.

1. Проблемы, относящиеся к музейным предметам как источникам информации, документальным культурно-историческим ценностям.

Музеология исследует характер того особого отношения человека к действительности, выражением которого является осознание музейной ценности предметов объективного мира;

— осуществляет специфические исследования природы и общества, направленные на выбор явлений и процессов, документируемых музеем, на выявление и отбор предметов музейного значения, входящих в круг профильных интересов музеев и являющихся культурно-историческими ценностями;

— изучает музейные предметы с целью выявления всего комплекса семантических и других свойств, представляющих интерес для различных областей знаний;

— исследует музейные предметы для раскрытия информации, научного определения и классификации как потенциальных первоисточников знаний и музейных средств;

— исследует музейные предметы для определения режимов хранения, методов консервации и реставрации;

— исследует коммуникативные и экспрессивные возможности музейных предметов при использовании их в образовательной деятельности музеев, в экспозициях и выставках.

Таким образом, изучая памятники-подлинники, представляющие интерес в качестве первоисточников для многих наук, музеология имеет, вместе с тем, свой угол зрения на

эти объекты, рассматривает их как музейные предметы. Одновременно, музеология многими нитями связана с профильными дисциплинами. В частности, история музейного дела связана со всем комплексом исторических наук, включая вспомогательные и специальные дисциплины.

2. Проблемы, относящиеся к сфере деятельности музея как социального института, функциональной специфике его деятельности.

Музеология исследует происхождение и историю музеев, их место в жизни различных общественных систем, классификацию, типологию музеев, историю музейного дела;

— исследует внутреннюю организацию музеев, взаимосвязь этой организации с развитием социальных функций музеев, развитием профильных наук;

— изучает специфику деятельности музеев, проявляющуюся:

а) в документировании явлений, процессов в природе и обществе, связанном с выявлением и первичной оценкой памятников-подлинников, относящихся к отжившим и живым, действующим системам;

б) в создании коллекций музейных предметов, их внутримузеевом научном документировании и хранении;

в) в многообразных формах образовательно-воспитательной, научно-просветительской деятельности, прежде всего, через экспозиционно-выставочные формы работы; с этой функцией связано также изучение проблем музейной педагогики;

— изучает закономерности развития музейного дела, проблемы его организации и управления;

— изучает музейную сеть, процесс её формирования и развития, вопросы прогнозирования сети;

— изучает собственно музеологию как специальную дисциплину, её существенные характеристики и место в системе наук.

Музеология характеризуется большим разнообразием исследовательских методов, причем некоторые из них частично или полностью совпадают с методами других наук. Это вполне объяснимо, поскольку музеология соприкасается со многими общественными и естественными дисциплинами.

Для музеологии особое значение имеют методы исторической науки в целом и её специальных и вспомогательных дисциплин — археологии, этнографии, палеографии, археографии, нумизматики, сфрагистики и пр., а также — методы искусствоведения.

Для музеологии характерно:

1. Применение разнообразных методов общественных и естественных наук в процессе исследования музейных предметов, осуществления музейной коммуникации. Широко используются методы специальных и вспомогательных исторических дисциплин, искусствоведения, литературоведения. При подготовке экспозиций, выставок, изучении музейного посетителя в различных формах культурно-образовательной деятельности применяются методы педагогики, психологии; методы естественных наук находят применение также в процессе реставрации и консервации музейных предметов: рентгенография, спектрография и др.

2. Применение методов полевого исследования, имеющих место в ряде естественных и общественных наук. Причем нередко музеевед использует методы полевого исследования и в тех случаях, когда близкая по профилю (например, историческая) наука ограничивается изучением уже отложившегося источникового материала.

3. Применение методов непосредственного наблюдения жизни общества.

4. Исследования в области экспозиции, её восприятия, работы по консервации, реставрации музейных предметов требуют применения экспериментальных методов.

Терминология музейного дела отличается большой пестротой, а часто, и многозначностью терминов, применявшихся в течение длительного времени. Как правило, неясность, многозначность музееведческих терминов скрывает недостаточную выясненность самих понятий, которые этими терминами обозначаются. И поэтому

назревшая необходимость создания словаря музейных терминов была реализована Государственным музеем современной истории. Такой словарь был издан ещё в 1987 году, а в 2003, 2007 гг. он обновлен и неоднократно переиздан в Хабаровском краевом краеведческом музее им. Н. И. Гродекова с учетом вновь сложившейся терминологии, в основном связанной с местом музея в постсоветский период⁴. (4 Словарь основных музейных терминов / Сост. Н.И. Рубан. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова. — 2003. — 47 с.)

Музеология, подобно другим научным дисциплинам, представляющим собой систему знаний, обладает определенной структурной организацией. Музеология включает исторические, теоретические и прикладные элементы:

- а) историю и историографию музейного дела;
- б) теорию, практику, основные направления и формы музейной деятельности;
- в) музейное источниковедение.

Для всех частей, входящих в структуру музеологии, характерна тесная связь и взаимодействие. Отдельные элементы, реально существующая, немислимы в отрыве друг от друга.

Раздел 2. История музейного дела

2.1. Понятие истории музейного дела. Периодизация истории музейного дела.

С учетом традиций и опыта (отечественного и зарубежного) настоящий курс рассматривает историю музейного дела как часть научной дисциплины (музеологии), которая изучает вопросы возникновения и развития музейной концепции (или идеи) и её воплощения в предмузейных собраниях и музеях, музейной сети, организации музейного дела и законодательства, которое регулирует деятельность специалистов в этой области культуры.

История музейного дела является развивающейся областью знания. Она представляет собой оптимальную модель для изучения тенденций развития современного музееведения со всеми его противоречивыми явлениями, с такими неоднозначными слагаемыми, как нарастающая специализация музеев, «технизация» их деятельности, сопровождающаяся ослаблением непосредственного контакта музееведа с посетителем, утрата традиций и т. д.

Как и всякая научная и учебная дисциплина история музейного дела располагает определенным **объектом и предметом исследования**.

Объект истории музейного дела — совокупность элементов музейного дела, начиная с собирательства предметов музейного значения, в их временном и пространственном развитии, их возникновение и функционирование в качестве историко-культурного и историко-социального явления.

Предмет истории музейного дела — это круг объективных закономерностей, относящихся к причинам возникновения общественной потребности в сохранении определенных материальных объектов реального мира, как элементов исторической памяти, документальных средств социальной памяти, эстетических ценностей, явлений окружающей природы.

В состав предмета истории музейного дела входят также закономерности происхождения и исторического опыта форм общественных институтов — музеев, их функционирования в различных исторических условиях, формирования музейной сети, организации музейного дела, истории законодательства, относящихся к деятельности предмузейных собраний, музеев, охране памятников прошлого, истории музейной архитектуры.

Осмыслению процесса истории музейного дела, облегчению выявления внутренних закономерностей и возможности научного обобщения помогает его периодизация. Периодизацией принято называть разграничение, разделение исторического времени согласно качественному развитию процессов, которые в нем совершались. Это сущностное распределение историко-музейного процесса данного этноса, страны, региона, континента, человечества.

Чтобы выработать периодизацию изучаемого в исследовании любого раздела исторической науки, в том числе и истории музейного дела, первоначально следует решить, что необходимо положить в её основу, то есть надо установить приемлемый критерий деления исторического процесса на отдельные этапы.

В отечественной историографической традиции XX века преобладал формационный подход к периодизации. Для него главными критериями и пружинами развития общества являются формации и их смена — материальное производство, экономические отношения, классовая борьба. Отрицать влияние на исторический процесс материального

производства и экономических отношений было бы неверным. Однако, при этом нельзя недооценивать значение духовных факторов для развития человечества.

При **периодизации истории музейного дела** следует исходить как из специфики самого его развития, так и с учетом изменений в социальной и культурной жизни общества. В данном случае определяются следующие периоды, которые соответствуют развитию музейного дела в совокупности стран и материков в целом:

1) предмузейное собирательство (архаическое или первобытное общество, древний мир, средневековье);

2) становление музея как социокультурного феномена (XV век — 80-е годы XVIII века);

3) выделение музейного дела в самостоятельную отрасль культуры и массовое появление публичных музеев, как результат реализации программных требований представителей либеральных и радикальных слоев общества развитых и развивающихся стран (90-е годы XVIII века — 10-е годы XX века);

4) дальнейшее развитие музейного дела и оформление музееведения (музеологии) как научной дисциплины (с 20-х годов XX века по наши дни).

Настоящее учебное пособие рассматривает все четыре периода истории музейного дела, внутри каждого из которых можно выделить отдельные этапы развития, а также историю развития музейного дела России и Дальнего Востока.

2.2. Зарождение музеев, их становление и реализация в общественных практиках

Предмузейное собирательство.

Возникновение музея как социокультурного института в период Возрождения.

Музейное дело в XVII веке

и в период Просвещения (XVIII в.).

Основные тенденции развития музейного дела в XVII и XVIII веках.

Предмузейное собирательство. Феномен музея как особого социально-культурного института существует с XV века; употребление же слова «музей» относится к давним временам. В античной Греции *музей (мусейон)* — храм муз, дочерей Зевса и богини памяти Мнемосины. Муза Евтерпа была покровительницей лирической поэзии, Клио — истории, Талия — комедии, Мельпомена — трагедии, Терпсихора — танцев, Эрато — любовной поэзии, Полигимния — пантомимы и гимнов, Урания — астрономии, Каллиопа — эпической поэзии. Около 500—450 годов до н. э. музеи были местом культа погребальных церемоний, а также соревнований между членами литературных обществ. Литературная деятельность в музеях, скорее всего, привела к тому, что в них стала предприниматься и другая интеллектуальная деятельность, особенно в связи с возникновением в IV веке до н. э. в Греции школ, нередко возглавляемых видными философами. Наибольшей славой среди таких школ пользовались в Афинах Академия Платона, а после его смерти — Ликей Аристотеля. Аристотель активно развивал биологические исследования, в которые входили сбор коллекций и распределение их образцов по определенным группам (систематизацию) для изучения природы и составления труда по природоведению. Аристотель устроил при своей школе зверинец. Туда ему доставляли по приказанию его бывшего ученика Александра Македонского образцы экзотических животных. Метод Аристотеля основывался на оформлении теории путем наблюдения над материальным миром.

В Александрии в начале III в. до нашей эры был основан самый знаменитый музей античного мира. В нём работали Архимед, Плотин, Феокрит и др. Соборания Музея

включали в себя предметы из различных сфер знания. В деятельности учреждения важное место занимала систематизация собраний. Значение Мусея в кругу античных знаний было таким, что понятие «музеум» (латинизированная форма слова «музей») стало в дальнейшем включать в себя деятельность по группировке и изучению разнообразных, собираемых в одно место предметов.

Термин «музей» был надолго исключен из обихода в Европе, вплоть до периода Возрождения, когда его стали применять по отношению к помещению, содержащему собрания предметов, а также к книгам, дающим представление о конкретном круге знаний энциклопедического значения. Понятие «музей» в ренессансном значении слова обозначало и некое помещение, и вообще структуру, в которой собрано, рассортировано и рассмотрено множество предметов, не поддающихся простому разъяснению.

С конца XVIII века музеем стали всё чаще называть и здание, используемое для хранения и представления природных предметов и изделий, созданных человеком (так называемых «артефактов»), которые вызывали массовый интерес. В XX веке музей не только поддерживает старую классическую традицию собирать и сосредоточивать в себе лишь образцы высокого искусства или экзотические предметы, но и все в большей степени отражает стремление представлять собранные разнообразные вещи, освещающие самые различные стороны жизни многих цивилизаций, стремление дать ответы на современные социальные запросы. Это свойство музея и подчеркивается в том его определении, которое предложено ИКОМ (см. выше).

Возникновение музея как социокультурного института Возникновение и постепенное формирование специализированного социокультурного института музея тесно связано с практикой предмузейного собирательства. Оно осуществлялось в ходе серьезных изменений в сфере духовного развития человечества и его материальной культуры.

Возрождением (Ренессансом) по европейской традиции называют процесс культурного и духовного развития, связанный с зарождением в XIII—XIV веках в Италии раннекапиталистических отношений. В это время здесь, как и в других частях Западной Европы, выросли всё более независимые от феодалов города. В них сосредоточивалась международная торговля и переходившие в мануфактурную форму ремесла. В городах начал формироваться новый класс — буржуазия. Она старалась увести из-под власти феодалов другой формирующийся класс — наемных рабочих, добиваясь отмены крепостного права в сельских местностях, окружавших крупные города. Это привело к кризису средневекового общества в XIV—XV веках. Но, составляя конкуренцию старому, новое приносило свои плоды. Культура Возрождения отличалась более светским, нежели раньше, характером и гуманистическим мировоззрением, то есть была признана ценность человека как личности, право человека на свободное развитие и проявление своих способностей. Эпоха Возрождения пронизана верой в безграничные возможности человека, в возможность формирования идеала гармонической творческой личности. Культура Возрождения отражала большую, чем в средние века, общественную активность верхних слоёв населения Европы. Причём касается это не только лишь представителей зарождавшейся буржуазии и людей свободных профессий. В том числе это касается и тех представителей феодальной аристократии, которые проживали в городах и при дворах монархов и епископов.

Освобождаясь от жестких иерархических отношений, люди эпохи Возрождения проявляли широкий интерес к самопознанию и познанию, к прошлому общества, к природному миру. Расцвет изобразительного и прикладного искусства в Италии, а потом и к северу от Альп, обнаружение произведений античной культуры в ходе раскопок, выявление сочинений древних авторов в монастырских библиотеках, появление в обиходе многочисленных малоизвестных и трудноразъяснимых вещей в результате расширившегося культурного и торгового обмена с другими странами и в ходе географических открытий — всё это привело к накоплению предметов коллекционного

значения у правителей государств, знатных лиц, у некоторых рядовых горожан и к созданию первых музейных собраний.

Это время характеризуется растущей потребностью человека к самовыражению, увеличению богатства и разнообразия эмоциональной жизни и познавательных потребностей, высвобождением от засилья корпоративных учреждений и представлений. Возникают новые — непривычные для средневековья — организационные формы общения единомышленников для обмена мыслями и идеями и для углубленного изучения вопросов человеческого бытия, науки, искусства, авангардом которых были гуманисты — литераторы, учёные, художники, которые часто пользовались поддержкой со стороны просвещенных меценатов. Создаются новые типы и формы общения лиц со сходными интересами: сперва кружки гуманистов, затем общества антикваров (знатоков, любителей и собирателей старинных ценных предметов, в том числе уцелевших античных рукописей и произведений искусства), наконец — научные общества и академии. Позже, в последовавшие за периодом Возрождения времена Реформации и Контрреформации западной христианской церкви, и ещё позже, в период Просвещения, появляются другие формы общения: клубы, так называемые ложи (в том числе масонские), кафе, салоны.

Если мы говорим здесь о формах общения гуманистов, покровителей наук и искусства, вообще просвещённых людей, то надо сказать и о помещениях, в которых представлялись имевшие определённую ценность для этого круга людей предметы, сосредоточенные в виде предмузейных собраний, воплощавших в себе музейный принцип. В ряде случаев такие места сосредоточения собраний получали наименование: *музей*. И как социокультурный институт музей впервые сформировался на основе целенаправленного коллекционерства в XV—XVI веках в Италии.

Выше упоминалось, что музейный принцип проявляется в стремлении изымать из окружающей среды материальные предметы для их сохранения и что он не зависит от того, существуют ли специальные организации или учреждения, занимающиеся таким собирательством и хранением.

Интерес к красивым и редкостным предметам, желание собирать и выставлять их напоказ как проявление утонченного вкуса и могущества владельцев таких собраний зародился издревле. Археологи, которые находят во время раскопок кучки камешков причудливой формы, как будто бы специально собранных в одно место, предполагают: сознательное стремление к собирательству было свойственно неолитическому человеку. Собрания предметов вооружения, украшавшие собою жилища вождей, — тоже факт глубокой древности. Но Европа XV века вывела собирательскую деятельность на качественно новый уровень. Сбор, сохранение, представление изъятых из утилитарного обихода предметов становится более целеустремлённым, такие собрания нередко оформляются соответствующим образом. Это позволяет нам считать: некоторые из подобных собраний были именно музеями, вне зависимости от того, носили они это название или нет.

Новая нарождавшаяся, форма собраний предметов, утративших утилитарное значение, хранящихся в особом помещении и выставленных напоказ, получила название музея не сразу. Сами помещения которые предназначались для хранения и представления таких предметов получали различные названия. Наиболее распространёнными среди них в эпоху Возрождения были понятия *студьоло* и *кунсткамера*.

В XV—XVI веках в Италии для обозначения небольшого помещения для занятий правителя или другого влиятельного лица (причем в этом помещении размещались художественные произведения) применялось понятие *студьоло* (*студиоло*). *Studiolo* по-итальянски — небольшое помещение для исследований или размышлений. Поначалу *студьоло* использовались в качестве кабинетов для работы и в качестве библиотек, позже они стали выполнять роль небольших частных музеев.

Диковинные предметы природного мира, которые хранились в шкафах *студиоло*, были представлены недостаточно открыто по сравнению с более доступными обозрению

художественными произведениями. Всё это вело к эволюции студьоло в новую форму представления коллекции — кунсткамеру.

Кунсткамера (немецкое *Kunstkammer*) — частное собрание из предметов, созданных человеком (и, в первую очередь, произведений искусства) и образцов произведений природы. Это понятие получило распространение в странах Центральной и Северной Европы и впервые упомянут в источнике 1550 г. при описании самостоятельной коллекции императора «Священной Римской империи» Фердинанда I Габсбурга (1558–1564 гг.) в Вене. Коллекция включала в себя и образцы произведений искусных человеческих рук (артефакты), т. е. картины, дорогие кубки, уникальные предметы вооружения, — и образцы произведений природы.

Близкий, но более ограниченный термин *вундеркамера*, или коллекция диковин (редкостей), появился в хронике графов фон Циммеров (1564–1566 гг.) для описания комнаты, в которой размещались такие образцы природы, как кораллы, растение мандрагора (ему приписывались магические свойства), а особенно причудливые, аномальные предметы вроде оленьих рогов необычной формы.

В кунст- и вундеркамерах можно было встретить картины, произведения пластики, драгоценные ювелирные изделия, изделия из текстиля и металла, керамику, монеты, медали, образцы мебели, графические произведения искусства (гравюры, акварели, рисунки), книги (рукописи, а с середины XV века — и печатные издания), документы. В особую группу выделялись научные инструменты, приборы, часы, глобусы. Всё, что свидетельствовало о преодолении мастерами технических трудностей при изготовлении предметов и иногда представляло собой вызов этому материалу, выделялось в другую специфическую категорию: вещицы из слоновой кости, янтаря, рога, горного хрусталя, полудрагоценных твёрдых камней или, наоборот, нежного воска. Насколько велика была покупательная способность владельца коллекции, было видно по экзотическим предметам. В этой группе на первом месте находились образцы азиатского (фарфор, рисунки на шелке, изделия из лака, текстиля, слоновой кости, гравированные камни) и африканского искусства (слоновая кость, текстиль).

Владелец кунсткамеры мог её унаследовать или собрать лично, систематически приобретая для неё предметы (непосредственно, через посредников либо используя семейные связи, а также — получая подарки).

Коллекционирование постепенно становилось и способом вложения капитала, и способом приобретения престижа. Владелец известного собрания фигурировал в путеводителях. О нём упоминали авторы научных изданий и купеческих дорожников, позже — корреспонденты газет. Он общался со знаменитыми и знатными людьми, поощающими его (осмотр коллекции или музея обычно входил в программу путешествия).

В Англии в 1586 году была даже создана первая известная нам организационная форма объединения исследователей и коллекционеров старинных предметов — Колледж (коллегия, общество) антикваров. Целью колледжа было «отделять ложь от истины и традицию от свидетельства» и анализировать историю с позиций «проницательности современной критики в наш век, когда каждая составная часть науки развивается по пути к совершенству, и у нации, которая не опасается проникновения в отдаленнейшие периоды своего происхождения или выведения из него всего, что могло бы отразить бесчестие для него». Антикварную коллекцию рекомендовалось снабжать материалами для изучения истории и для сохранения остатков старины.

Так возникает тип истинного знатока и любителя редких вещей, собиравшего интересующие его предметы прежде всего для получения эстетического удовольствия и удовлетворения познавательных потребностей, а не только с целью вложения капитала или приобретения высшего социального статуса, хотя при создании коллекций и эти мотивации собирательства продолжали играть свою роль, равно как и сакральная мотивация и мотивация групповой принадлежности.

Коллекции и ранние музеи были и собраниями источников познания мира, и исследовательскими учреждениями. Преобразование предмузейных собраний в упорядоченные коллекции и ранние музеи было созданием новой формы организации явлений культуры и науки, появившейся в период Возрождения. При этом следует отметить, что деятельность коллекций и ранних музеев того времени носила достаточно ограниченный характер. Широкой популярности среди населения эти учреждения не имели.

Музейное дело в XVII веке и в эпоху Просвещения (XVIII век). За становлением музея как социокультурного феномена, возникшего в период Возрождения (XIV—XVI вв.), последовало дальнейшее развитие коллекционирования и музейного дела.

Период Просвещения (конец XVII — XVIII вв.) в европейском и североамериканском масштабах характеризуется в сегодняшней отечественной историографии как переломное время, когда сложившиеся формации Европы и Северной Америки совершили крутой поворот от окончательно изживших себя феодальных порядков старых режимов к новому общественному строю — капитализму, и когда через успехи рационалистического подхода

к действительности вызрела и в XVIII веке стала определяющей составной культурного климата Европы идеология Просвещения, творившая новое культурное единство на светском, надвероисповедном уровне.

Со второй половины XVII в. развивается мощное духовное и культурное движение Просвещения. Просвещение не случайно совпало с бурными военными событиями и социальными переворотами, а также с мощной научно-технической промышленной, аграрной и транспортной революцией XVIII века в Великобритании — настолько резко в это время изменилось соотношение социальных сил, в первую очередь повысилась роль нового общественного слоя — развивавшегося класса буржуазии, интересы которого (впрочем, наряду с интересами определённых слоёв дворянства и духовенства) отражало Просвещение.

Идеи Просвещения, основанные на вере в прогресс и в силу разума, значительно повлияли на развитие музейного собирательства. Но и само коллекционирование, и музейное дело в эти столетия составили одну из его существенных черт, которая до сих пор не выделялась исследователями в общей историографии Просвещения.

Просвещение — естественное развитие идей политической свободы и свободы совести, выдвигавшихся и протестантизмом, и рационалистическим свободомыслием в среде католицизма. Сущность Просвещения — утверждение естественнонаучной системы воззрений, основанных на успехах математики и механики, признание самостоятельности человеческого разума, требующего доказательств для объяснения всего существующего.

В коллекциях и музеях в этот период стали преобладать составленные, по возможности, в определенном порядке подлинные предметы, материальные свидетельства процессов, происходивших в природе и в обществе. Эти источники сохранялись, представлялись и использовались в ходе исследований как вещественные, мировоззренческие и экспериментальные доказательства закономерностей, характерных для развития природы и общества.

Музеи и коллекции приобрели в период Просвещения новое значение. Среди функций этих учреждений на одно из первых мест выдвигались функции дидактические.

Основные тенденции развития музейного дела в XVII и XVIII веках. Музеи и собирательство как составная часть музейного дела в XVII—XVIII веках заняли важное место в культурной жизни общества. В этот период музей как социокультурный институт стал необходимой составной частью существования общества. Это было проявлением идей Просвещения, провозглашавших права всех людей на культурное развитие. Успехи естествознания и технические усовершенствования высвобождали разум людей и предоставляли им больше времени для досуга. Существовавшие тогда коллекции и формировавшиеся музеи способствовали этому.

Менялся социальный состав коллекционеров. По-прежнему полнились собрания артефактов во дворцах — например, в знаменитом уже тогда Лувре, «любимой игрушке французских королей». Но не только представители дворянства и духовенства, — всё большее количество представителей третьего сословия: купцов, банкиров, владельцев мастерских и мануфактур, юристов, врачей, аптекарей и других, — устраивало кабинеты коллекций.

Сбор и научная обработка коллекций и первых музейных собраний поднялись в это время на более высокую ступень, чем раньше. Это объяснялось развитием науки. Коллекции и музеи становились лабораториями учёных. Появились новые способы хранения и представления предметов коллекций, предоставления доступа к ним. Количество коллекций и первых музеев увеличилось.

В XVII–XVIII веках в передовых умах европейского общества окончательно укоренилось убеждение в том, что коллекция и музей — общественное достояние, которое необходимо не только единицам, но и массам. Более того, возникло представление о том, что оно нуждается в охране, поскольку может быть разрушено не только человеком, но и временем. Поэтому возникло представление о необходимости консервации и реставрации предметов коллекций и музеев.

Коллекции и музеи XVII–XVIII веков при всём несходстве каждой и каждого из них объединялись общей для всех них познавательной базой мышления европейских этносов. И хотя отличия коллекций и музеев в отдельных регионах несомненны, — всё же для них характерны определенные объединяющие черты: отражение развитых форм античного искусства и научных знаний и общая рационалистическая ориентация, получившая особое развитие в период Просвещения. Большая работа, проделанная коллекционерами и другими создателями музеев в XVII — XVIII веках, способствовала дальнейшему развитию музея как социокультурного института в XIX — XX веках.

2.3. Музеи России и государственное управление

*Музеи в эпоху просвещенного
абсолютизма XVIII в. Пореформенный период развития музеев. II половина XIX
в. Основные тенденции развития советского музейного дела в 20-е годы XX в.
Первый Всероссийский музейный съезд и его влияние на музейное дело.
Послевоенный период развития
советских музеев (1940—1980-е годы).
Музейное дело в России в современный период*

Музеи в эпоху просвещенного абсолютизма XVIII века. Для XVIII века, который в России выделяется в качестве первого хронологического периода в становлении отечественного музейного дела, характерно то, что инициаторами в организации музеев и одновременно проводниками политики в этой области были представители верховной власти. Музейная деятельность Петра I и Екатерины II становится одной из сторон их политики в области культуры и просвещения. В последние 10—15 лет царствования Петра I Россия выходит на европейскую арену как великая держава, завязываются прочные торговые, дипломатические и культурные связи с ведущими странами Европы. Это взаимодействие требовало приведения государственной организации, экономики и культуры России в соответствие с европейскими нормами, что и определило политику реформ Петра I. Во второй половине XVIII века с утверждением в России, как и в ряде европейских государств, политики просвещенного абсолютизма, все эти процессы, в том числе и в области культуры, получили свое дальнейшее развитие.

Пётр I был типичным представителем новой культуры. Его отличали жадность к знаниям, чувство современности, стремление обратить Россию на путь просвещения,

экономического и культурного прогресса. Обращение к европейскому опыту было естественным в тех условиях. Во время путешествий в Западную Европу Пётр встретился с учёными, в частности — с президентом Берлинской академии наук Г.-В. Лейбницем, посетил научные учреждения, библиотеки, анатомические кабинеты, Гринвичскую обсерваторию, кунсткамеры, картинные галереи, мюнцкабинеты (собрания монет и наград). Там и зародилась у него мысль о создании в России Академии наук и первого публичного музея.

Из заграничных путешествий он привёз зоологические, ботанические, минералогические коллекции, приборы и инструменты, привлекавшие его внимание предметы, относящиеся к этнографии народов Востока, книги по разным отраслям знаний. В Амстердаме он познакомился с известным анатомом Ф. Рюйшем и приобрёл у него собрание препаратов по анатомии и эмбриологии. При том Пётр прежде всего учитывал учебное значение таких материалов и указывал, что, знакомясь с ними, можно будет получить «в натуральной истории систематическое понятие».

Эти приобретения легли в основу Санкт-Петербургской Кунсткамеры. Затем её коллекции начинают активно пополняться в России. В 1718 году появляется знаменитый петровский указ: «...Ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно: камня необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенным; также какие старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, також бы приносили, за что давана будет довольная дача...»

Надо полагать, и до XVIII в. обнаруживали в земле различные древности, но о просветительной ценности находок не задумывались. Металлы могли быть использованы утилитарно, всё прочее либо какое-то время хранилось у богатых знатных людей в качестве «забав», разрушаясь и теряясь, либо уничтожалось сразу как «языческое», «поганое». Только в петровскую эпоху складывается принципиально новое отношение, отдавание предпочтения тому, что «зело старо и необыкновенно», перед богатством и роскошью княжеских собраний допетровской Руси, свидетельствовавших, главным образом, о знатности их владельца, — позволяют с полным правом начать собственно историю музейного дела в России с петровской эпохи.

Спустя четыре года после того, как в 1715 году заводчик А. Н. Демидов подарил жене Петра I, императрице Екатерине I, коллекцию сибирского курганного золота, в Сибирь из Петербурга отправляется первая научная экспедиция во главе с приглашённым из Данцига учёным Д. Г. Мессершмидтом. Ему поручается «приискывать... могильных всяких древних вещей, шейтены медные и железные и литые образцы человеческие и звериные...» В связи с ценнейшими находками древнего сибирского курганного золота в 1721 году в русском законодательстве появилось специальное разъяснение: «...куриозные вещи, которые находятся в Сибири, покупать... и, не переплавливая, присылать в Берг- и Мануфактур-коллегию». В 1723 году был сделан запрос псковскому губернатору о монетах князя Игоря (которые были якобы обнаружены в городе *s*) (*s* Позднее выяснилось, что это копейки времён Ивана Грозного.) с требованием прислать их в Петербург. За восемь последних лет жизни Петра отдано семь распоряжений о сохранении древностей. Это были первые российские законы об охране памятников. Нельзя не согласиться с археологом А. А. Формозовым, который пишет, что «перед нами четкая программа научных исследований». Да, именно так относился Пётр I к собираемым в Кунсткамере коллекциям, видя в них не только редкости и курьёзности, но и базу для научных исследований. И недаром в состав основанной в 1724 году в Петербурге Академии наук вошла, наряду с библиотекой, и Кунсткамера. Открытая в 1719 году, она была со временем переведена в специально отстроенное здание.

В 1722 году на Васильевском острове началось строительство специального здания для Академии наук, где должны были разместиться также библиотека и музей. Уже после

смерти Петра, 25 ноября 1728 года, состоялось открытие Кунсткамеры в новом помещении. На торжественном акте присутствовали государственные деятели и придворное общество. Тем самым была продемонстрирована важность этого события в культурной жизни столицы.

Первый публичный музей России, после смерти его основателя, продолжал оставаться в поле зрения правительства. Сохранились свидетельства о том, что в разное время его посетили императрица Анна Иоановна (1732 г.) (после чего в Кунсткамеру поступила «восковая персона» Петра I), императрица Елизавета Петровна (1738 г.), наследник престола, будущий император Павел I (1766 г.). Коллекции музея систематически пополнялись за счет экспедиционных сборов, проводившихся учёными Академии наук.

В 1741 г. издан в небольшом числе экземпляров первый каталог музея, под названием «Палаты С. Петербургской имп. Академии наук. Библиотека и Кунсткамера», «как для собственного при Академии употребления, так и для прочих любопытных особ и чужестранцев». Благодаря ему мы знаем о составе коллекций Кунсткамеры, в числе которых анатомические и зоологические, археологические и этнографические собрания, минералогический кабинет, мюнц-кабинет (собрание медалей и монет), Петровский (императорский) кабинет с восковой персоной и мемориальными вещами Петра I, его токарными инструментами. Императорский кабинет, созданный в Кунсткамере после смерти Петра I, был первым мемориальным комплексом, увековечившим его имя и дело.

Коллекции музея дополнялись картинами, акварелями и гравюрами западноевропейских художников, в числе которых были Рембрандт и Ван-Дейк. По богатству и систематизации коллекций Санкт-Петербургская Кунсткамера заметно выделялась среди подобных ей европейских музеев и вызывала всеобщее восхищение посетителей.

В конце 1747 г. в здании Академии наук вспыхнул пожар, который нанёс коллекциям музея большой урон. Их остатки были перенесены в дом Демидова, располагавшийся неподалеку. Вскоре императрица Елизавета Петровна назначила сумму для восстановления академического здания и музейных коллекций. Однако лишь в 1766 г. Кунсткамера была переведена во вновь отстроенное здание.

В царствование Екатерины II академический музей продолжал интенсивно пополняться путём приобретения на средства государственной казны коллекций у возвращавшихся из экспедиций учёных — Палласа, Гмелина, Генкеля, Лепехина, Бема, Нартова, а также покупок отдельных коллекций за рубежом. Судя по «Описанию» Кунсткамеры, вышедшему в 1800 г., её структура не претерпела существенных изменений. Над входом в музей, как свидетельствует О. Беляев, были начертаны слова из «Наказа» Екатерины II:

«Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы просвещение распространялось между людьми». Так эстафета, которую Петр I передал потомкам, основав первый публичный музей с целью просвещения и развития наук, протянулась через весь XVIII век.

Вторая половина XVIII в. ознаменовалась рождением Эрмитажа, крупнейшего и богатейшего отечественного музея. Мысль о его создании принадлежала Екатерине II, почитавшей себя просвещенной монархиней.

До середины XVIII в. царствующие особы не проявляли особого интереса к изобразительному искусству. Упоминаясь в связи с Кунсткамерой картины Рембрандта, Ван-Дейка и других выдающихся художников были выставлены в ней без всякой системы, преимущественно для украшения интерьера. Так же использовались покупавшиеся на Западе картины в дворцовых помещениях в царствование Петра I, его дочери — императрицы Елизаветы Петровны, в особняках столичных вельмож. Екатерина II посмотрела на дело иначе. Взяв пример с Запада, где в то время уже существовали дворцовые коллекции живописи, прикладного искусства, тщательно

собранные библиотеки, она задаётся целью создать в своем дворце богатейшее в Европе художественное собрание, состоявшее из лучших западноевропейских образцов.

Будучи собранием императрицы, Эрмитаж являлся составной частью императорского дворца. В залах, где развешивались картины, устраивались и балы, и приемы. Более того, поначалу Эрмитаж (буквально — «место уединения» или, по другим сведениям, «жильё отшельника») замысливался Екатериной II именно как помещение для времяпрепровождения с близкими друзьями. Для русских обычаев, в отличие от Запада, не было тогда характерным стремление вложить капитал в произведения искусства. Главными побудительными мотивами были всё же репрезентация, определенная политика, рассчитанная на то впечатление, которое должны производить богатства Зимнего дворца и Эрмитажа на иностранных послов, безусловное тщеславие Екатерины II, наконец, стремление облагородить нравы окружавшего её общества. Ведь, прибыв в Россию в качестве невесты будущего императора Петра III, она довольно продолжительное время жила при дворе императрицы Елизаветы Петровны и имела возможность наблюдать тогдашнюю придворную жизнь: придворные, как отмечала она в своих «Записках», «остерегались говорить об искусстве и науке, потому что все были невеждами: можно было побиться об заклад, что лишь половина общества еле умела читать, и я не очень уверена в том, чтобы треть умела писать».

Тем не менее, в конце XVIII в. Эрмитаж уже был типичным просветительным музеем, где были равномерно представлены все художественные школы. Это было новым по сравнению с западноевропейскими музеями, ядро которых составляли королевские коллекции (как в Лувре во Франции, например). Эрмитаж стал первым музеем современного типа, основанным на закупках произведений искусства. Помимо живописи и рисунков, Екатерина II покупала коллекции резных камней (гемм), собрания русских и западноевропейских монет и медалей, партии книг. В библиотеку Зимнего дворца в полном составе поступили, например, библиотеки Вольтера и Дидро.

Если кратко охарактеризовать начальный период истории отечественного музейного дела в XVIII в., то необходимо отметить, что становление его имело много общего с аналогичным процессом в странах Западной Европы. Инициаторами создания наиболее известных коллекций, ставших впоследствии музеями национального значения, являлись представители высшей знати. В России это были две незаурядные личности — Пётр I и Екатерина II, заложившие основы известнейших и богатейших по составу коллекций музеев — Петербургской Кунсткамеры и Эрмитажа.

В Европе того времени наиболее распространенными историческими типами музеев и музейных собраний были кунсткамеры со смешанным составом коллекций, пинакотеки (картинные галереи), арсеналы или цейхгаузы (собрания оружия), реликварии и сокровищницы (хранилища национальных реликвий), мюнц-кабинеты (коллекции монет и медалей). Все названные типы музейных собраний имели место и в России. Во многом этому способствовало личное знакомство Петра I и его преемников с музейными собраниями западноевропейских стран. В царских (королевских) резиденциях для размещения коллекций отводились особые помещения, доступные поначалу лишь избранной публике. Поэтому можно говорить об элитарности первых музейных собраний как в России, так и в Западной Европе.

Вместе с тем с середины XVIII в. в Европе начинают строиться специальные здания, в которых размещаются первые публичные музеи — Британский музей в Лондоне (1759 г.), Лувр (1793 г.). Напомним, что в России первый публичный музей — Кунсткамера, публичный и, на протяжении определённого времени, бесплатный, посетителям из числа небогатой публики одно время даже выдавалось материальное поощрение за тягу к наукам и искусствам, чашечка кофе за счёт государя, — открыт в 1719 году и переведен в специально отстроенное здание в 1728 году. В 70—80-х гг. XVIII века к Кунсткамере присоединились музеи в Риге и Иркутске.

Но на этом рост музейной сети надолго прекратился.

Условия, в которых существовали музеи, остались в основе своей прежними, однако политика российских властей по отношению к музеям начала постепенно меняться. В Эрмитаже был специальный штат сотрудников, но комплектование его коллекций, размещение по залам и кабинетам, перемещение из одного дворцового музея в другой, даже изъятие — всецело зависели от воли и личных вкусов монархов. А личностей, равных Петру I и Екатерине II (имеется в виду их «музейная политика»), на российском престоле уже не было. Хранилища моделей кораблей (Модель-камера) и оружия (Петербургский арсенал с его «Залом достопамятностей»), составившие впоследствии ядро двух военно-исторических музеев — Морского и Артиллерийского, в XVIII в. имели, в основном, узкое «хранительское» значение и были практически недоступны для публики. Богатейшие музейные коллекции Эрмитажа и Оружейной палаты, составлявшие национальное достояние страны, продолжали оставаться в дворцовом ведомстве и были собственностью царской семьи. Только в начале XIX века петербургский Эрмитаж и московская Оружейная палата открыли двери для публики — в основном для привилегированной. Публичными, да и то с некоторыми оговорками, они стали лишь в середине века: Эрмитаж — в 1852 году, Оружейная палата — в 1858 году. Впрочем, такое положение, касающееся именно этих музеев, сохранялось в пореформенную эпоху, вплоть до свержения монархии в ходе Февральской революции.

Первые отечественные музеи сначала находились в ведении либо Академии наук (Кунсткамера), либо дворцовой конторы (Эрмитаж, Оружейная палата). В первой половине XIX в., в связи с реформами центрального правительственного аппарата и образованием министерств, музеи дворцового ведомства передаются в распоряжение Министерства императорского Двора, прочие музеи, также и академические, — Министерства народного просвещения.

Пореформенный период развития музеев. II половина XIX века. Пореформенное время открыло новый этап в истории музейного дела России. Значение буржуазных реформ 1860—1870-х гг. для истории страны нельзя недооценивать. При всей их половинчатости, при том, что самодержавное правление сохранялось, — предоставление личной свободы огромной массе крестьянства стимулировало активное его включение в развитие экономики страны. Затронув многие важные аспекты общественно-политической и социально-экономической жизни, реформы оказали влияние и на развитие культуры, её демократизацию. Что касается музеев, то возникновение многих из них в пореформенное время было прямо либо косвенно связано с политикой реформ, и деятельность их способствовала осуществлению последней.

Начало 1860-х гг. ознаменовалось важным событием, всколыхнувшим общественное мнение Москвы и Петербурга. Речь идет о переводе Румянцевского музея в Москву. Открыв двери для публики в 1831 г., Румянцевский музей в последующие 30 лет влачил жалкое существование: сначала в ведении Министерства народного просвещения, позднее — Министерства Двора. Средств, отпускавшихся государственной казной, не хватало на нормальное функционирование музея — на пополнение его коллекций и научные исследования, на поддерживающий ремонт здания, построенного ещё в XVIII веке и сильно обветшавшего к середине XIX-го. Лишённый возможности обновлять свои экспозиции, музей перестал посещаться столичными жителями. Вниманием учёных пользовались лишь его богатейшие рукописные собрания.

Вопрос о судьбе Румянцевского музея был передан на рассмотрение Комитета министров, который в заседании 9 мая 1861 г. решил передать Румянцевский музей в ведение Министерства просвещения, перевести его в Москву, вырученные от продажи домов Н. П. Румянцева деньги употребить на переезд, устройство, содержание музея и умножение его коллекций. Положение Комитета министров было высочайше утверждено 23 мая 1861 года с резолюцией: «согласен с большинством».

В пореформенное время воплощается, наконец, в жизнь идея создания национального музея, зарождение которой относится к началу XIX века.

На поданную в 1872 году в правительство докладную записку вскоре последовало разрешение на его устройство. При том будущему музею присваивалось имя наследника престола — великого князя Александра Александровича (будущего императора Александра III), который принял покровительство над музеем и стал его почётным председателем. Концепция будущего музея, изложенная профессором Петербургского университета К. Н. Бестужевым-Рюминым, как нельзя лучше импонировала умонастроениям граждан пореформенной России: «Народ, желающий быть великим народом, должен знать свою историю... велик только тот народ, который ясно сознает свое историческое призвание... Музей — одно из самых могущественных средств к достижению народного самосознания». Составление проекта программы музея было поручено А. С. Уварову. В качестве совещательного органа была создана специальная учёная комиссия в составе С. М. Соловьёва, В. О. Ключевского, И. Е. Забелина, Д. И. Иловайского. Одновременно была образована и строительная комиссия.

Первоначально музей был задуман как общественное учреждение, создающееся на частные взносы и пожертвования. Однако средств к началу строительства здания музея по проекту архитектора В. Шервуда оказалось недостаточно. Единственным крупным жертвователем стала Московская городская дума, постановившая 16 апреля 1874 года выделить для музея лучшее из свободных мест на Красной площади. Возведение здания, начатое в 1875 году, предполагалось завершить в 1877 году. Однако из-за строительных неурядиц и отсутствия средств оно затягивалось на неопределенный срок. В 1876 г. от правительства получена субсидия 200 тыс. руб. на завершение строительства здания и открытие музея в 1880 году. Но и на этот раз строительство не было закончено. Выход из ситуации был один: превращение музея в государственное учреждение с передачей его в ведение Министерства народного просвещения. С мая 1881 года музей стал именоваться: Императорский Российский Исторический музей. Одновременно изменился и состав его управления. Новым почетным председателем по указанию Александра III стал великий князь Сергей Александрович, товарищем председателя (а фактически директором музея) остался А. С. Уваров⁶. (6 После смерти А.С. Уварова должность товарища председателя занимал И.Е. Забелин (с 1885 по 1908 гг.).)

К началу 1883 года строительство здания в основном завершилось. Открытие музея приурочили к коронации Александра III в мае того же года. Посетители увидели первые 11 залов, представивших историю Руси с древнейших времен до конца XII века. В последующие дореволюционные годы к ним прибавились ещё 5 залов, в которых экспозиция представляла нашу историю до XVI в. В числе неоткрытых 27 залов 18 предназначались для показа истории русского государства в период царствования дома Романовых.

В пореформенное время создается довольно разветвленная сеть комплексных (в нашем понимании — краеведческих) музеев на местах. Их возникновение — результат больших перемен в жизни пореформенной России. Прежде всего это — оживление общественной жизни, включение в нее широкого пласта разночинной интеллигенции с её идеалами просветительства, и — в связи с этим — общая демократизация культуры. Была и другая причина, более прозаическая. Потребности капиталистического развития ставили людей перед необходимостью как следует знать свой край — его историю, природные богатства, особенности хозяйственного развития. Комплексные музеи с их коллекциями, сбиравшимися в ходе исследований, служили целям познания и просветительства. Создавались они силами общественности — местными научными обществами (отделениями Русского географического общества, учёными архивными комиссиями, массовое возникновение которых началось в 80-е гг. XIX в.), губернскими статкомитетами, органами местного управления (губернскими земствами, городскими думами), краеведами-любителями. У организаторов была надежда на активную поддержку местного населения. В этом отношении характерно письмо-обращение инициативной группы краеведов-любителей Владивостока (1885 г.), отпечатанное типографским способом и предназначенное для распространения среди жителей края. В обращении говорилось о на-

мерении учредить в г. Благовещенске городской общественный музей, который будет знакомить с природой, историей и жизнью Амурской области. Там же содержался призыв к жителям помочь музею денежными средствами и коллекциями. Под покровительством генерал-губернатора Приамурского края Н. И. Гродекова в апреле 1894 г. был создан Приамурский отдел Императорского Русского Географического общества и музей при нём. ⁷ (См. 3-й раздел пособия.)

Согласно данным Д. А. Равикович, за период с 1861 по 1905 гг. было создано 45 музеев комплексного профиля, из которых половина возникла в наиболее отдаленных от центра районах Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока, где музеев до этого, за исключением Иркутского, не было. Для культурной жизни России, особенно её окраин, значение этих музеев трудно переоценить. Однако центральные власти, правительство, как правило, не принимали участия в этом процессе — постоянной материальной помощи эти музеи не получали. Исключение составляли одноразовые субсидии. Обычно же провинциальные музеи довольствовались скудными пособиями местных властей и частными пожертвованиями. Отсутствие помещений, денежных средств, различные непредвиденные обстоятельства (внезапный отъезд или смерть основателя) — приводили порой к закрытию музеев.

Итак, во второй половине XIX в. в музейном деле произошли существенные изменения, вызванные условиями капиталистического развития страны, отменой крепостного права, вовлечением в культурную жизнь России разночинной интеллигенции, несшей идеи демократизма и просветительства. Значительно выросла музейная сеть. К немногочисленным (по преимуществу столичным) музеям прибавилось большое число провинциальных, объектом показа которых стала не экзотика, шедевры и раритеты, а окружающая жизнь — история, природа и экономика края. Инициатива создания таких музеев принадлежала не правительству, а местной администрации, научной общественности, краеведам-любителям. Существовали эти музеи в основном за счет небольших ассигнований земств и городских дум, а также пожертвований. Официальные власти, как правило, не вмешивались в их деятельность и не финансировали их.

Повсеместный интерес к отечественной истории, стремительное развитие исторической науки, крупные открытия в области славянской археологии, коллекционирование старины — все это подготовило почву для открытия Российского Исторического музея в Москве. Успехи русской школы живописи, деятельность Товарищества передвижных художественных выставок создали благоприятные условия для организации в обеих столицах и в провинции музеев национального искусства.

Во второй половине XIX в. Россия начинает активно участвовать в международных выставках⁸. (8 В 1851 г. Россия впервые участвовала во Всемирной выставке, организованной в Лондоне.) Поощряется выезд за рубеж специалистов для ознакомления с передовым опытом работы западноевропейских музеев в области хранительской и экспозиционной работы, оборудования. Музеи в пореформенный период превращаются из элитарных в общедоступные. Круг посетителей расширяется за счет средних и низших слоев населения. К началу XX в. в музейных залах и аудиториях появляются простые служащие, ремесленники, рабочие... Распространенными становятся лектории при музеях, работа которых, правда, находилась под строгим контролем Министерства народного просвещения и Министерства внутренних дел.

Принципиально новым явлением в рассматриваемый период представляются первые попытки использования музейной экспозиции для идеологического воздействия на посетителя — воспитания его в духе верности династии Романовых. Первые шаги в этом направлении, предпринятые в связи с проектированием экспозиции Российского Исторического музея, памятного отдела Русского музея, найдут продолжение в практике последних предреволюционных десятилетий.

Рубеж XIX—XX вв. и первые десятилетия прошедшего XX столетия именуют «серебряным веком» русской культуры. Питательной средой для расцвета

отечественной культуры в этот период было назревание революции и ожидание связанных с ней перемен. Этот процесс захватил все слои общества и вызвал небывалый ранее подъем общественной активности.

Особенностью рассматриваемого периода была также «неслыханная тяга широчайших народных масс к просвещению, к свету, к знаниям». Её старались удовлетворить, для чего открыли сеть библиотек, народных читален, устраивали лектории, музыкальные вечера, организовывали экскурсии в музеи и на выставки; одновременно с многотиражными газетами и журналами, дешёвыми брошюрами выпускались роскошные художественно-литературные журналы, богато иллюстрированные книги, в том числе многотомные издания по истории России, истории русского искусства, энциклопедические издания; создавались новые театральные коллективы, распространялся кинематограф... Не стояли в стороне от общего процесса и музеи. Если кратко охарактеризовать музейную жизнь в эти годы и ту общественную атмосферу, которая их окружала, то можно говорить о своего рода музейном ренессансе. Он выразился в небывалой доселе популярности музейной деятельности, в осознании её необходимости и пользы, исходившей от различных слоев общества, в фонтанирующей активности, связанной с организацией этих учреждений, в разнообразной их палитре, в появлении, наконец, первых представлений о музееведческой науке.

Более чем двухвековой путь развития музеев России позволяет проследить государственную политику в отношении музеев. В результате, с сожалением следует констатировать, что до сих пор точно не известно количество музеев, действовавших на территории России до октябрьского переворота 1917 года. В то время списка музеев России не существовало, хотя их деятели, собравшиеся в 1912 году на свой первый «предварительный» съезд, указывали на необходимость составления «общего списка возможно всех археологических, военных и полковых, исторических, церковных, художественных и этнографических музеев Российской империи, как правительственных и общественных, так и частных...» Предлагалось даже провести анкетирование таковых. Однако из-за ведомственной разобщенности, отсутствия специального органа управления музеями, это не было сделано.

В 1938 году такой список по состоянию на 1913—1914 годах завершил известный музеевед Г. Л. Малицкий». (Список музеев, составленный Г.Л. Малицким, хранится в научном архиве НИИ культуры. — Оп. 4 — Д. 913.

) Он зафиксировал 180 музеев. Сам Г. Л. Малицкий считал его неполным, т. к. пользовался в своей работе только библиографическими материалами, но не архивными источниками, и отмечал при этом неустойчивость официальных данных, расхождения в показателях. В списке Малицкого оказались неучтенными 70 музеев т. н. «закрытого типа» — научные и учебные. Затем они были присоединены к общему списку, который увеличился до 250 единиц. Но и эта цифра условна, т. к. она не учитывает около 300 полковых музеев, около 100 музеев наглядных пособий, земских кустарных и сельскохозяйственных музеев, поскольку о них не было точных данных. В 1988 г. Центральный музей революции СССР выпустил в свет каталог «Исторические и краеведческие музеи СССР», составленный на основе анкетных данных. Имеющиеся в нем сведения позволяют уточнить составленные ранее списки этой группы музеев в сторону увеличения. Всё это выдвигает на повестку дня необходимость исследования процесса формирования музейной сети до революции, с использованием всего круга имеющихся источников и составления возможно более полного и точного списка.

Принято считать, что процесс формирования музейной сети до 1917 г. был стихийным. Действительно, отсутствие единого руководящего органа, специального законодательства, прочного финансирования музеев придавали ему черты стихийности. Однако подобное безоговорочное утверждение нельзя признать правильным, во-первых, потому что появление тех или иных музеев было вызвано, как правило, осознанной потребностью в них, во-вторых, потому что государственная власть, так или иначе, участвовала в этом

процессе. В связи с этим достаточно напомнить факты организации ряда центральных музеев по инициативе верховной власти, деятельность которых способствовала реализации реформ; наконец, регулирование этого процесса путем обсуждения в правительственных учреждениях положений и штатов музеев и их последующее высочайшее утверждение.

На протяжении всего досоветского периода понятие музея как своеобразного научного учреждения, претерпело существенные изменения. Первые отечественные музеи выполняли, по преимуществу, функции хранилищ, а именно — открытого хранения фондов, они были доступны ограниченному кругу посетителей. Однако со временем «кунсткамерное» удовлетворение человеческого любопытства к диковинным предметам сменяется желанием познать окружающий человека мир, его разнообразие. И музеи предоставляют эту возможность, поскольку в их фондах, по мере развития наук, оседают разнообразные коллекции, привозимые учёными из экспедиций. Вследствие этого музеи все шире начинают использоваться в образовательных целях. Что касается художественных музеев, то их значение в эстетическом воспитании было понято уже во второй половине XVIII в., и эрмитажные коллекции, к которым позднее присоединились собрания других музеев, во многом способствовали этому.

Образовательное и воспитательное значение музеев особенно возрастает во второй половине XIX — начале XX века в связи с реформами системы народного образования. Если обратиться к уставам различных музеев той поры, то в качестве обязательных их целей называются: сбор и хранение коллекций, их изучение и распространение на этой базе научных знаний, либо содействие развитию художественного вкуса. Военно-исторические музеи стали решать задачи воспитания патриотизма, воинской доблести. Мемориальные музеи увековечили память выдающихся соотечественников.

В XIX в. становится бесспорным значение музейных коллекций для научных исследований. «Музеи уже давно перестали служить кабинетами редкостей,— говорится в проекте Положения о попечительных советах при музеях императорской Академии наук (1906 г.), — удовлетворявшими одну только любознательность случайной публики. Помимо широких педагогических задач, преследуемых музеями, последние являются крайне важными учебными учреждениями, настоящими лабораториями для специалистов...»

В конце XIX — нач. XX в. государственные власти начинают видеть в музеях ещё и **средство идеологического воздействия на посетителей**, число которых к этому времени заметно возрастает. Начавшаяся идеологизация музейного дела была обусловлена борьбой правительства с нараставшим революционным движением. В правительственных музеях — таких, как Российский Исторический музей, Русский музей, в проектируемых музеях Государственной думы, Национальном Романовском задумывались особые разделы экспозиции (музей-часовня, пантеон и т. д.), призванные прославлять царствующую династию, укрепить пошатнувшуюся в преддверии революции веру в незыблемость самодержавия. Перечисленные экспозиции не успели воплотиться в жизнь, и эта тенденция не получила до революции серьезного развития.

В системе органов государственного управления царской России не было специального ведомства, которое руководило бы музеями, вырабатывало единую политику в их отношении. Не было и специального музейного законодательства. Законодательным путем оформлялось лишь появление музеев, утверждались их положение и штат. Музеи принадлежали разным ведомствам, которые их создавали и финансировали, а также различным научным обществам, общественным организациям, земствам, городским самоуправлениям, частным лицам. Никаких сводных данных о финансировании музеев до революции, разумеется, нет. Сведения эти отрывочны и содержатся в делах, касающихся отдельных учреждений. Однако общая тенденция всё же прослеживается. Если первые музеи, создававшиеся по воле или с согласия монархов, содержались за счет государственной казны, то впоследствии, когда в процесс создания музеев начала активно

включаться общественность, государственные ассигнования стали дополняться частными пожертвованиями. В лучшем положении находились государственные музеи, которые финансировались из средств госказны. Однако и им выделяемых смет катастрофически не хватало, о чем свидетельствуют многочисленные ходатайства об увеличении ассигнований. На помощь приходили частные пожертвования, без которых не обходились даже такие центральные музеи, как Российский Исторический, Румянцевский и Политехнический. Крайняя скудость средств, отпускавшихся по штату музеям Академии наук, вынудила последнюю пойти на создание попечительных советов с целью привлечения пожертвований «для поддержания музеев на надлежащей научной высоте». Положение о Советах было направлено 29 января 1908 г. в Министерство просвещения для его высочайшего утверждения, которое последовало 21 февраля того же года. Без посторонней материальной поддержки обходились лишь музеи, находившиеся в ведении Министерства Двора (Эрмитаж, Русский музей, Оружейная палата). Но и они не имели достаточных средств на проведение научных исследований, инвентаризацию, а в покупках коллекций зависели от вкуса и воли императора. Что касается многочисленной группы провинциальных музеев, то, за небольшим исключением, они содержались на мизерные отчисления от городского бюджета да на частные пожертвования.

В декабре 1912 г., с разрешения министра внутренних дел, в Москве состоялся Предварительный съезд музейных деятелей, который явился значительной вехой в развитии отечественного музейного дела. Обсуждавшиеся на нем вопросы дают представление о том состоянии, в котором находились музеи в предреволюционные годы, и задачах, решения которых ждала общественность, решительно высказываясь против ведомственной разобщенности музеев и считая необходимым создание единого органа, который бы управлял всеми этими учреждениями независимо от ведомственной подчиненности. В числе неотложных задач назывались: составление общего списка музеев, разграничение статуса центральных и местных музеев, решение вопроса о финансировании последних, издание журнала для сотрудников данной отрасли, скорейшее принятие закона об охране памятников старины и другие.

Поднимались на съезде и теоретические проблемы — вопрос о **дефиниции**¹⁰ (10 Дифиниция — краткое научное определение какого-либо понятия, существенных признаков предмета, явления. — Прим. ред.) музея, о его социальных функциях, о классификации музейных предметов, это свидетельствовало о зарождении первых научных представлений в области музейного дела. Эти и другие вопросы должны были обсуждаться на Всероссийском съезде деятелей музеев. С ходатайством о его созыве в январе 1915 г. Министерство просвещения обратилось 9 сентября 1913 г. к министру Двора для получения высочайшего разрешения. Но съезду не суждено было состояться — началась первая мировая война.

Многие начинания в музейной жизни были прерваны ею и не воплотились в жизнь. Из заметных событий военных лет следует назвать попытку создать в Петрограде, по инициативе императорского Общества ревнителей истории, «Музея великой войны». Общественность приступила к сбору материалов и денежных пожертвований, арендовала в 1916 году дом на 12-й линии Васильевского острова для размещения коллекций. Однако в свете последующих событий и этот замысел не смог воплотиться в жизнь в задуманном объеме. 1913 год оказался своего рода рубежом в дореволюционной истории музейного дела. Проблемы, не решенные в дореволюционные годы, не были осуществлены и в советское время и до сих пор ждут своего решения. Многие из положительного опыта оказались утраченными.

Основные тенденции развития музейного дела в советский период. Февральская революция и октябрьский переворот 1917 года, ставшие закономерным итогом накопившихся в стране внутренних противоречий, усугубленных международным кризисом, трагическим проявлением которого стала мировая империалистическая война, вызвали глубинные изменения в экономике, социальной жизни и культуре России, затронули все

пласты общественного сознания. Гражданская война, военная интервенция нарушили естественную динамику мирной жизни как в России, так и на Дальнем Востоке. По образному выражению академика РАН Ю. А. Полякова, революция и Гражданская война «перепахали поле национального самосознания с небывалой до того в российской истории глубиной». События 1917 года и последующих лет стали величайшим потрясением, которое, по его мнению, проявилось в социальных, экономических, политических переменных в жизни людей, привело к крушению привычных устоев и понятий, возникновению чуждых, враждебных отношений между людьми. Вместе с тем, революционные процессы коренным образом изменили существовавшую ранее общественно-политическую систему, которую большинство населения, не только низшие слои, но и демократически настроенная значительная часть российской интеллигенции, воспринимало как несправедливую, антинародную, показали неспособность царизма, а затем и Временного правительства вывести страну из кризиса.

Захватив власть в Петрограде в октябре 1917 г., большевики сразу же приступили к осуществлению переустройства общества, одновременно решая острые проблемы наведения «революционного порядка», направленного на подавление анархизма, вседозволенности, открытого бандитизма и других проявлений сопротивления новому режиму.

Известно, что революционные события и войны во все времена создают опасную ситуацию в деле сохранения культурных ценностей. Не стала исключением и Россия. Стихия разрушения грозила обрушиться на дворцы, музеи, усадьбы, жертвами которой уже стали усадьба поэта А. Блока в Шахматове, усадьба семьи дальневосточного исследователя В. К. Арсеньева под Петроградом и многие другие. Богатая дворянская культура, формировавшаяся в России столетиями, была представлена огромными ценностями, находившимися в их владении и хранении. Одним из крупнейших владельцев великолепных памятников архитектуры, богатейших коллекций произведений искусства были царь и члены его семьи. Владельцем недвижимости, уникальных произведений искусства, обладателем огромных материальных ценностей была также Русская православная церковь. Их собрания объективно олицетворяя духовное богатство русской культуры, в ещё большей степени подчеркивали, по мнению революционных классов, социальное неравенство между «простолюдинами» и только что свергнутым господствующим классом и поэтому стали объектом разрушения или разграбления.

В таких условиях руководство страны принимает активные действия, вплоть до самых крайних, спасая памятники национальной культуры. В «Известиях ВЦИК» было опубликовано обращение «К рабочим, крестьянам, солдатам, матросам и всем гражданам России», в котором говорилось: «Трудовой народ унаследовал огромные богатства культурные... Надо зорко, бдительно беречь это достояние народа».

В обстановке разграбления ценностей «эксплуататоров» советская власть была вынуждена принять чрезвычайные меры по охране памятников искусства и старины. В 1918 г. правительство издало более 20 декретов и постановлений по вопросам охраны исторических памятников и культурных ценностей. Декреты «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины» (10 сентября 1918 г.), «О приеме на учет, регистрации и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» (15 октября 1918 г.), «Об охране научных ценностей» (5 декабря 1918 г.) и другие. Впервые в истории России были сконцентрированы в руках государства огромные культурно-исторические ценности, что позволило полностью распоряжаться ими в угоду тех или иных государственных и других потребностей. Декреты позволили предотвратить разграбление культурных ценностей анархизирующими массами и голодающим населением.

В структуре вновь созданного советского правительства контроль за сохранностью историко-культурного наследия был возложен на Народный комиссариат просвещения

(Наркомпрос), который возглавил А. В. Луначарский. В ноябре 1917 г. в Наркомпросе была создана Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников.

В сложных условиях отсутствия механизма управления, соответствующих государственных структур, Коллегия принимала экстренные меры по организации учета и проведению национализации усадеб, дворцов, частных коллекций и т. п.

На основе принятых постановлений и законов по всей территории страны развернулась работа по национализации художественных ценностей. Сотрудники центральной музейной коллегии и её местных органов с мандатами, дававшими право на осмотр музеев, общественных, церковных и частных зданий, представляющих бесспорную историческую и художественную ценность, принимали меры к охране их имущества.

Первые шаги советской власти, направленные на национализацию памятников истории и культуры, стали, во всей её сложности и противоречии, ярким проявлением политики нового государства по отношению к культурному наследию. Признавая высокий уровень российской культуры, наиболее образованная часть большевистского руководства понимала необходимость максимального сохранения этого богатейшего наследия. В деле строительства нового общества, считали они, «нужно взять на вооружение всю науку, технику, все знания, искусство». Невозможно было решать задачи культурного преобразования, не имея достаточной материальной базы, что также диктовало необходимость бережного отношения к объектам культуры, созданным до революции.

С другой стороны, многие положения марксизма, воспринимаемые как догматы, приводили к упрощенному пониманию культуры, сужали её значение до уровня лишь фактора, влияющего на экономическое развитие страны. Памятники, как правило, рассматривались сугубо утилитарно — как средство решения практических задач социалистического преобразования общества, оценивались с позиций их значения в образовательно-воспитательном процессе. Левацки настроенные элементы стояли и у руководства ряда отделов Наркомпроса, некоторых творческих союзов, учебных заведений. Ректор Академии художеств Ф. А. Маслов приказал уничтожить музей Академии, уволить старых специалистов. Особенно ярко проявили себя в отрицании культурного наследия сторонники Пролеткульта, творческого объединения, объявившего себя создателем новой, пролетарской культуры.

Во второй половине 20-х годов наблюдается возрастание идеологического влияния ВКП (б) на все сферы экономической и социальной жизни. После смерти В. И. Ленина (1924 г.) в стране проходят острые дискуссии о путях строительства социалистического общества, разворачивается борьба с «оппозицией», «уклонами», которая впоследствии привела к укреплению личной власти И. В. Сталина и, как следствие, к подавлению любых проявлений инакомыслия, насаждению идеологии марксизма-ленинизма в вульгарном её понимании.

Для развития общественной мысли как необходимого условия возрастания культурного потенциала общества особенно пагубной оказалась разработанная апологетами марксизма идея диктатуры пролетариата и классовой борьбы как основного фактора движущего исторического прогресса. Эти принципы объективно обусловили тоталитарный, деспотический характер социалистического режима, при котором человек лишён экономической и политической самостоятельности. Среди неэксплуататорских слоев общества одной из первых жертв складывающейся системы стали широкие слои российской интеллигенции, являющейся по своей сути одной из наиболее действенных проводников культуры.

В годы Гражданской войны интеллигенция понесла потери в ходе «политики ликвидации класса буржуазии», которая была связана с физическим уничтожением имущих слоев. Значительная часть интеллигенции, не принявшая политическое насаждение марксистско-ленинской идеологии, эмигрировала из страны. В 1922 г. из России была выслана большая группа писателей и учёных (философов, социологов,

историков), стоявших, якобы, на реакционных позициях. Изгнание за рубеж продолжалось и в последующие годы.

Ленинский курс на привлечение интеллигенции к социалистическим преобразованиям постепенно сменялся процессом вытеснения интеллигентов-профессионалов из руководящих органов страны, процессом их замены на представителей пролетариата. Этот процесс коснулся и Наркомпроса. С середины 1920-х гг. промышленные наркоматы, испытывавшие острую потребность в кадрах, развернули критику Наркомпроса, обвиняя систему специального образования в том, что она излишне увлеклась общими проблемами и теоретической подготовкой, нацеливая её на подготовку узких специалистов. Из системы Наркомпроса были изъяты технические и ремесленные училища, которые оказались переданы в ведение Всесоюзного совета народного хозяйства. В адрес учреждений культуры под давлением Агитпропа в документах Наркомпроса всё чаще выдвигались требования непосредственного сближения музейного дела и охраны памятников с основными задачами социалистического строительства.

Эти изменения отразились на отношении руководящих органов к музеям. Первые декреты Советской власти поднимали их значение. Завоевание большевиками государственной власти в 1917 г. выдвинуло перед ними сложные, порой неразрешимые задачи, направленные не только на сохранение власти, но и организацию эффективного управления страной, решение важнейших задач сохранения целостности страны и её богатого культурного наследия. В. И. Ленин и другие лидеры коммунистической партии, ставшие во главе вновь образованного советского государства, вынуждены были параллельно с практической деятельностью по созданию нового механизма управления страной решать задачи идеологического обоснования своей деятельности. Разработанные ими теоретические основы социалистических преобразований, которые нашли отражение в решениях партийных съездов и конференций, трудах В. И. Ленина, ставили перед страной достаточно четкие и понятные народу задачи, соответствовали глубинным интересам народа. Сформулированные В. И. Лениным принципы культурной революции сыграли важную роль в консолидации советского общества в первое послереволюционное десятилетие. Сущностной чертой этого явления можно считать изменение системы распределения и потребления духовных ценностей, сделавшее их доступными широким массам. Ликвидация сословных, классовых, национальных и других ограничений в области образования, появившиеся возможности приобщения к достижениям культуры, искусства привели к некоторому подъему в низших слоях общества. Вновь созданные органы Советской власти на первых этапах социалистического строительства предприняли шаги в деле сохранения культурного достояния, расширения и развития музейной сети. Ими были приняты меры по предотвращению разграбления ценностей в ходе революции и Гражданской войны. Но к концу 20-х годов упоминание о музеях не встречается в программных документах и планах. С одной стороны, на совещаниях, конференциях к музеям обращались с призывами шире участвовать в научно-исследовательской, просветительской деятельности, однако в диктуемых направлениях не всегда учитывалась их специфика как научных учреждений, хранилищ музейных предметов; музеи привлекались к решению сиюминутных задач — участвовали в деле подъема урожая, развития кустарных промыслов, подготовки бойцов Красной Армии и т. п.

Осуществляя культурные преобразования, органы власти в отношении музеев руководствовались большевистскими принципами экспроприации и перераспределения. Наличие властных структур, контролировавших экспроприацию, позволило в некоторой степени сохранить культурные ценности. Объявление их общенародным достоянием (фактический перевод в государственную собственность) сделало их доступными и народным массам, что в дальнейшем способствовало использованию научного и художественного наследия в деле просвещения и приобщения к нему широких слоев населения.

В 1920-е годы была выстроена система управления сложной и разобщённой музейной сетью через музейный отдел Главнауки, его отделы и уполномоченных представителей на местах. Это способствовало укреплению значения музеев как научных учреждений и их активному включению в исследовательскую работу, направленную, в частности, на изучение регионов и их производительных сил. Однако для дальнейшего развития музейного дела пагубным оказалось не только разрушение экономики и культуры в период Гражданской войны, но и волюнтаристское, потребительское отношение государственных органов к культурному наследию, приведшее к истреблению и распродаже части музейного фонда и, в конечном счете, ликвидации музея как хранителя исторического наследия и превращению его в наглядное учреждение по пропаганде политических, классовых и иных, не свойственных музеям, целей и задач.

К середине 1930-х годов в СССР утвердилась система управления государством с характерной для нее максимальной централизацией власти в руках высшего политического руководства и аппарата управления. Сложилась партийно-государственная система, каждое звено которой было полновластным по отношению к нижестоящему. В целях утверждения своего всевластия был создан аппарат подавления инакомыслия и потенциальной оппозиции, включавший в себя централизованную пропагандистскую обработку массового сознания, создания разветвленного механизма выявления недовольных.

Массовые пропагандистские кампании направлялись на подавление старой творческой интеллигенции, её самостоятельности, независимости мышления, нравственных принципов с целью укрепления тоталитарного режима, монополизации духовной жизни общества.

Идеи замены старой интеллигенции своей, «марксистской» выдвигались ещё в 1920-х годах. В статье «Попутчики в Европе», касаясь проблем и методов работы среди творческой интеллигенции, А. В. Луначарский утверждал: «Надо... доказать, что основной штаб пролетариата не только не ниже в культурном отношении, чем интеллигенция, но выше её и действительно может руководить ею и вывести её из бесплодной и часто мучительной толчеи». В ходе работы Первого музейного съезда уже звучали призывы к борьбе: «по отношению к музейным работникам повсеместно необходимо поднять клич по организации борьбы против политической нейтральности и аполитизма», ... «до недавнего времени наши музеи были складочным местом в значительной мере и для хлама людского...»

Первый Всероссийский музейный съезд и его влияние на музейное дело. Первый Всероссийский музейный съезд начал свою работу 1 декабря 1930 г. в Москве, в Политехническом музее. В его работе приняли участие 500 делегатов, в том числе 70 представителей краеведческих музеев. Дальневосточный регион был представлен заведующим художественным отделом Хабаровского музея П. М. Покровским (впоследствии репрессированным)¹¹. (11 Рубан Н.И. Первый музейный съезд и его влияние на культурно-просветительскую деятельность дальневосточных музеев / Н.И. Рубан // Традиции просветительства на Дальнем Востоке России — в 21 век: Материалы науч.-практ. конфер. 3-4 окт 2000 г. г. Хабаровск. — Хабаровск, 2001. — С. 59-62) В прениях по докладу о деятельности краеведческих музеев выступили 18 делегатов. Вся работа съезда проходила под лозунгом: «Музеи на службу социалистическому строительству и культурной революции». Состав съезда отражал изменения, происшедшие в кадрах музейных работников в годы советской власти. Незначительная часть старой интеллигенции никак не могла повлиять на ход работы съезда. Более половины делегатов с решающим голосом являлись членами партии. 84% его участников начали работу в музеях в советское время и имели стаж работы от одного до двух лет. На съезде присутствовали представители ЦИК СССР, ВСНХ, Красной Армии, Наркоматов труда, здравоохранения, земледелия, торговли. В выступлениях многих делегатов съезда подчеркивалась мысль о том, что теперь задача музеев состоит в марксистско-ленинском

подходе к построению экспозиций на основе «формулировок, данных классиками марксизма — Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным». Музеям предлагалось полностью перейти на политико-пропагандистскую работу и предписывалось стать проводниками в жизнь важнейших государственных и партийных решений. «Экспозиции музеев, — говорилось в принятых решениях, — должны стать не только наглядными иллюстрациями на вещевом материале важнейших положений основоположников революции и основных директив партии, но и орудием мобилизации широких масс на активное участие в социалистическом строительстве».

Основное направление работы съезда было сформулировано в письме-приветствии наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова, который призвал его делегатов преодолеть «реакционное рутинерство, уйти от музеев-кунсткамер, поставить музеи на службу социалистическому строительству, превратить их в инструмент культурной революции, строить экспозиции на основе принципов материалистической диалектики». «Каждый практический шаг к строительству социализма в крае, области, республике, — подчеркивал нарком, — должен немедленно находить свое отражение в музее».

Большое внимание участники съезда уделили подготовке новых молодых кадров, которые должны придти на смену старым «немарксистским» специалистам музейного дела. В докладах и выступлениях выдвигались новые, кардинально отличающиеся от прежних, методологические основы построения экспозиций, их целенаправленность, идейное содержание и структура, иные приоритеты в отношении объекта музейного показа, роль подлинных памятников в музее.

Решения съезда были результатом политических и идеологических установок ВКП (б) и носили обязательный для всех музеев характер. Последствия многих решений, принятых съездом, были очень тяжелыми и трагичными для музейного дела. Музей стал характеризоваться как своеобразный полит- (или культ-) просветкомбинат, предлагалось даже ликвидировать термин «музей», а для большей доступности вынести музейные собрания на улицу. Музейная экспозиция рассматривалась как основа для массово-просветительной работы, музеям предлагалось немедленно приступить к реэкспозиции и «в предельно сжатые сроки создать новую марксистскую экспозицию». Это означало ликвидацию созданных ранее научно-экспозиционных отделов музеев, характеризующих те или иные разделы научных исследований, отказ от освещения подлинных исторических событий в прошлом, если они противоречили марксистской модели развития общества. Все это могло привести к утрате многих коллекций, документов, художественных произведений, подлинных движимых и недвижимых памятников российской истории и культуры.

Создание в короткие сроки новых, обязательных для всех музеев отделов «социалистического строительства», затрудняло комплектование экспозиции подлинными музейными предметами. В ходе реализации решений съезда многие музейные отделы лишились подлинников, экспозиции строились на иллюстративных и текстовых материалах. Борьба с «вещевым фетишизмом» вызвала почти полное изгнание музейных предметов из экспозиции и превратила музеи в собрание этикеток и текстов.

Проблематичным было и выполнение решений съезда об организации краеведческих музеев в каждом районном центре. Из-за отсутствия кадров, а также музейного материала эти учреждения становились больше культбазами, агитпунктами, насыщенными листовками, плакатами и другой агитационной плоскостной продукцией. Реализация решений съезда привела к параллелизму в деятельности их, стиранию граней между профилями и ликвидации ряда музеев — в частности, ансамблевого характера.

В целом же решения Первого Всероссийского музейного съезда закрепили тот процесс перехода музеев в русло пропаганды идеологии административной системы, начало которому было положено в конце 20-х годов.

В ходе реализации решений съезда в 1930 году при Наркомпросе был упразднен отдел Главнауки, который ранее руководил всей музейной деятельностью. Вместо него был

создан сектор науки Наркомпроса, в составе которого осталась лишь музейная группа, основной функцией её было претворение в жизнь решений 1-го музейного съезда. Теперь основное внимание Наркомпроса уделялось реэкспозиции музеев и переориентации их на политико-просветительную работу.

В марте 1931 года Наркомпрос РСФСР разослал обращение «Ко всем музейным учреждениям». В нем были сформулированы основные задачи, стоящие перед музеями. Им предписывалось стать «центрами пропаганды социализма, всех мероприятий, проводимых советской властью и партией в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства, промышленности, быта и т.д.».

В обращении также указывалось, что построение экспозиций в музеях должно быть направлено на то, чтобы «...дать ясное понимание классовых интересов пролетариата, его революционно-исторической роли в деле освобождения трудящихся от капиталистической эксплуатации и тем самым организовать волю посетителя к революционному действию, пробуждать в нем творческую инициативу активного борца за социализм». Музеям давалась установка, что если в течение столетий искусство служило источником эстетического наслаждения, способствовало формированию личности культурной, творческой, нравственной, то теперь ему отводилась роль «орудия классовой борьбы» с целью «организовать волю посетителя к революционному действию».

Съездом были также определены основные направления перестройки музейного дела и принципы, которыми они должны были руководствоваться. В резолюции историко-революционной секции съезда, в частности, подчеркивалось, что основная задача музеев в том, чтобы с помощью марксистско-ленинской теории раскрыть перед массами в экспозициях, в сугубо классовом пролетарском освещении, внутреннюю сущность революционных событий, помочь массам понять диалектику развития революционного процесса и усвоить основные методы историко-материалистического познания. «Экспозиция и вся массовая работа музеев, — подчеркивалось в резолюции, — должны быть увязаны с острыми вопросами современности, с той классовой борьбой, которую теперь ведет пролетариат СССР».

На развитие культуры губительным образом влияли репрессии старой творческой интеллигенции. Вопреки ленинскому утверждению о необходимости бережного отношения к наследию прошлого и преемственности в развитии культуры, к дореволюционной интеллигенции (научной, художественной, музейной и т. д.) в 30-е годы применялись репрессивные меры. Поэтому «культурная революция» носила скорее политический характер и служила идеологическим целям партийно-государственной элиты «первого в мире государства победившего социализма».

Старые специалисты изгонялись из музеев, против некоторых из них были выдвинуты обвинения в контрреволюционной деятельности, излишнем увлечении историей края, отвлечении от задач «производственного краеведения».

В конце 30-х годов были репрессированы видные деятели, идеологи советского музейного дела, такие, как Я. С. Ганецкий — директор Центрального музея революции, И. К. Луппол — редактор журнала «Советский музей», Н. А. Шнеерсон — директор опытно-показательного Истринского музея и ещё многие другие авторитетные деятели и специалисты музееведения. Учёным инкриминировалось вредительство, шпионская деятельность и тому подобное.

Государственная политика 1917—1941 гг. проводилась в жизнь, опираясь на программы и решения партии, государственные законодательные акты, на государственные структуры управления музейным делом, на определенные финансовые и трудовые ресурсы.

В истории отечественного музейного дела можно выделить периоды, в каждом из которых соотношение «политической власти и компетентной силы» складывалось определенным образом, что немедленно сказывалось на отношении к культурному

наследию, к музею как социальному институту и определяло систему управления отраслью.

Первый период — 1917—1918 гг. — характеризуется решением задач по спасению, охране культурного наследия. Для этого были привлечены дореволюционные кадры художественной и научной интеллигенции к делу музейного строительства, шел поиск организационных форм, позволяющих оптимально решить вопросы охраны культурного наследия, принимались первые законодательные акты и распоряжения ВРК и Советского правительства.

Второй период — 1918—1923 гг. — связан с деятельностью Всероссийской коллегии и отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса, становлением музейного отдела Наркомпроса. В этот период закладываются основные законодательные регуляторы музейного дела, в союзе со специалистами государство вырабатывает первую программу его развития. Основное внимание уделяется сбору и охране музейных ценностей, оставшихся без наблюдения в результате революции. Уже в это время допускаются волонтеристские решения по расформированию отдельных коллекций и музеев, по продаже части культурно-исторических ценностей как «ветхих» или «не имеющих музейного значения» без четкого определения критериев их ценности.

Третий период — 1923—1930 гг. — расширение работы в области музейного дела, характеризуется стабилизацией музейной сети республики, подчиняющейся единому государственному органу и его местным представительствам. Постепенное нарастание в системе государственного аппарата противоречий между задачами углубления культурной работы и упрощенными представлениями о культуре, укрепившееся отношение к музею как инструменту идеологического воздействия на массы привели к коренному пересмотру государственной политики в области музейного дела. В конце периода, в 1928—1930-х гг., негативные тенденции возобладали, что привело к разрушению аппарата руководства музейным делом в едином центре, закреплению отношения к музею как орудию пропаганды концепций, установленных партией и государством, разгрому старых кадров, полному отказу от использования их опыта в государственном руководстве.

Четвертый период — с 1930 г. — характеризуется развитием музейного дела как части общегосударственной и партийной пропагандистской работы. Окончательное формирование аппарата руководства музейным делом как бюрократического департамента, выполняющего все постановления и инструкции, а не формирующего политику государства в этой области культуры.

Оценивая результаты государственной политики, следует отметить, что в начальный советский период были воплощены в жизнь многие стремления дореволюционных музейных деятелей по объединению музейного дела России и созданию единого органа управления. Но в последующие годы многие из задуманных планов воплотились в жизнь иначе, чем планировалось. Хотя и были сохранены многие культурно-исторические ценности, созданы новые типы музеев, каких раньше не знал мир, хотя они и стали доступны массам, хотя и была создана основа воспитания трудящихся культурой, но советскому музейному делу не удалось сохранить эти завоеванные позиции до конца.

Процесс становления советского музейного дела испытал влияние левацких загибов, вульгарного социологизма. Наметились и постепенно нарастали элементы бюрократизма и администрирования, стремления командовать, были утрачены культурные ценности, накопленные прежними поколениями и сохраненные в первые годы большевистской власти. Неоправданно преувеличивались пропагандистские функции музеев при недооценке специфики, роли и направления их научно-исследовательской работы. Все это во многом предопределило те недостатки в развитии советских музеев, которые еще существуют и сегодня.

Послевоенный период развития советских музеев (1940—1980-е годы). В эти годы получили дальнейшее развитие тенденции, проявившие себя с конца 20-х гг. Драма-

тическое развитие музейного дела отразило государственную позицию по отношению к культурному наследию.

В первое послевоенное десятилетие (1945 — середина 50-х гг.) в условиях восстановления народного хозяйства, разрушенного в годы Великой Отечественной войны, политика в области музейного дела характеризовалась стремлением возродить музеи, восстановить основные направления их деятельности. Одновременно сохранялось и возрастало стремление превратить их в сугубо пропагандистские организации, выполняющие определенные идеологические установки. В этот период усиливается регламентация всей деятельности музеев, продолжает формироваться командно-административный стиль руководства ими.

После XX съезда КПСС (середина 50-х — середина 60-х гг.) наблюдается тенденция демократизации общества, роста общественной активности, усиления интереса к историко-культурному наследию. В музейной практике следует отметить появление новых типов музеев: музеи-заповедники, музеи на общественных началах. Главным направлением становится их ориентация на сбор материалов по истории советского общества и их использование в экспозиционной и научно-просветительной деятельности.

В последующие годы (середина 60-х — середина 80-х гг.), которые оцениваются как период поиска новых путей и, затем, как застойный период, а в то время характеризовались как вершина в развитии социализма в нашей стране, всё музейное дело развивалось под флагом пропаганды развитого социализма. В эти годы отмечается активизация внимания партийных органов к деятельности музеев. Принимаются специальные постановления ЦК КПСС (1964 и 1982 гг.), в которых ставятся задачи развития хранительской и других функций, при этом основное внимание уделяется решению идеологических задач. В этот период в стране значительно выросла музейная сеть, появились новые образования — централизованные музейные системы. Однако явления застоя отрицательно сказываются в области исследований, научной обработки фондовых собраний, экспозиционной работы.

На протяжении этого периода основной задачей всей музейной деятельности было участие в «коммунистическом воспитании трудящихся на славных революционных и трудовых традициях» (из постановления ЦК КПСС от 12 мая 1964 г.). Через двадцать лет в постановлении ЦК КПСС «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев», в августе 1982 г., также — наряду с тем, что они были признаны важным средством в арсенале идеологической работы, — содержался призыв улучшить деятельность тем, чтобы каждый из них стал действенным центром воспитания. В очередной раз музеям было дано указание, что надо для этого делать, как строить экспозицию и что в ней показывать. Министерству культуры СССР, АН СССР, другим министерствам и ведомствам было предложено позаботиться о том, чтобы в экспозициях были отражены достижения общества развитого социализма, современного этапа научно-технической революции, деятельности КПСС и Советского государства по подъёму экономики, формированию и укреплению единого народнохозяйственного комплекса, реализации Продовольственной программы СССР, решению социальных проблем. Сейчас эти рекомендации звучат более чем сомнительно, но ещё целый ряд лет музеи были побуждаемы к реализации именно этих задач — отражению всего «самого, самого», что было присуще советскому образу жизни.

Активным инструментом реализации политики стали смотры музеев, которые проводились регулярно с 1965 г., когда был объявлен смотр к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Содержание и идейно-воспитательная направленность смотров, организуемых к юбилейным датам государства, определялись идеологическими задачами, которые содержались в решениях съездов и постановлениях ЦК КПСС¹². (12 Всего с 1957 г. было проведено 9 смотров музейной работы: к 40-летию, 50-летию, 60-летию, 70-летию Великого Октября; к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина; к

50-летию и 60-летию образования СССР и к 30-летию и 40-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне.)

Проведение смотров должно было содействовать развитию социальных функций музеев, укреплению их значимости в идейно-воспитательной работе Коммунистической партии. Именно поэтому смотры были направлены на решение основной задачи, выдвинутой в постановлении ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся», т. е. на создание развернутых экспозиций отделов истории советского общества и их широкого использования в научно-просветительной работе среди населения. Каждый из проведенных в связи с юбилеями смотров имел свои более конкретные цели и задачи, свои особенности. Так, при проведении смотров, посвященных 50-летию, а затем 60-летию Великого Октября в качестве основной была выдвинута задача повышения уровня собирательской, научно-исследовательской и экспозиционной работы, причем две первые были подчинены цели формирования и совершенствования экспозиций по истории советского общества, включающего показ современности.

Смотр, посвященный 60-летию образования СССР, отмечен вниманием к научно-просветительной работе музеев, их воспитательной функции. Десять лет спустя, к 70-летию образования СССР, смотр имел целью улучшение научно-фондовой работы. Смотры, проведенные к 30-летию и 40-летию победы в Великой Отечественной войне, сосредоточивали внимание на патриотическом воспитании трудящихся, особенно молодежи, на совершенствовании разделов экспозиций, посвященных ей.

Всё развитие музейного дела за период с середины 60-х и до середины 80-х гг., таким образом, проходило в рамках того или иного смотра. Это обстоятельство значительно обесценило смысл и значение смотров, превратив их в обыденное мероприятие, обесценив соревновательный принцип, который первоначально закладывался в смотры¹³. (13 После подведения итогов смотра к 70-летию Великого Октября принято решение: смотров больше не проводить.) Кроме того, формализм, который был присущ проведению традиционного социалистического соревнования во всех сферах производственной и непроизводственной деятельности, сказался и на проведении музейных смотров.

Смотры имели и положительные стороны. Во-первых, в период смотров партийные и советские органы вынуждены были уделять больше внимания работе, нуждам музеев, оказывать им помощь. Во-вторых, к проведению смотров активно привлекались специалисты музейного дела. В состав оргкомитетов по проведению смотров, в состав зональных групп входили ведущие ученые-музеееды, опытные музейные практики НИИ музееведения (позже НИИ культуры), Центрального музея Революции СССР, Государственного Исторического музея, Музея этнографии народов СССР и другие. Их основной задачей была проверка деятельности музеев в рамках смотра и оказание им помощи. Эта сторона деятельности членов Оргкомитета способствовала более активному преодолению отрыва музейной практики от науки, привнесению научных основ в практическую деятельность. На протяжении многих лет в смотрах участвовали А. М. Разгон, А. Б. Закс, С. А. Каспаринская, И. З. Тираспольская, Э. А. Павлюченко, Е. Г. Ванслова, Н. Н. Злацен, Ф. Л. Курлат, Л. Е. Янбых, П. Я. Букшпан и многие другие сотрудники НИИ музееведения и центральных музеев страны.

Материалы наблюдений, документы, собранные в ходе обследования, позволяли получить более полное представление о фактическом положении дел на местах, и затем оформлялись в справки, служебные записки, которые поступали в органы управления, служили основанием для научно-методических разработок, влияли на музейную политику в стране.

Однако, несмотря на значительные затраты сил и энергии многих специалистов, в массе своей экспозиции по истории советского общества оставались невыразительными, однообразными по представленной экспонатуре, недостаточно глубокими по проблематике и методам раскрытия представленных тем. Поэтому не удивительно, что на протяжении 70—80-х гг. было принято значительное количество постановлений на

разных уровнях, начиная с постановлений ЦК КПСС 1964 и 1982 гг. и заканчивая приказами МК РСФСР, имеющими одну и ту же цель — улучшить содержание, формы и методы пропаганды достижений советского общества, особенно в период развитого социализма. На это же были направлены и многочисленные методические разработки музееведческих центров (труды НИИ культуры, ЦМР СССР, ГИМ), которые должны были способствовать созданию ярких, образных, оригинальных экспозиций, при обязательном отражении ряда проблем (сквозных тем).

Сосредоточение внимания на экспозициях по периоду развитого социализма привело к тому, что в большинстве музеев в запустении оказались экспозиции по истории досоветского общества. В отделах дореволюционной истории экспозиционные площади были, как правило, значительно сокращены.

Определенный шаг в желании повысить качественный уровень всех форм музейной деятельности путем усиления внимания к научно-исследовательской работе был связан с политикой укрепления взаимодействия с научными организациями и вузами. Этой проблеме было посвящено общее собрание отделения истории Академии наук СССР в ноябре 1978 г. Было принято решение «О сотрудничестве с музеями исторического профиля». С целью оказания помощи был в 1977 г. создан Научно-методический совет по работе музеев МК РСФСР, в состав которого вошли видные ученые специалисты профильных наук и музееведы. В 1982 г. в г. Казани было проведено заседание Научно-методического совета по работе музеев МК РСФСР, посвященное вопросу взаимодействия с научными учреждениями и вузами.

Принятые и на общем собрании Отделения истории АН СССР и на заседании в Казани решения и резолюции были своевременны и важны для успешной деятельности музеев, но в основе своей они не выполнялись. Отчасти это связано с тем, что решения носили слишком общий характер и были трудно применимы к конкретной работе музеев. Главное же заключалось в том, что музеи так и не стали в своей массе действительно научно-исследовательскими учреждениями, оставаясь преимущественно культурно-просветительными.

И к 80-м гг. ни директивные органы, ни органы управления отраслью (МК РСФСР, управления и отделы культуры на местах) не увидели в основной массе музеев научных учреждений, не обеспечивали необходимых условий для их развития. Как следствие — отсутствие в музеях высококвалифицированных специалистов, трудности в системе подготовки и повышения квалификации кадров, повсеместное прекращение краеведческих изданий, слабая материально-техническая база, малый и плохо оплачиваемый штат и т. д.

Главным показателем работы музеев стала их посещаемость. На увеличении посещаемости были сосредоточены основные заботы сотрудников, не оставалось времени и возможностей для научной работы, для творческих поисков, для создания новых экспозиций.

Наряду с отмеченными конкретными проявлениями государственной политики в отношении музеев, для каждого из выделенных периодов истории музейного дела являются характерными общие принципы:

— политизация всего музейного дела, как и всей культуры в целом. Это привело к сохранению взгляда на музей как на преимущественно культурно-просветительное учреждение, что пагубно сказывалось на научно-исследовательской, экспозиционной, фондовой работе;

— сохранение взгляда на музей как на нечто второстепенное, отнесение их, как и других учреждений культуры, к «непроизводительной сфере» (что породило «остаточный принцип» финансирования), содержание основной массы музеев в нищенском состоянии, недостаточное использование их культурного потенциала;

— отсутствие четкой концепции развития музейного дела, а отсюда — неустойчивость, неоднозначность, противоречивость принимаемых управленческих решений.

К концу 80-х годов в связи с новыми процессами в развитии общества перед музеями встает задача преодолеть то, что лишало их своего лица, творческого поиска. Для этого требовались новые формы и методы руководства, новая музейная политика. В этом направлении были сделаны первые шаги: активизировалась общественность, появилась возможность свободного обсуждения накопившихся проблем. Шёл поиск хозяйственных механизмов активизации музейной деятельности¹⁴. (14 Рубан Н.И. Хабаровский краевой краеведческий музей в поисках путей развития/ Н.И. Рубан// Тенория и практика музейного дела в России на рубеже XX — XXI вв. — М., 2001 — С 187-199. — (Труды / Гос. Ист. Музей; вып.127).) Новые явления вызывали сопротивление административного аппарата, который был не способен преодолеть стереотипы мышления. На первый план выступала проблема укрепления материально-технической базы музеев, создания условий, необходимых для их нормальной жизнедеятельности.

Для современного периода изучение исторического опыта приобретает особое значение. История государственной политики в области музейного дела дает богатейший материал для того, чтобы избежать многих ошибок и использовать всё то ценное, что может способствовать его оздоровлению.

Музейное дело России в современный период. Смена формаций, ценностей и приоритетов, начавшийся процесс изменения менталитета россиян в XXI веке поставили музеи в совершенно новые, уникальные условия. Музей оставался одним из немногих островков духовности, надежды на возрождение, куда сегодня, несмотря ни на что, тянется человек. Парадокс времени заключается в том, что спрос на музейную продукцию растет, причем и этот спрос, и ожидания публики носят новый для музейных сотрудников характер.

В этих условиях потребность общества именно в данном, конкретном музее напрямую зависит от уровня коллективного понимания происходящих изменений и от качества реализации им социальных функций.

Проблемы определения спектра социальных функций музея в постсоветский период вышли из разряда интуитивно-практических в разряд научно-практических. Они требуют научного осмысления — и с точки зрения современного обществоведения, и с точки зрения современного музееведения.

Вот почему представляется небесполезным выяснить, что представляют собой социальные функции современного музея.

Если обратиться к международному опыту, выясняется следующее. Американская ассоциация музеев считает, что основными функциями являются воспитание и эстетическое удовлетворение. Швейцарская ассоциация добавляет ещё и третью функцию: помощь развитию науки. Из определения, сформулированного и принятого ИКОМ, следует, что к его социальным функциям относятся хранение, экспонирование, воспитание, обучение и наслаждение.

За последние годы в определении социальных функций появились новые тенденции, которые обуславливают существенные изменения в общественном предназначении, деятельности музея, те принципиальные факторы, без учета которых нельзя осуществлять музейную деятельность на современном этапе.

Внешние факторы, не зависящие от музея:

— Россия стала многополюсным образованием; для исторического музея это — важнейший фактор, который необходимо учитывать при организации научной, экспозиционной и просветительной работы;

— отсутствие в России компромиссной, толерантной, консенсусной культуры; исторический музей может и должен помочь обществу решать эту задачу;

— радикальная революция собственности, вызывающая дальнейшее расслоение российского общества, ставит в повестку дня музея необходимость взять на себя функцию социальной адаптации членов общества к новым условиям жизни;

— появление новых ценностных ориентиров;

— информационная революция, непосредственным образом влияющая на содержание, характер и формы музейной коммуникации;

— другие позитивные и негативные последствия, сопровождающие любую социальную революцию.

Без учета влияния этих факторов на общество невозможно себе представить развитие музеев на современном этапе.

Существуют и внутренние, по отношению к музею, факторы, влияющие на характер его развития:

Во-первых, состояние исторической науки — главной теоретической основы музея исторического профиля;

— деидеологизация и плюрализм исторической науки;

— произошедшие изменения в самом содержании философии истории, в понимании основной сути общественно-исторического развития и ведущих принципов и методов его познания;

— учёными вырабатывается новая концепция исторического развития на основе более широкого и полного синтеза научных теорий, подходов и методов;

— нового подхода требуют проблемы раскрытия деятельности человека в истории с его лично-индивидуальными чертами, с его нравственно-психологическим обликом.

Во-вторых, значительные изменения, произошедшие в источниковедении и в возможностях работы с источниками:

— историки осваивают не только новые массивы источников, но и современные технологии, формы и методы работы с ними;

— появился новый тип источника — электронный. Музей не всегда готов не только работать с этими источниками, но даже организовать их хранение;

— в связи с появлением негосударственных учреждений различных форм собственности возникают сложности с изучением, сбором документов, информации, вещественных и иных источников — потенциальных музейных экспонатов. Требуется выработка новых подходов к проблеме комплектования фондов — и особенно по современному периоду;

— демократизация процесса доступа к информации порождает для музея новую проблему: предоставление информации при условии соблюдения авторских прав музея.

В-третьих, нельзя не учитывать, что политология как наука о закономерностях и методах осуществления политической власти становится равноправной и общедоступной сферой научных интересов общества. Удовлетворять эти запросы члены общества нередко приходят в музей.

В-четвертых, исторический музей как образовательно-воспитательный институт, непосредственно работающий с обучающейся аудиторией, удовлетворяющий её различные запросы, не может не отреагировать на изменения парадигмы школьного и вузовского образования. В системе так называемых общественных наук, изучаемых в школе, появился целый ряд новых дисциплин — таких, как политология, политическая история, правоведение, право и политика, конституционное право и т. д.

На принципиально новый уровень значимости для практической музейной деятельности выходят процессы интеграции музеологии и культурологии, музеологии и психологии, музеологии и социологии. Сегодня уже в ряде музеев России есть музейные педагоги, культурологи, маркетологи, а в будущем можно ожидать появление и музейных психологов, социологов, режиссеров. Применение в музейной практике знаний социологии, психологии, культурологии, менеджмента и маркетинга повысит качество обслуживания посетителей, окажет влияние на их количество, решит вопросы жизни музея в новых условиях.

К следующей группе факторов, непосредственно влияющих на содержание музейной деятельности, необходимо отнести существенные изменения, происходящие собственно в музееведении (музеологии).

Мировая практика показывает, что развитие музеев идет по пути превращения их в комплексные культурно-исторические и досуговые центры. Это существенно образом изменяет подход к организации музейного пространства в широком смысле этого понятия: имеются в виду экспозиции, выставки, рекреационные зоны, досуговые центры, современная музейная инфраструктура. Это диктует необходимость разработки новых форм работы с посетителем, организации процесса его пребывания в музее¹⁵. (15 См. раздел «Культурно-образовательная деятельность музея».) Музей как воспитательно-образовательное учреждение и культурно-развлекательная организация одновременно становится сложным организмом с разветвленной сетью современных служб, призванных обеспечивать удовлетворение широкого спектра интеллектуальных и культурно-бытовых запросов общества. Музейная коммуникация сегодня выступает как одна из форм социального управления в области культуры.

На переломе XX и XXI столетий существенно изменилась миссия российских музеев. Её содержание все теснее связывается с общественными запросами.

Содержание понятия миссия музея в мире подверглось за последние сто лет серьезной эволюции: от просвещения малообразованной части общества в начале века — до формирования у посетителя понимания и критического осмысления событий, явлений и культур в конце столетия.

Если проинтегрировать определения, приводимые в различных музейных источниках, а затем вывести общую формулировку, то получится, что: миссия современного музея — это совокупность его социальных функций, его общественное предназначение, ради которого он существует, и то, что помогает посетителю отличить это учреждение от других образовательно-воспитательных, культурно-просветительных и досуговых центров.

Хабаровский краеведческий музей, Государственный музей Дальнего Востока им. Н. И. Гродекова, а с 2006 года вновь Хабаровский краевой краеведческий музей, переживший за последние два десятилетия масштабную реорганизацию, формулирует свое понимание общественного предназначения следующим образом: музей — это культурно-исторический и досуговый центр, хранящий и популяризирующий среди посетителей на основе проводимых научных исследований культурно-историческое наследие, с использованием новейших информационных, музейно-педагогических, рекреационных и других технологий музейной коммуникации, способствующий сохранению и обогащению исторической памяти дальневосточников, формированию исторического самосознания.

Не случайно, на взгляд ведущих музеологов России, основные функции музея заключаются в следующем:

- хранение культурно-исторического и духовного наследия;
- документирование политических, экономических, социальных процессов в жизни российского общества в соответствии с профилем и научной концепцией;
- воспитание и образование членов общества;
- социальная адаптация членов общества;
- формирование демократических и гуманистических принципов взаимоотношений в обществе;
- формирование исторического самосознания;
- обеспечение культурного досуга.

Современный музей реализует свое назначение посредством выполнения социальных заказов:

- служит местом общения;
- предоставляет условия для досуга;
- обслуживает туристические и экскурсионные фирмы;
- обеспечивает рабочие места для определенной части интеллигенции;
- зарабатывает средства в сфере интеллектуальных услуг и, тем самым, выполняет часть бюджетнообразующей функции государства.

Среди новых задач в рамках обновленного содержания функций музея могут появиться следующие:

- развитие политического мышления;
- пропаганда политической культуры;
- совершенствование общественного опыта;
- способствование становлению культурного и политического плюрализма в обществе.

И, наконец, возможна постановка именно перед современным историческим музеем такой актуальной задачи, как обеспечение общества определенной суммой политических знаний, ценностных морально-этических, нравственных, патриотических ориентиров и установок.

На пути реализации функций современного музея стоят проблемы, связанные с созданием новых и перестройкой старых форм управления музеем, установлением новой системы функциональных связей, структурными преобразованиями, конструированием новой системы взаимоотношений с посетителем.

Музей в современный период — это, прежде всего, тщательно отобранная, научно и профессионально освоенная музейная коллекция, подготовленная для восприятия посетителем в понятных и комфортных для него формах коммуникации. Это классическое единство «храма» и «форума», сохраняющее и обогащающее коллективный опыт общества.

Раздел 3.

История музейного дела на Дальнем Востоке России

3.1. Становление музейного дела

*Формирование музейной сети
(конец 80-х гг. XIX — начало XX вв.).
Деятельность дальневосточных музеев,
комплектование музейного собрания
Приамурского края (конец XIX — 1917 г. XX вв.).*

В становлении музейного дела на Дальнем Востоке России и в формировании дальневосточной музейной сети можно выделить два определения, или подхода.

Во-первых, музеи создавались как самостоятельные учреждения на основе любительского труда местного населения, в том числе политических ссыльных, в области изучения края, порой — на базе временных областных или городских выставок. Они назывались обычно городскими или общественными, объединяли материал, собранный отдельными исследователями. Как правило, имели на дальневосточной окраине непродолжительную историю.

Во-вторых, организация местных музеев была связана с деятельностью научных обществ: Общества изучения Амурского края (Владивосток), Приамурского отдела ИРГО и его отделений (Хабаровск, Чита, Кяхта), которые вели обширную исследовательскую и экспедиционную деятельность, осуществляя создание естественно-исторических коллекций. Эти музеи именовались обычно по названию тех областей, краёв и городов, в которых были основаны и изучением которых занимались. Краеведческий материал сохранялся в большинстве коллекций местных музеев. Значительная его часть отражала личные вкусы, склонности собирателей, поэтому термин «местный музей» в большей степени соответствовал названию — музей места (региона, города, села). Термин «краеведческий музей» до 1917 г. почти не применялся. Занимавшиеся изучением края комплексные музеи явились, по существу, прототипами современных краеведческих музеев.

К 80—90-м гг. XIX в. на территории Дальнего Востока России была сформирована сеть комплексных (краеведческих) музеев, в состав которой вошло восемь музеев: в Нерчинске (1886 г.), Владивостоке (1890), Благовещенске (1891), Хабаровске (1894), Кяхте (1894), Чите (1895), Александровске-на-Сахалине (1896), Петропавловске-на-Камчатке (1910). Они заявили о себе как о существенном факторе общественного развития, средстве сохранения историко-культурного наследия, без которых уже не мыслилось развитие науки, культуры, просвещения.

Инициатива создания музеев принадлежала провинциальной интеллигенции, высокообразованному офицерству и местной администрации. Особо следует выделить роль генерал-губернаторов, которые помимо служебных обязанностей значительно расширили рамки границ своей созидательной деятельности, активно содействуя становлению и развитию дальневосточных музеев. При активном участии генерал-губернаторов Н. И. Гродекова, П. Ф. Унтербергера, Н. Л. Гондатти, военного губернатора о. Сахалина В. Д. Мерказина были открыты музеи в Хабаровске, Владивостоке, Александровске-на-Сахалине.

Во многом благодаря благотворительности и пожертвованиям широкого круга дарителей были построены специальные здания, в которых располагаются музеи Владивостока, Хабаровска, Читы до сих пор.

В эти годы музейная деятельность становится довольно популярной не только в кругах интеллигенции, но и среди богатых купцов, промышленников, представителей крестьянского сословия. Проникновение в Сибирь капиталистических отношений и развитие внутреннего рынка вызвали необходимость систематического, планомерного, всестороннего сбора фактического материала о природе, экономике, истории края. Музеи были той формой научных учреждений, которая в исследуемый период отвечала этим задачам. Общественные или частные, они являлись местом хранения, научной обработки, систематизации материалов, собранных в результате изучения края. Наглядность и доступность выставленных в сибирских музеях коллекций способствовали распространению знаний о крае и привлекали к работе по его изучению самые широкие слои населения.

Особый сибирский феномен в становлении музейного дела в Восточной Сибири — политические ссыльные, среди которых были люди высокообразованные, специалисты в самых разных отраслях науки. Многие из них в начале 1890-х гг. приняли активное участие в создании научных обществ и музеев в Приамурском крае. А. П. Щапов, И. Д. Черский, Н. И. Витковский, Н. В. Кириллов, Д. А. Клеменц, А. К. Кузнецов подняли вопрос о необходимости обмена опытом, созыва съезда музейных работников Сибири и Дальнего Востока, они также разрабатывали научные принципы организации и деятельности музеев.

Развернувшееся во второй половине XIX в. научное изучение Приамурского края, сопровождавшееся собирательством разнопрофильных и разномасштабных коллекций и материалов, возникновение научных обществ, деятельность сибирских музеев, часть которых в связи с очередными административно-территориальными преобразованиями была отнесена к Дальнему Востоку России, во многом предопределили возникновение и на окраине страны естественноисторических комплексных музеев.

В отличие от европейской части России (с её близостью к столицам и университетским городам), дальневосточные учреждения, как и сибирские, носили, в основном, комплексный характер. Это означало, что в своих экспозициях они представляли природу, культуру и быт местного населения края. Такой подход к комплектованию музейных коллекций и их показу был вызван слабой изученностью новых дальневосточных территорий и их природных богатств, этнографическими особенностями Приамурского края, а также малочисленностью этих научных учреждений.

История создания музея г. Владивостока, первого музея Приамурского края, организованного под покровительством первого научного общества — Общества изучения Амурского края (ОИАК) на дальневосточной окраине, связана с началом географического и экономического освоения дальневосточных территорий, вызванного бурным развитием страны после буржуазных реформ 60-х гг. XIX в., ожививших общественную и культурную жизнь Дальнего Востока России. Одним из его центров стал в начале 90-х гг. XIX в. Владивосток.

Наиболее решительные и деятельные представители интеллигенции Владивостока объединились с целью воплотить идею музея в жизнь. Люди высокообразованные, они понимали, что молодому Амурскому краю необходима не кунсткамера, где хранились бы «образцы местной породы и производства», а своего рода комплексное научное общество, способствующее развитию региона. Эта миссия музея требовала, по мнению основателей, «попечения лиц, преданных делу, на обязанности которых лежала бы забота не только охранения, но и определения коллекций посредством сношения с учёными учреждениями и лицами».

Музей во Владивостоке строили всем миром. Деньги собирали по подписным листам. Из более 30 тыс. рублей, израсходованных на строительство музея, более 25 тыс. рублей

пожертвовано жителями города и всего Уссурийского края. Пожертвования вносили не только деньгами: выделяли стройматериалы, гужевой транспорт, предоставляли скидки.

Торжественным было открытие музея **30 сентября 1890 г.** На момент открытия в фондах музея (два года до этого события хранящихся в пакгаузах крупного промышленника, мецената музея М. Г. Шевелёва), насчитывалось 1000 экспонатов по этнографии, археологии, зоологии, ботанике, геологии.

Активное участие в организации музея, комплектовании и научной обработке его коллекций приняли Ф. Ф. Буссе (1838—1897 гг.), заведующий Приморским переселенческим управлением, основатель Общества изучения Амурского края, В. П. Маргаритов (1854—1916 гг.), учитель, археолог и этнограф, один из основателей ОИАК, М. Г. Шевелёв (1847—1903 гг.), коммерческий советник, востоковед, промышленник, меценат. Много работали над улучшением экспозиций музея лесничий, член ОИАК Н. А. Пальчевский, выдающийся русский флотоводец и учёный С. О. Макаров. Среди дарителей экспонатов числились морские офицеры и гимназисты, студенты Восточного института, местная интеллигенция, предприниматели и крестьяне.

Незначительность средств, поступавших во Владивостокское отделение Приамурского отдела Императорского Российского Географического общества (с 1894 г.) на содержание Общества и музея, не позволяла вести большую экспедиционную деятельность. Одной из основных задач музея, определенной его первыми директорами — В. П. Маргаритовым (1884—1890 гг.) и Н. В. Сологубом (1890—1891 гг.), — была систематизация и приведение в порядок основных коллекций, которые постоянно пополнялись новыми экспонатами. В первые годы существования музея они поступали «в довольно обильном количестве».

Устав Общества изучения Амурского края так определил цель создания музея: «Дать возможно полное понятие о городе и крае, об естественных условиях и богатствах края, промышленном производстве и истории населения». Владивостокский музей, деятельность которого находилась под покровительством сначала ОИАК, а затем и Приамурского отдела, имел важное значение для становления музейного дела на Дальнем Востоке России: сюда потянулись представители прогрессивной интеллигенции, в лице которых музей получил работоспособный общественный актив.

Музей Владивостока возглавили члены ОИАК. Особо стоит отметить вклад Б. О. Пилсудского, отбывавшего ссылку на Сахалине за государственные преступления. С 1898 г. он работал в музее консерватором, приводя в надлежащий порядок коллекции. В 1900 г. был избран директором музея. Вплоть до 1902 г. Б. О. Пилсудский, по ходатайству ОИАК переведенный во Владивостокский музей, очень много делал для сохранности, научного описания фондов, особенно уникальных этнографических коллекций, отмеченных золотой медалью на Парижской Всемирной выставке в 1900 году.

В. К. Арсеньев, являясь с 1903 г. членом Общества изучения Амурского края, постоянно пополнял коллекции Владивостокского музея.

Здесь с 1907 г. работал А. И. Черский, консерватор, коллектор, автор научных работ по орнитофауне края, сын бывшего политического ссыльного и, впоследствии, выдающегося исследователя, известного путешественника И. Д. Черского. Его сменил А. Г. Кузнецов — прекрасный специалист. Он впоследствии создал интереснейший музей на Колыме.

К 1915 г. в фондах насчитывалось свыше 15 тыс. музейных предметов. Средняя ежегодная посещаемость музея во Владивостоке в дореволюционный период достигла 1.500 человек.

Активная деятельность музея Общества изучения Амурского края способствовала повышению его авторитета в научных и общественных кругах в России и за рубежом. Об этом свидетельствуют приглашения участвовать в международных, общероссийских и краевых выставках, переписка и обмен экспонатами со многими зарубежными музеями, в том числе и сопредельных государств. Музей довольно плодотворно сотрудничал и

обменивался экспонатами со Смитсоновским институтом в США. Благодаря своей разносторонней деятельности музей стал культурным центром Владивостока, в котором нашли приют многие просветительские объединения, любительские общества, кружки. В сентябре 1913 г. музей ОИАК посетил норвежский путешественник и исследователь полярных стран Фритьоф Нансен, который чрезвычайно заинтересовался этнографическими коллекциями.

Перед Обществом остро стояла проблема финансирования мероприятий и экспедиций, а также содержания музея. Учредители, активные члены и меценаты постоянно оказывали музею посильную помощь, но этого было, конечно, недостаточно. Тем не менее, к концу исследуемого периода в музее Общества уже работали два консерватора, библиотекарь, один препаратор, два сторожа и истопник».

Трудные времена наступили в 1917 году. В отчете музея за этот год написано: «Ненормальные условия нашей жизни, созданные ужасной европейской войной, усилившиеся затем благодаря политическому перевороту в феврале 1917 года, поставили музейное дело в невозможные условия. Сказочная дороговизна, отсутствие необходимых для работ материалов, упадок научной деятельности учёных учреждений, обществ и отдельных лиц нарушили планомерность музейной работы». Как выживал музей в бурные годы революции и Гражданской войны, — это тема отдельная.

Создатели другого, не менее значительного научного сообщества — ПО ИРГО — не мыслили его существования без местного музея естественноисторических и этнографических предметов. Недостатка в экспонатах не было. Интересную орнитологическую коллекцию за почти десятилетнюю службу в крае составил В. Н. Радаков. Сборами насекомых много лет занимался С. А. Монковский. Богатую коллекцию естественно-исторических и этнографических предметов оставил первый генерал-губернатор А. Н. Корф. Образцами древесных пород и семян располагал М. С. Веденский, нумизматикой увлекались многие офицеры Приамурского военного округа и инженеры строившейся Уссурийской железной дороги.

И потому, всего через восемь дней после проведения организационного собрания по поводу создания Приамурского отдела Императорского Российского Географического общества, в **Хабаровске 19 апреля 1894 г. открылся музей**. Это было первой крупной акцией распорядительного комитета Отдела, который возглавил Н. И. Гродеков, помощник генерал-губернатора в то время и, с 1889 г., действительный член ИРГО. Комитет постановил приглашать хабаровскую и приезжую публику в музей по воскресным и праздничным дням в определенные часы. «Первый общественный директор музея Василий Николаевич Радаков согласился давать объяснения почётным гостям... В иные дни выставленные коллекции осматривали до 100 человек».

Благодаря знаниям и опыту В. Н. Радаков в короткое время систематизировал, определил, снабдил этикетажом многочисленные коллекции. Это убеждало посетителей в серьезности намерений организаторов музея, их компетентности и профессионализме. И многочисленные пожертвования от самых разных слоёв населения Хабаровска начали поступать почти ежедневно. Если на момент открытия в музее числилось немногим более тысячи экспонатов, то к маю 1895 г. экспозиции значительно пополнились экспонатами этнографии, до 400 зоологических объектов, минералогическими, палеонтологическими и другими образцами. Накопилось 15 ящиков с насекомыми и другими экспонатами, около 100 банок с заспиртованными животными, 3 больших гербария, несколько мешков с одеждой и утварью.

Хотя В. Н. Радаков и потрудился на благо музея всего год, плоды его деятельности весьма существенны. Он заложил научные основы музейного дела, продолжил традиции бескорыстного служения науке на дальневосточной окраине.

С 1895 по 1899 гг. музей возглавлял окружной инспектор училищ Приамурского края В. П. Маргаритов. Первейшим вопросом тогда стала необходимость строительства самостоятельного отдельного, отвечавшего всем требованиям здания. На первое место

среди всех проектов и планов был выдвинут вопрос о постройке специального здания для естественно-исторического музея.

Проект здания и смету на его строительство бесплатно составил инженер Л. О. Чайковский.

1 августа 1895 года в 11 час. 30 мин. утра совет Отдела торжественно заложил музей. Официальное торжество по случаю открытия первой трети музея состоялось **в декабре 1896 г.** К концу 1896 г. музей «вырос в богатое со своим роскошным зданием и количеством коллекций учреждение, являющееся украшением Приамурского края». Причина столь быстрого роста заключалась «исключительно в энергии и заботливости лиц, стоящих во главе учреждения, сумевших увлечь личным примером... интеллигенцию края».

Фондообразователями Хабаровского музея стали М. С. Веденский, А. П. Сильницкий, В. И. Тюшев, Е. И. Мациевский, М. М. Иванов и десятки других жертвователей. В частности, Н. И. Гродеков принёс в дар полную коллекцию почтовых марок колоний Восточной Азии, коллекцию различных сортов чая, китайские головные уборы и статуэтки. По распоряжению С. М. Духовского, покровителя отдела, из Никольска-Уссурийского в Хабаровск был доставлен чжурчжэньский могильный памятник в виде каменной черепахи весом 400 пудов, который украсил передний фасад музея. Управляющий Пекинской заграничной почтовой конторы Гомбоев пожертвовал прекрасную и полную коллекцию из 105 бронзовых будд, весьма ценных в научном отношении.

Только благодаря общественности, а также личному участию Н. И. Гродекова, который в то время уже занял пост генерал-губернатора и разными способами привлекал денежные средства и материалы для строительства, — здание музея было построено. Большую роль сыграли различные благотворительные вечера, концерты, народные гулянья, лотереи-аллегри.

Например, для получения средств на пристройку третьей и последней части музея ПО ИРГО к существующему уже зданию, в апреле 1899 г. в Городском саду было устроено «большое народное гулянье с базаром, буфетами, катаньем на пароходах, открытой сценой и китайской процессией». Было собрано и передано на достройку здания 2500 руб. 23 апреля 1899 г. в Военном собрании состоялся музыкальный драматический вечер, сбор с которого был предназначен в пользу постройки третьей части музея. Как сообщили «Приамурские ведомости», в пользу музея было собрано 347 рублей. А. И. Омельяновиц-Павленко устроила во владивостокском военном собрании концерт в пользу Хабаровского музея. Концерт дал сбор 1730 рублей. В сборе средств на строительство музея участвовала и общественность Владивостока. Большие взносы на постройку музея поступали и от состоятельных хабаровчан. От военного губернатора Сахалина было получено 5000 рублей, от фирмы «Кунст и Альберс» — 200, от компании «Ельцов и Левашов» — 300. В одном только 1895 г. было пожертвовано частными лицами, фирмами и компаниями свыше 10.000 рублей.

В 1890 г. общее количество единиц хранения в музее ПО ИРГО г. Хабаровска превысило 11 тысяч. В иные дни музей посещало до 700 человек.

Военный инженер С. Н. Ванков был руководителем хабаровского музея и организатором его работы в течение почти двух лет (1899—1901 гг.). Большой интерес представляет речь, которую он произнес 1 августа 1900 г. в Хабаровске на торжествах по случаю 50-летия «всодружения русского флага на устье Амура»: «В храме науки, каким является музей, должно сосредоточиться всё, касающееся родного края, населявших и населяющих его ныне народов; всё это должно быть в нём исследовано и изучено самым тщательным образом. Вот почему музей приобретает для нас и будущих поколений особенно важное значение».

Отцы-основатели музея гордились добрым отношением горожан к нему. Каждый хабаровчанин «старался оказать своё содействие к обогащению, улучшению и раз-

решению этого, столь полезного краю научно-общественного учреждения, внося свою лепту или трудом, или коллекциями, или путем сбора пожертвований».

Музей в Хабаровске, как считали современники, «привлѣк к себе всех жертвователей и быстро перерос музей Владивостока» (который был открыт четырьмя годами раньше). Об этом говорят основные показатели деятельности музеев Приморской области, приведенные в статистическом отчете за 1900 год.

Всемирные выставки, торгово-промышленные, а чаще универсальные (впервые — в Англии, а затем во Франции, Германии), служили укреплению международного сотрудничества в области торговли, культурных связей, науки и техники. В выставке 1900 г. в Париже приняли участие 35 государств. К участию в выставке был приглашен и Приамурский отдел ИРГО.

После бурных обсуждений специальная комиссия решила отправить во Францию «образцы национальной одежды амурских племѣн и чучела наиболее примечательных представителей фауны. Было подготовлено 12 чучел амурских рыб, в том числе калуга в 6 аршин». 13 июня 1899 г. в «Приамурских ведомостях» была помещена заметка о том, что «для Хабаровского музея куплена калуга в 6 аршин длиной, из которой делается чучело, на днях будет готово...» К большому огорчению членов Приамурского отдела ИРГО, сотрудников музея, «великолепно выделанное чучело калуги при транспортировке получило повреждение, дело с реставрацией затянулось, и редкостный экспонат пришлось отправить [может быть, правильнее — оставить? — *Авт.*] в Забайкалье». В экспозиции ПО ИРГО, среди экспонатов музея, европейцы увидели «чучела северных оленей — один запряжен в нарты, другой — под выюком, 8 манекенов амурских инородцев в костюмах, чучела ездовых собак».

На рубеже нового XX века, на седьмом году своего существования Приамурский отдел ИРГО, его любимое детище — краеведческий музей — «вступили в первые ряды учёных обществ Западной Европы, насчитывающей за своей спиной не один пройденный десяток лет, а целое столетие».

В краткой истории Приамурского отдела ИРГО (1893—1913 гг.), отмечалось: «подбор коллекций Приамурского края оказался составленным с такой совершенной научной подготовкой, что был признан одним из лучших экспонатов Всемирной выставки, и Приамурскому отделу был присужден диплом на золотую медаль».

В начале 1901 г. на имя генерал-губернатора Приамурского края Н. И. Гродекова пришло благодарственное письмо от великой княгини Елизаветы Фѣдоровны, сестры жены Николая II: «На Всемирной выставке в Париже, осматривая находившийся под моим покровительством Краинный отдел, я имела случай убедиться в превосходном подборе экспонатов».

По инициативе Н. И. Гродекова в Хабаровском естественном историческом музее появились необычные экспонаты, неизменно привлекавшие внимание посетителей. Это были живописные полотна, гравюры и скульптуры. «Если в крае сделано и делается возможное для удовлетворения умственных интересов общества, — писал Гродеков, — то потребности эстетические, особенно в области живописи и ваяния, остаются совершенно неудовлетворенными..., нет ни одной картинной галереи, но и вообще как величайшую редкость можно встретить картину не лубочного характера. Целые поколения вырастали, не имея представления о художественной живописи».

В связи с этим Н. И. Гродеков обратился к президенту Академии художеств с просьбой предоставить в нарождавшийся Хабаровский музей художественные произведения. В ответ на просьбу Академия передала в Хабаровск 24 картины, 26 гравюр, 6 рисунков и 6 гипсовых скульптур, которые в начале 1902 г. прибыли к месту назначения.

Открыть будущий музей, по мнению Н. И. Гродекова, надо было в новом здании. Генерал-губернатор даже организовал сбор средств на его строительство, но ко времени прибытия первых работ здания ещё не было, и полученные художественные произведения временно разместились в женской гимназии. Предполагалось, что связи с Академией

станут постоянными. На эти цели Н. И. Гродеков сразу же ассигновал из личных средств тысячу рублей. Но средств на строительство пока не хватало. Совет Приамурского отдела принял решение разместить художественную коллекцию на третьем этаже музея Географического общества.

В годы русско-японской войны (1904—1905) музей Приамурского отдела ИРГО в Хабаровске не открывался месяцами, лишившись «постоянного притока пожертвований и денежной помощи на свои неотложные нужды. Последовавшая частая смена директоров музея привела к упадку состояния коллекции музея».

В 1908 г. заведовать музеем попросили молодого естествовед П. П. Бордакова, участника второй большой экспедиции В. К. Арсеньева. В июле 1910 г. директором музея избрали В. К. Арсеньева. Он уже имел значительный опыт экспедиционных исследований, участия во многих краевых, российских выставках, где представлял свои этнографические и археологические коллекции, издал ряд научных публикаций и трудов. Следуя примеру своих предшественников — В. Н. Радакова, В. П. Маргаритова и С. Н. Ванкова, В. К. Арсеньев поставил себе целью «безупречную сохранность вверенных ему сокровищ музея, а затем... доведение подбора коллекций до возможного совершенства».

В 1913 г., после трех лет напряженной работы в музее, В. К. Арсеньев написал: «Наш музей теперь расцвёл — я всё время работал в этнографическом отделе и по археологии, а мой помощник — в зоологическом». А в 1914 г. он с ещё большей гордостью записал: «Наш музей значительно пополнился. Этнографический отдел — лучший в Сибири. Есть вещи, которые заслуживают особого внимания». Комплектуя фонды своего музея, ведя активный обмен дубликатами с российскими и зарубежными музеями, научными обществами, В. К. Арсеньев никогда не продавал «свои сборы по этнографии». Он считал, что «музеи — дело народное, общее, и потому все должны работать бескорыстно...».

С увлечением постигая новое для себя дело, В. К. Арсеньев определил основные направления в комплектовании фондов, сам активно участвовал в сборе коллекций, значительно расширив контакты Гродековского музея с ведущими музеями и академическими учреждениями страны и видными исследователями. Музей становился не только хранилищем ценных коллекций, но и учреждением, активно влиявшим на изучение края и его освоение.

Благодаря общению с опытными «краеведами-собирающими», изучению литературы, всевозможных инструкций, а также личному опыту Арсеньев к началу своих Сихотэ-Алинских экспедиций (1906—1910) обладал широким комплексом специальных знаний. Это очень помогало ему в отборе нужных коллекций для музея. В. К. Арсеньев тяготился своей должностью директора, которая обязывала его решать различные хозяйственные и административные вопросы. Он был «совершенным образцом путешественника». В письмах к Л. Я. Штернбергу (своему учителю, уже известному учёному-этнографу), Б. Ф. Адлеру, С. М. Широкогорову В. К. Арсеньев постоянно сетовал, что генерал-губернатор Гондатти не пускает его в экспедиции, «заставляя рекламировать музей».

Тем не менее, Гродековский музей за время директорства Арсеньева превратился в один из лучших музеев Восточной Сибири и Дальнего Востока. Об этом свидетельствует отзыв известного норвежского путешественника Ф. Нансена, сделанный в период 1910—1916 гг.: «Посетил я и городской музей, где капитан Арсеньев указал мне много интересных предметов, рисующих быт различных здешних туземцев, которых капитан основательно изучил во время своих поездок».

Известный этнограф С. М. Широкогоров осенью 1916 г. в своем письме сообщал Л. Я. Штернбергу: «Мы очень довольны нашим посещением музея и знакомством с Арсеньевым. Ознакомление с коллекциями было весьма полезно и даже необходимо. Относительно виденного могу сказать, что весьма многому мог бы позавидовать и академический музей».

В 1914 г. вышел 10-й том с очередным (22-м) выпуском Записок Приамурского отдела, в котором поместили работу В. К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае». Книга

оказалась последним изданием научных трудов Общества и музея в дореволюционный период. Затем деятельность Отдела стала замирать несмотря на отчаянные усилия по поддержанию работы библиотеки и музея, директором которого был В. К. Арсеньев.

В годы первой мировой войны В. К. Арсеньев изыскивал средства для ремонта здания и увеличения жалования служащим музея и библиотеки. Организовывались литературно-музыкальные вечера и гулянья в саду с целью сборов средств на содержание музея и библиотеки, привлекались новые члены в Отдел, «усиливали продажу изданий Общества». Музей отнимал у Арсеньева очень много времени. В последние годы работы в Гродековском музее (1914—1918 гг.) В. К. Арсеньев ещё больше тяготился обязанностями директора. Он писал Л. Я. Штернбергу: «После войны я думаю уйти в отставку... хочу просить Вас... поговорить с академиком Радловым. Быть может, он замолвит за меня словечко в Совете Географического общества...» В. К. Арсеньев мечтал закончить свои работы, связанные с Уссурийскими экспедициями. В начале января 1917 г. он вновь сообщал Л. Я. Штернбергу, что, «покончив работы с Гродековским музеем, теперь всецело станет усиленно работать для музея Петра Великого» в Петербурге. Но, в связи с революционными событиями в России, В. К. Арсеньев был прикомандирован к штабу, затем назначен комиссаром Временного правительства по инородческим делам Приморской области, исполняя обязанности директора музея на общественных началах.

К 1917 г. музей Приамурского отдела ИРГО в Хабаровске стал делом продвижения науки на далекой окраине России. Его богатеющие экспонатами коллекции свидетельствовали о пробуждавшемся среди русского общества интересе к изучению Дальнего Востока.

Почти одновременно с Хабаровским, **12 апреля 1894 г.**, в старинном культурном центре Забайкалья — **Кяхте** — **официально открылся музей Троицкосавско-Кяхтинского отделения ПО ИРГО**. Основанная в 1728 г., Кяхта к концу 80-х гг. XIX в. стала форпостом на границе, единственным в те годы центром торговли России с Монголией и Китаем. Музей создавался интеллигенцией «при искреннем участии директора местного реального училища Н. Н. Сабурова и некоторых его преподавателей с большими трудностями при полном равнодушии местных властей». Он имел «доисторическую, ботаническую, по горному делу и кустарную коллекции, находившиеся в большом порядке».

По мнению В. Н. Радакова, основание музея в Троицкосавске было очень важным событием в научном и практическом отношениях. Он имел в виду «сочувствующее этому делу» кяхтинское купечество, а также развивавшиеся торговые отношения с Монголией, Маньчжурией и внутренним Китаем. «Это дает возможности России, Приамурскому краю получить блестящие научные и практические данные и материалы...».

Ряд отделов Географического общества, в том числе Приамурский, включали в программу своих работ, наряду с изучением края, исследование пограничных с Сибирью стран, что отражало, с одной стороны, практический интерес к сопредельным государствам как рынкам сбыта, с другой — научный интерес к пограничным с Россией территориям.

Экономическая и культурная жизнь Забайкалья, входившего тогда в Приамурский край, в начале 90-х гг. XIX в. уже нуждалась в научной систематизации. Ответом на это веление времени явилось открытие **музея в Чите 16 (29) апреля 1895 г.** Как и Кяхтинский, Читинский музей стал детищем Приамурского отдела Географического общества. Инициаторами стали видные краеведы, политические ссыльные А. К. Кузнецов, Г. А. Стуков, Д. М. Головачев, Н. В. Кириллов и другие. «Отделение не имело собственного помещения и арендовало пустовавшее здание мужской гимназии. Здесь были размещены экспонаты музея и библиотека». По мнению учредителей, Читинский музей должен был представлять «наглядную картину природы как окружающей нас, так и отжившей, и проявлений человеческого ума как в настоящее время, так и в прошедшем». В 1896 г.

в музее Читинского (Забайкальского) отделения числилось 13.259 предметов. Естественно-научные коллекции всё время пополнялись сборами любителей в результате специальных экскурсий и поездок в различные пункты края.

С самого основания музея существенное значение имели геологические и минералогические исследования. Значительный вклад в изучение подземных кладовых Забайкалья внес В. А. Обручев. Основу первых коллекций составляли минералогические предметы. Уже через год, в 1896 г., в музее (по данным первых отчетов Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО) хранилось 3.163 образца горных пород, минералов, руд.

В конце XIX в. А. Э. Гедройц после посещения ряда пегматитовых жил Борщовочного кряжа и его слабо обследованной северо-восточной части собрал и передал в Читинский музей большую коллекцию.

Исключительно плодотворным было участие в деятельности Читинского отделения ПО ИРГО сотрудников Забайкальской горной партии, которые положили начало богатой коллекции петрографии и палеонтологии в музее Общества. Много усилий к созданию геологического музея приложил А. П. Герасимов. Большое содействие музею геологическими коллекциями и их разработкой оказали А. К. Кузнецов, К. Д. Логиновский, Г. В. Адрианов, А. А. Фомин и другие. В результате их стараний музей значительно пополнил свою минералогическую коллекцию и принял участие во Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году. В пополнении геологического отдела музея коллекциями, их обработке принимали участие геологи А. В. Арсентьев, С. Д. Кузнецов, А. Н. Баньщиков. За исследование вулканов Маньчжурии И. К. Вислоуху была присуждена малая серебряная медаль Русского Географического общества. Уже к 1900 г. в музее было собрано 20.000 экспонатов.

Деятельность музея и отделения Географического общества сильно страдала от недоброжелательности местной администрации. В частности, совершенно не сложились отношения у губернатора Забайкальской области И. П. Надарова (кстати, возглавлявшего Приамурский отдел ИРГО после ухода Н. И. Гродекова) с директором Читинского музея А. К. Кузнецовым, который был «по политическим мотивам» отстранен от работы в учреждении. Ушли и все его деятельные члены «вследствие созданных Надаровым невозможных условий для какой бы то ни было культурной работы». Музей был закрыт. Он вновь открылся для посетителей 31 октября 1904 г., его сотрудники и бескорыстные помощники активно продолжали комплектование музейных фондов.

В марте 1916 г. Читинское отделение Приамурского отдела было преобразовано в самостоятельный и независимый Забайкальский отдел ИРГО. Выразив полное согласие с этим решением Русского Географического общества, Совет Приамурского отдела ИРГО приветствовал такое обновление и выразил новому самостоятельному Забайкальскому отделу, его музею пожелание успеха в плодотворной деятельности на пользу русской науке и изучению края.

В начале XX века в Приамурском крае существовал и другой подход в образовании музеев местного края. Они создавались как самостоятельные учреждения на основе любительского труда местного населения, по инициативе отдельных лиц, в том числе и политических ссыльных, а также на основе временных областных или городских выставок. Самая первая попытка создания такого музея на дальневосточной окраине относится к 1858 г., когда в административном центре Приморской области г. Николаевске-на-Амуре по инициативе морских офицеров, городских властей при библиотеке был создан музей. «Однако несколько месяцев спустя отвечающий за это офицер-энтузиаст был переведен в другое место, и экспонаты выбросили за ненужностью*». (* Подробнее см.: Музеи Хабаровского края. Справочное издание / Сост. И. А. Аракчеева. — Хабаровск: ХККМ им. Н. И. Гродекова, 2007. — С. 95-96.)

Стоило бы привести ещё более поздний пример относительно удачной попытки организации музея по личной инициативе, столь характерной как для сибирских, так и

дальневосточных музеев подобного типа. В 1886 г. в городе Нерчинске Забайкальской области был «основан, главным образом, трудами г. Кузнецова, местный музей». Им была собрана обширная, чрезвычайно ценная коллекция каменного века в Забайкалье, кроме того, составлена довольно хорошая этнографическая коллекция, касавшаяся бурят, монголов и китайцев. В музее хранился единственный в своем роде гербарий забайкальской флоры, составленный бывшим нерчинским аптекарем Каро. Имея специальное образование и достаточные практические навыки в области ботаники, Ф. К. Каро «был в постоянных сношениях с Венским университетом, так что все его диагнозы были проверены венскими ботаниками». Именем Каро было названо несколько вновь открытых растений.

В связи с отъездом из Нерчинска в Читу сначала А. К. Кузнецова, а затем Ф. К. Каро, местное общество осталось без «личности, которая могла бы заведовать принадлежавшим городу музеем».

Созданный в 1891 г. музей в г. Благовещенске, на базе выставки золотодобывающей промышленности, устроенной в честь посетившего город наследника престола цесаревича Николая, также пережил немало трудностей. 29 августа 1891 г. городская дума постановила: «Пожертвованными золотопромышленными компаниями моделями машин и инструментами для горного производства положить в городе Благовещенске начало музею, поместив его в здании думы и поручив наблюдение городской управе». Жители города с более чем 20-тысячным населением собрали для музея инвентарь и оборудование. Местная интеллигенция понимала важность открытия в небольшом провинциальном областном центре первого культурного учреждения. Как свидетельствуют архивные документы, открывшийся «в целях лучшего (наглядного) ознакомления жителей с историей, археологией, этнографией и культурой Амурской области и сопредельных с нею местностей», в 1891 г. Благовещенский городской музей состоял из естественно-исторического, археологического, этнографического, промышленно-хозяйственного и общеобразовательного отделов с библиотекой.

В «Сведениях о библиотеках, музеях Амурской области в 1900 году» сообщалось, что в музее г. Благовещенска «имелось 519 наименований в 745 экземплярах».

28 февраля 1901 г. на общем собрании членов комитета было избрано Правление комитета. Председателем Правления стал А. В. Кириллов. Но в 1905 г. он навсегда уехал из Благовещенска, и музей опять на несколько лет закрылся для публики, а коллекции оказались разрозненными.

В 1909 г. в Благовещенске образовался Амурский отдел Общества изучения Сибири и улучшения её быта. Он принял музей под своё покровительство. Новые учредители решили, что в своей деятельности общество будет руководствоваться двумя принципами: объективностью научного метода при изучении и разработке сибирских вопросов и беспартийностью, обеспечивавшей терпимость ко всем мнениям... Общество изучения Сибири и улучшения её быта имело «целью изучения Сибири преимущественно в экономическом, культурном и правовом отношении, а также содействие подготовке и проведению в жизнь насущных для Сибири преобразований».

Городское самоуправление, признавая огромное значение музея как научно-просветительного учреждения, пошло навстречу ходатайству общего собрания членов Амурского отдела Общества изучения Сибири и улучшения её быта, и постановлением городской думы от 2 октября 1909 г. заведование музеем было передано комитету отдела. Непосредственное же управление и заведование было возложено на особую комиссию, именуемую «Постоянной музейной комиссией». Музейная комиссия вплоть до 1917 г. заботилась об обогащении музея экспонатами и приведением их в систему, организовывала специальные экскурсии для собирания их по области, привлекала к участию в работах комиссии посторонних лиц — специалистов, заботилась о популяризации музея в широких массах населения, вела текущую работу музея, составляла годовую отчетность о своей деятельности. Непосредственное наблюдение за музеем возлагалось

на особое лицо — хранителя. Таким образом, созданный в 1891 г. на основе золотопромышленной выставки по инициативе городского самоуправления и местной интеллигенции **Благовещенский музей был официально утвержден Министерством внутренних дел 5 декабря 1898 г.** Получив юридический статус, он стал называться: Благовещенский городской музей.

Следующим открывшемся в Приамурском крае по инициативе местной интеллигенции стал музей в посту Александровском на острове Сахалин. Открытию его предшествовала многолетняя подвижническая работа местной интеллигенции, политкаторжан, распорядительного комитета, который лично возглавлял военный губернатор острова генерал-майор В. Д. Мерказин, весьма образованный и порядочный человек. «В течение многих лет прибывавшие на Сахалин естествоиспытатели и просто любители собирали коллекции различных представителей его флоры и фауны... Но всё это уплывало с острова во все страны света, в большинстве случаев не вызывая интереса в местном обществе, бывало даже, что оно узнавало об этом из столичных газет». И только в 1892 г. врач Р. П. Погаевский, собрав интересную коллекцию, состоящую из нескольких слепков «инородных черепов, хороших чучел хищных и других семейств птиц», не отослал её куда-нибудь, а пожертвовал для будущего музея.

В 1894 г. военный губернатор приказал выдать «из сумм Колонизационного фонда по 25 рублей на округ для собирания коллекций, после чего понемногу начали прибывать в Александровский лазарет... чучело лебедя, несколько утиных пород, куликовых и воробьиных; кроме того, собрано десятка два-три шкурок и небольшая коллекция насекомых, растений и раковин». В том же году, по распоряжению губернатора, П. П. Шимкевич исследовал северную часть Сахалина. Он доставил для музея «значительную коллекцию каменного века, этнографическую коллекцию живущих летом в береговых юртах гиляков и кочующих тунгусов, фотографические снимки местности и сцены из быта инородцев». Под музей был выделен дом. К концу 1894 г. во всех отделах музея — естественноисторическом, сельскохозяйственном и тюремном — насчитывалось более 1000 экспонатов.

Учредители Сахалинского музея видели его основное назначение в том, чтобы он служил «живой иллюстрацией всего, что до сих пор известно об острове». **В приказе военного губернатора о. Сахалина от 6 декабря 1896 г. за № 226, утвердившем официально открытие музея,** определены следующие направления его деятельности:

— «посредством собранных коллекций дать возможность каждому прибывающему... ознакомиться и изучить природу острова, его естественные богатства и быт населения, как... русского, так и туземного...»;

— «музей должен также служить и изучению острова как тюремно-хозяйственной колонии и быть наглядным образовательным пособием для учащихся сахалинского юношества»;

— «музей должен иметь в виду выделения из своих коллекций... нужных предметов в Хабаровский музей».

Отличаясь человечностью и искренней заинтересованностью в исследовании края, Н. И. Гродеков широко привлекал знающих образованных людей, в том числе политических ссыльных. В судьбе политического ссыльного Б. О. Пилсудского генерал-губернатор принял самое живое участие. Б. О. Пилсудского перевели из Александровска во Владивосток (1899 г.), где он занял место консерватора музея Общества изучения Амурского края, что в дальнейшем определило судьбу этнографа. Большую часть материала о Сахалине, его аборигенах Пилсудский собрал, работая консерватором музея ОИАК в г. Владивостоке. По поручению Императорской Академии наук он в июле 1902 г. был официально командирован на Сахалин Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. За это время он дважды посетил Хоккайдо, в августе 1902 г. — Хакодате, по дороге из Маока (Маука, ныне Холмск) в Корсаков и в 1903 г. принял

участие в экспедиции Вацлава Серошевского к айнам. Уникальные и большие этнографические коллекции, представлявшие общую жизнь и материальную культуру народов Сахалина и Нижнего Амура, он передал в Сахалинский, Владивостокский, Хабаровский музеи.

Судьба Сахалинского музея оказалась не менее драматичной и сложной, чем Нерчинского, Читинского, Николаевского-на-Амуре. В 1905 г., в период японской оккупации Сахалина, музей был вывезен японцами: «его аккуратно упаковали в ящики и увезли целиком к себе в Японию». После окончания русско-японской войны 1904—1905 гг. музей в посту Александровском был восстановлен силами местной интеллигенции, но вернуть уникальные экспонаты было невозможно.

Япония издавна стремилась к обладанию Сахалином. «Имея... многочисленные рыбалки в южном Сахалине, японцы энергично оспаривали права владения... В 1905 году по Портсмутскому договору южная часть, его лучшая половина, перешла во владение Японией». История Сахалинского музея в Александровском переплелась с судьбой другого музея — музея губернаторства Карафуто.

После окончания русско-японской войны и подписания Портсмутского мирного договора Россия лишилась южной части Сахалина, которая, вплоть до 50° северной широты, вместе с прилегающими островами (Монерон и Тюлений), вошла в состав Японской империи. По решению японского правительства на этой территории было создано губернаторство Карафуто. В 1911 г. административным центром губернаторства стал г. Тохару (ныне Южно-Сахалинск). Среди первоочередных задач перед новым губернаторством встал вопрос о необходимости всестороннего изучения природных богатств края, без которых не развивались бы промышленность и сельское хозяйство. С этой целью в мае 1906 г. был принят план изучения растительного мира юга острова. Общее руководство работами осуществляли доктор исторических наук Миянобэ и доктор сельскохозяйственных наук Миядзон, а контроль за исследованиями — член Императорского Университета Хоккайдо Мурада Седзиро. Исследования проводились в течение нескольких лет и оказались очень результативными. Всего удалось изучить и собрать 793 вида гербарных образцов растений (относящихся к 92 семействам и 368 родам) и 130 видов птиц. Часть из них после обработки и детального изучения была отобрана для будущего музея. В 1906—1908 гг., наряду с материалами о природе южного Сахалина, были собраны и первые коллекции по культуре коренных народов — айнов, нивхов и уйльта (ороков), населявших в то время остров. В основном, это были утварь, предметы обихода, рыболовные и охотничьи принадлежности. Первым директором музея в г. Тохару (Южно-Сахалинск) был назначен работник губернаторства Карафуто Кавагути Дзюндзи, который проработал в этой должности с 20 ноября 1914 г. по 14 июня 1920 года. В «Справочнике Музея губернаторства Карафуто», изданном в 1937 году, отмечается, что количество собранных материалов год от года увеличивалось и для описания и объяснения их в 1917 году было решено перевести их в помещение жандармерии и выставить для общего обозрения.

Таким образом, в истории зарождения культуры на далекой окраине России — Сахалине, в создании первого музея приняли активное участие местная администрация, военные, интеллигенция, политкаторжане, которые там оказывали медицинскую помощь, учительствовали, изучали этнографию и растительный мир, вели гидрографические и метеорологические наблюдения, участвовали во Всероссийской переписи населения (1897 г.). Внесли свой вклад в развитие и становление музейного дела в сахалинской области и японские учёные. Прошлое каждого музея является важной частью истории отечественной культуры и науки. Изучение его позволяет определить культурный уровень общества в тот или иной исторический период.

Что касается музея в Петропавловске-на-Камчатке, то в разных источниках приводятся разные даты его основания. П. Ф. Унтербергер в отчете за 1908—1910 гг. о состоянии вверенного ему Приамурского края (генерал-губернатором которого он был с

1905 по 1910 г.) отмечал: «Наши северные владения в течение отчетного периода составили предмет особых забот правительства, причем первой и наиболее выдающейся мерою в этом направлении явилось образование отдельной Камчатской области...». Петропавловск стал её административным центром 17 июня 1909 года. В 1911 г. в городе проживало 924 человека, летом население увеличивалось до 1200 ввиду временного пребывания торговцев, рабочих, промышленников. Ещё в 1892 г. местная интеллигенция попыталась образовать Общество изучения полуострова Камчатка. Администрация края эту идею не одобрила, инициаторы создания научного общества получили отказ. И лишь в 1910 г. было положено начало Камчатскому областному научно-промышленному музею.

Назначенный в августе 1909 г. «исправляющим» должность Камчатского губернатора В. В. Перфильев, член Приамурского отдела ИРГО, бывший директор Николаевской публичной библиотеки, хорошо знавший о роли Хабаровского музея в научной и культурной жизни города и края, с большим пониманием поддержал инициативу общественности. Он предложил временно расположить коллекции в здании канцелярии губернатора. В 1911 г. в своем отчете он записал: «Небольшой кружок местной интеллигенции по мере сил вносит свою лепту в дело изучения края». Вместе с музеем в здании канцелярии находилась и общественная библиотека. В основу коллекции будущего музея вошли многочисленные предметы, оставленные участниками экспедиции Русского Географического общества (1908—1910 гг.), так называемой экспедицией П. Ф. Рябушинского, мецената, вложившего большие средства для проведения исследований на Камчатке. Им удалось собрать богатейший материал по этнографии Камчатки и Алеутских островов. Камчатские коллекции, собранные в результате экспедиций, этнографическая выставка в Москве привлекли большое внимание и дали «довольно ясное представление о Камчатке, этой полузаброшенной окраине нашего государства».

Формирование музейной сети на российском Дальнем Востоке было обусловлено общими для всей России социально-экономическими и культурными явлениями конца XIX — начала XX веков.

Процесс возникновения дальневосточных музеев (в отличие от музеев европейской части страны) протекал не без участия местной администрации. В большинстве случаев высокообразованные, нередко имевшие учёные степени, увлекавшиеся этнографией, археологией и другими науками, генерал-губернаторы края и военные губернаторы, высокопоставленные чиновники делали всё, что было в их компетенции, для организации и развития музеев в крае, не исключая вложения и личных средств. Таковы, в первую очередь, П. Н. Корф, С. М. Духовской, Н. И. Гродеков, П. Ф. Унтербергер, Н. Л. Гондатти, военный губернатор В. Д. Мерказин. Они немало сделали для преобразования дальневосточной земли, работая «единодушно и единомышленно, не ожидая ни славы, ни наград», заложив фундамент будущего. Кроме того, каждый из названных администраторов внёс свой вклад в становление и развитие музеев на российском Дальнем Востоке.

Не было специального ведомства, которое бы руководило музеями; отсутствовали специальное музейное законодательство, какие-либо инструктивные документы. Законодательным путём оформлялось лишь появление музеев, утверждались их положение, устав и штат. Нередко признание и официальная регистрация музеев задерживались на длительное время. В связи с этим до сих пор ряд музеев имеют несколько дат своего открытия. История возникновения и деятельности Нерчинского, Александровского (Сахалинского) музеев показательна в этом отношении. Открывшиеся по инициативе отдельных лиц или местной интеллигенции либо на основе выставки, они пережили подъёмы и спады в своей деятельности.

Осмысление в исторической ретроспективе методов музейного строительства позволяет говорить о том, что дальневосточные музеи в конце XIX — первом десятилетии XX вв. с их коллекциями, собранными в ходе исследований, служили целям познания и

просветительства. Они были своеобразными «справочными пунктами для промышленников, сельских хозяев, инженерно-технических работников, агрономов и других специалистов; образовательными учреждениями, дающими разнообразные знания о крае для широких масс населения».

Эти задачи дальневосточных музеев определяли основные направления деятельности, которые заключались, во-первых, в «отыскании и приведении в известность собранных уже и хранящихся в местных архивах и у частных лиц сведений о Приамурском крае», во-вторых, в «удовлетворении любознательности посетителей сообщением разнородных естественно-исторических, бытовых и экономических сведений», то есть в использовании этих материалов для пропаганды научных знаний среди населения путём создания экспозиций, организации их объяснений, устройства народных чтений и лекций на краеведческую тематику.

Как правило, фонды музеев российского Дальнего Востока складывались из сборов научных обществ, занимавшихся комплексным изучением края, из материалов и коллекций местных любителей-краеведов, из поступлений в виде пожертвований.

Различные экспедиции были одним из самых эффективных средств формирования музейных фондов. В экспедициях Приамурского отдела ИРГО, его музеев участвовали путешественники П. А. Кропоткин, А. П. Шаров, Г. Н. Потанин, Д. А. Клеменц, В. Л. Комаров, В. К. Арсеньев.

В Камчатский музей поступил большой гербарий, собранный одной из экспедиций Географического общества в 1908—1909 гг, которую возглавлял известный учёный В. Л. Комаров. Результатом исследований явилась его трехтомная монография «Флора полуострова Камчатка», в которой он описал 825 видов растений, причём 74 — впервые.

Обогатили музейные фонды и экспозиции дальневосточных музеев экспедиции под руководством замечательного географа-путешественника, исследователя В. К. Арсеньева. Первая его самостоятельная экспедиция в горную область Сихотэ-Алинь, организованная по инициативе Приамурского отдела Географического общества в 1906 г., длилась 190 дней. Собран богатый материал по этнографии, истории и зоологии, изучена горная система Сихотэ-Алиня, составлена карта маршрута и сделано описание посещенных мест. Во время экспедиции Арсеньев производил раскопки старинных укреплений в Пади Широкой. Зоологические коллекции этой экспедиции включали «около 50 особей земноводных пресмыкающихся, около 400 экземпляров рыб и 500 экземпляров насекомых». Экспедиция 1907 г., являясь продолжением предыдущей, обследовала горную область хребта Сихотэ-Алинь между 45—47° северной широты, бассейны рек, впадающих в море, верхнее течение рек, составляющих систему р. Имана и весь бассейн р. Бикин. Цели и задачи экспедиции были те же, что и в 1906 г.: военно-географическое, колонизационное и естественноисторическое изучение района. Вместе с В. К. Арсеньевым, начальником экспедиционного отряда, работали флорист Н. А. Десулави и тогда ещё студент-палеонтолог П. П. Бордаков. В результате были собраны значительные этнографические и археологические коллекции. Не менее успешной была третья экспедиция В. К. Арсеньева, снаряжённая Приамурским отделом ИРГО в 1908—1910 гг. За этнографические коллекции В. К. Арсеньев награжден малой серебряной медалью Русского Географического общества. После экспедиции по Уссурийскому краю он передал в Хабаровский музей он передал свыше 1.000 археологических предметов, несколько уникальных этнографических коллекций, сотни предметов быта коренных народов. Материалы, собранные им при раскопках, посещениях селений аборигенов, поступили также в музеи Владивостока, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани. Коллекции сопровождалась описью предметов.

Но всё-таки музеи Дальнего Востока России развивались неравномерно и не имели твердой материальной базы, состояли из небольшого (а порой и не имели постоянного) штата сотрудников, специализированных помещений и средств для научно-исследова-

тельской, просветительской и издательской деятельности. Необеспеченность местных музеев средствами, зависимость от случайных обстоятельств — таких, как взаимоотношения музея с местной администрацией, смена лиц, работавших в музее, и т. д. — приводили к неравномерности их развития.

Сведения о финансировании дальневосточных музеев до 1917 г. отрывочны и содержатся, как правило, в делах, отчетах отдельных музеев. Разумеется, выделяемых средств госказны и личных пожертвований генерал-губернаторов, купцов и других лиц не хватало. Об этом свидетельствуют многочисленные ходатайства и благотворительные сборы средств в пользу музеев.

Но основная сеть комплексных (краеведческих) музеев на Дальнем Востоке России в 80—90-е гг. XIX в. была сформирована. Открывшиеся восемь музеев: в Нерчинске (1886 г.), Владивостоке (1890 г.), Благовещенске (1891 г.), Хабаровске (1894 г.), Кяхте (1894 г.), Чите (1895 г.), Александровске-на-Сахалине (1896 г.), Петропавловске-на-Камчатке (1910 г.) заявили о себе как о существенном факторе общественного развития, средстве сохранения историко-культурного наследия. Без них уже не мыслилось развитие науки, культуры, просвещения.

Музеям Дальнего Востока, возникшим в конце XIX в. при научных обществах, придавалось культурно-просветительное значение в деле поднятия интереса к изучению и ознакомлению с местным краем населения различных уголков страны.

Рост числа краеведческих музеев Дальнего Востока России свидетельствовал о прогрессивных тенденциях эпохи. С развитием науки возникла потребность в научных и культурных учреждениях. С подъемом национального самосознания пробудился интерес к изучению истории края, его памятников, собираемых музеем. Всё это делало стремительно возникавшие в конце XIX в. дальневосточные музеи значительным фактором общественной жизни, опровергая утвердившийся в отечественной историографии миф о культурной отсталости региона.

На начало 90-х гг. XIX в. общая численность музейного собрания дальневосточных музеев была представлена 43.436 экспонатами, к концу 90-х гг. XIX в. она превысила 130 тыс. единиц хранения. Научные общества края, в частности, Приамурский отдел Географического общества, его отделения во Владивостоке, Чите, Кяхте играли главную роль в формировании музейных коллекций российского Дальнего Востока. Значительны материалы, поступившие в музеи Приамурского отдела после завершения краевых торгово-промышленных и сельскохозяйственных выставок, а также от многочисленных дарителей всех сословий и национальностей. Активно формировались фонды дальневосточных музеев, как и в России, на начальном этапе их организации, в конце 90-х гг. XIX — начале XX вв.

Результатами систематизации и научной обработки фондов, явились путеводители, каталоги и описания коллекций, изданные при содействии научных обществ. Многие из них служили пособием для осмотра музейных коллекций.

Дальневосточные музеи оказывали довольно значительное влияние на развитие этнографии. Особенно следует выделить богатые этнографические коллекции, которые сформировались в конце XIX — начале XX вв. при музеях Владивостока, Хабаровска, Читы. Эти коллекции представляли материальную и духовную культуру почти всех коренных народов Дальнего Востока России, придавали дальневосточным музеям особый колорит и уникальность.

В эти годы были заложены основы культурно-просветительной, образовательной и издательской деятельности дальневосточных музеев. В результате собирательской работы к 1917 г. были скомплектованы значительные фонды (не утерявшие своего значения и до настоящего времени). За этнографические коллекции, представленные на Парижской выставке в 1900 г., музеи Приамурского отдела удостоены золотых медалей и памятных дипломов. Дальневосточные музеи стали активными участниками российских и

международных выставок в Новгороде, Казани, Москве, Чикаго, внесли свою лепту в формирование этнографических коллекций музеев Москвы и Петербурга.

Своеобразие музеев Приамурского края заключалось и в том, что часть экспозиций знакомила посетителей с культурой и бытом народов сопредельных территорий — Японии, Китая, Кореи, Монголии.

Главным объектом показа дальневосточных музеев в исследуемый период были не шедевры и раритеты, а окружающая жизнь — природа, экономика, культура и быт коренного населения Дальнего Востока. Формировались основные направления музейной деятельности, определялась взаимосвязь хранительских, научно-исследовательских, просветительских и образовательно-воспитательных функций музея. В этот период были заложены основы издательской деятельности дальневосточных музеев. Сотрудники музеев стремились превратить их в подлинно научные учреждения. Благодаря изданным в дореволюционное время каталогам и учебным пособиям Сахалинским, Благовещенским, Владивостокским и другими музеями, их исследовательская, культурно-просветительная и образовательная работа становились достоянием широкой научной и культурной общественности.

Деятельность музеев Дальнего Востока России в годы Первой мировой войны вплоть до конца 1917 г. была сопряжена со многими трудностями.

В марте 1915 г. заведующий музеем Общества изучения Амурского края во Владивостоке получил отношение городской управы, в котором предлагалось «немедленно освободить здание музея и оборудовать его нарами и кухонными очагами с котлами для расквартирования военнопленных в числе 560 человек». Политические вопросы поглотили всё, и увлечение ими отозвалось на научной деятельности музея: она как бы замерла. Первое время «почти непрерывно происходили различные заседания и собрания», продолжавшиеся до поздней ночи. Следует отметить, что в годы Гражданской войны и иностранной интервенции Владивостокский музей был ещё дважды реквизирован: для французской миссии и для размещения отдела снабжения и продовольствия.

В конце 1917 г. местная городская дума тоже распорядилась вынести все экспонаты из залов Читинского музея и расположить раненых, привозимых с фронта, в количестве 500 человек. Устраивались в здании музея и народные собрания.

Тяжелым было военное время и для музея в Хабаровске. Директор В. К. Арсеньев записал в отчете за 1915 г.: «Война, как и надо было ожидать, отразилась на делах музея неблагоприятно. Интересы всех были направлены в сторону войны, поэтому посторонних бесплатных и идейных работников в музее не было. Мало того, помощник директора музея В. В. Домбровский ушел добровольцем на фронт и музей остался без препаратора». Рассчитывать на увеличение субсидий от правительства не приходилось. Арсеньев, как мог, пытался поддерживать и «сохранять музей в том виде, каком он находился, не рассчитывая на производство более или менее широких работ...» Благовещенский музей в феврале 1917 г. был закрыт ввиду разногласий его администрации, членов учредителей на почве политических симпатий и пристрастий.

Сотрудники музеев по-разному отнеслись к таким событиям: одни ушли добровольцами на фронт, другие занялись политической деятельностью, ряд штатных работников и любителей-краеведов пытались продолжить научно-исследовательскую работу. Музеи остались почти без всякого финансирования, за неуплату были отключены телефоны, помещения не отапливались, были отменены экспедиции, резко упала посещаемость. Всё это сказалось на сохранности коллекций, многие ценные экспонаты пришли в негодность, а часть их вывезена в годы Гражданской войны.

3.2. Музейное строительство на советском Дальнем Востоке России (1920 — 1930-е годы)

*Формирование музейной сети на советском Дальнем Востоке России в 1920-е годы. Дальневосточные музеи в 1930-е годы.
Репрессии музейной интеллигенции*

Формирование музейной сети на советском Дальнем Востоке России в 1920-е годы. Бурные революционные события 1917-1918 гг. в центральных регионах страны вызвали резонанс и на Дальнем Востоке — начались преобразования политической и экономической систем. В декабре 1917 г. Второй краевой съезд Советов провозгласил установление советской власти на всей территории Приамурского края. 5 января 1918 г. сформирован Дальневосточный комитет Советов и самоуправления, в числе 5 комиссариатов которого был образован и комиссариат народного просвещения во главе со С. П. Щепетновым. Первые декреты новой власти были направлены на создание законодательной основы для перераспределения собственности — от частной к общественной.

Наряду с национализацией промышленных предприятий, учреждений образования и здравоохранения, были национализированы библиотеки и музеи, что дало возможность уберечь последние от произвола и от полного расхищения. 29 января 1918 г. издан приказ Дальневосточного комитета Советов и самоуправлений об охране народного имущества, предписывавший «установить строгий надзор за всем народным имуществом». Музеи были переданы в ведение комиссариата народного просвещения, хотя их функционирование обеспечивалось, в основном, сохранившимися отделами научных обществ.

В годы борьбы против правления А.В. Колчака (вторая половина 1918 — январь 1920 гг.), когда преобразования в культуре, начатые советской властью, были приостановлены, музеи продолжали выполнять свои хранительные и просветительные функции. В январе — феврале 1922 г. в Хабаровске дважды произошла смена власти в связи с наступлением на запад белоповстанческой армии генерала В.М. Молчанова и последующим её разгромом под Волочаевкой. В этот период деятельность Хабаровского музея прекратилась. В годовом отчете музея констатировалось: «Труд служащих не оплачивался, ... к холоду прибавился ещё и форменный голод». Часто менявшиеся правительства проявили вполне терпимое отношение к музеям, иногда поддерживая их. И только возвращение властных структур ДВР позволило продолжить финансирование музеев и тем самым сохранить их от разрушения.

В марте 1921 г. комиссией Облоно была проведена проверка имущества и коллекций Хабаровского краевого музея. Комиссия отметила плохое физическое состояние здания и музейных коллекций, констатировала, что в зимние месяцы музей не отапливался, средства отпускались только на зарплату сотрудникам. Комиссия пыталась оказать музею помощь, рекомендовала увеличить штат, но практически ничего не было сделано. Такое положение было характерно для большинства музеев Дальнего Востока.

В период существования Дальневосточной республики, буферного государства, создание которого «осуществлялось на основе парламентаризма, политического плюрализма, отказа от системы Советов», развернулась деятельность правительства ДВР, направленная на решение хозяйственных задач в области финансов, снабжения, путей сообщения, промышленности. Вопросы культуры оставались в ведении местных органов самоуправления, под контролем эмиссаров правительства на местах. Музеи переходили в ведение областных отделов народного образования, которые стремились оказать им поддержку.

Пять лет Гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке привели к разрухе в экономике и значительным людским потерям. Она тяжело отразилась на материальном положении всей социальной сферы, в том числе и музеев. Был полностью разграблен и уничтожен Николаевский-на-Амуре музей, созданный в целях сохранения имеющихся свидетельств истории освоения русскими Приамурья. Если в европейской части страны в самых сложных условиях шёл интенсивный процесс развития музейной сети, создание новых музеев, передача существовавшим музеям ценных памятников истории и культуры, раритетов, то на Дальнем Востоке остро стояла проблема сохранения музейной сети, созданной до революций. Те научные и творческие силы, которые ранее концентрировались вокруг музеев, в ходе классовых битв, социальных катаклизмов были вынуждены бороться за выживание, большинство из них отошло от музейной деятельности. Прекратились субсидии меценатов и значительные финансовые вливания в общественные организации и музеи со стороны административных органов. Существование музеев поддерживалось силами энтузиастов.

Впрочем, несмотря на все трудности, дальневосточные музеи и в эти годы оказались востребованными как культурно-образовательные учреждения. Их посещали учащаяся молодёжь, представители революционных частей, белогвардейской армии, войск НРА. Не случайно в отчете о состоянии Хабаровского краевого музея за 1922 г. сообщалось: «Смело можно сказать, что в Хабаровске нет ни одной воинской части, ... которые не посетили бы музей».

Следует отметить: ни «красные», ни «белые» не допускали произвола в отношении музеев, их зданий и музейных коллекций; большинство музеев функционировало при всех режимах, что свидетельствовало не только о достаточно высоком авторитете этих учреждений на Дальнем Востоке, но и об их демократической, надклассовой сути как социальных институтов, имевших тогда научное и культурно-образовательное значение вне зависимости от общественной системы. Единичные эксцессы выглядят не как правило, а как исключение. Но иной была судьба Читинского музея: его собрание, одно из богатейших, подвергалось разграблению.

С окончанием в 1922 г. Гражданской войны на Дальнем Востоке и включением территории ДВР в состав РСФСР культурная политика в регионе стала проходить в русле общегосударственной, хотя она не была столь активной как в центре страны. Это было связано с удаленностью региона, с исторически более поздними сроками его освоения, не позволившими сформироваться значительным культурным пластам, в частности, культуре церковной и дворянской, характерным для европейской части России.

Сложившаяся ещё в начале XX века музейная сеть уже на первых этапах советской власти использовалась руководством в решении научных и образовательных задач.

Музеи, оставаясь хранителями исторической памяти, активно участвовали в изучении производительных сил края, стали частью общего созидательного процесса, направленного на социалистические преобразования в обществе. Однако их включению в общероссийский процесс препятствовало тяжёлое материальное положение и неопределенность в выборе направлений развития. За годы Гражданской войны музейные помещения без отопления, ремонта, надлежащего обслуживания пришли в тяжелейшее состояние. В краеведческом музее Владивостока подвальные помещения, где располагалась лаборатория, затапливались грунтовыми водами, стены пропитались влагой, отваливалась штукатурка. В Хабаровском краеведческом музее протекала крыша, он почти не отапливался в зимнее время. Был закрыт для посетителей музей в Благовещенске, созданный ещё в 1891 году, лишь иногда по воскресеньям он открывался для широкой публики. В 1918 году во время гамовского восстания бежал в Маньчжурию бывший директор его М. К. Толмачёв, и музей оставался под надзором одного сторожа. Назначенный новый директор П. А. Стемповский при отходе из Благовещенска большевистских отрядов в сентябре 1918 г. эмигрировал, не организовав охраны музея, в результате оказались расхищенными многие экспонаты и книги.

В этих сложных условиях поднять уровень музеев можно было только опираясь на традиции музейной работы, сложившиеся в досоветское время максимально используя знания и опыт лучших представителей российской интеллигенции. Это хорошо понимал Н. П. Малышев, заведующий Дальневосточным отделом народного образования, который в 1924 г. пригласил на должность директора Хабаровского краеведческого музея известного путешественника, учёного и писателя В. К. Арсеньева. Выбор был не случаен. Мы уже говорили о той роли, которую сыграл В. К. Арсеньев в конце XIX — начале XX вв. Как исследователь «белых пятен» на карте Дальнего Востока он удачно сочетал в себе талант путешественника — организатора научных экспедиций комплексного характера, тщательность музейного сотрудника при обработке научного материала, полученного в полевых условиях, коллектора, скомплектовавшего для музеев разнообразные коллекции: этнографические, естественно-научные, исторические, а также обладал выдающимися способностями популяризатора научных знаний. Человек демократических взглядов и патриот своей страны, своего края, он, оставаясь в стороне от классовой борьбы, идеологических метаний, после октябрьских событий 1917 г., считал своим долгом служить новой России. Он ответил согласием на предложение Малышева и в конце 1924 г. приступил к обязанностям директора музея.

Учитывая опыт взаимодействия Приамурского отдела Русского географического общества с музеями в конце XIX — начале XX вв., роль научных обществ в создании музеев и их значение в деле консолидации научных сил на местах, В. К. Арсеньев приступил к подготовке документов и распорядительного собрания с целью создать Дальневосточный краевой отдел Русского географического общества. Собрание, состоявшееся в 1924 г., организационно оформило краевой отдел и поставило перед ним цель «собирать, обрабатывать и распространять географические, этнографические и статистические сведения, объединяя лиц, научно работающих в упомянутых отраслях знания на пространстве Дальневосточной области».

В. К. Арсеньев наметил программу возрождения и организации исследовательской работы музея, определил приоритеты, ориентированные на научно-исследовательскую, культурно-образовательную деятельность, активизировал работу по обеспечению сохранности музейных коллекций.

К научно-исследовательской работе относились описание, учёт коллекций, работа с экспозициями, комплектование фондов, научные связи с другими учреждениями. Впервые в истории музея был разработан план научного комплектования фондов. К описанию коллекций привлекались не только сотрудники музея, но и специалисты из других крупных научных учреждений страны. В эти годы была впервые начата инвентаризация музейных предметов с краеведческим, а не энциклопедическим структурированием коллекции музея. В период работы В. К. Арсеньева в музее в экспозициях стало больше пояснительных текстов, появились плакаты, схемы, карты (которые он профессионально изготавливал сам), модели, рисунки, фотоснимки, другие научно-вспомогательные материалы и дидактические элементы.

В годовом отчете Хабаровского музея за 1925 г. отмечалось, что после длительного затишья начинает вновь оживать работа, открывающиеся возможности позволяют «бодро смотреть вперёд и надеяться, что возобновляющий свою деятельность музей в ближайшее время вновь возродится. Дальневосточный отдел Русского Географического Общества, а также краевой отдел народного образования приняли большое участие в возрождении музея и будут его поддерживать и в дальнейших научных начинаниях».

Сотрудники музея включились в работу всевозможных обществ — краеведческого, географического, охотничьего, культурных связей с заграницей и других, развивая, таким образом, научно-исследовательскую деятельность, умножая связи с другими научными учреждениями и центрами.

В мае 1925 г. в Хабаровске состоялось Дальневосточное краеведческое совещание, на котором В. К. Арсеньев выступил с докладом о деятельности музея. Он ставил качество

работы с посетителями в зависимость от уровня научного описания музейных предметов. Музейные работники, по его мнению, должны были уметь дать квалифицированные объяснения к коллекциям, уметь использовать такие формы работы, как проведение экскурсий, чтение лекций, устройство учебных выставок. По инициативе В. К. Арсеньева было подготовлено Временное Положение о Хабаровском краеведческом музее, определявшее его функции, обязанности и права. Были разработаны положения об учёном совете музея, должностные инструкции сотрудников, правила внутреннего распорядка работы. Шло постепенное упорядочение жизни музея: систематически осуществлялся контроль за выполнением плановых заданий и указаний директора, на заседаниях учёного совета заслушивались отчёты сотрудников.

За непродолжительное время В. К. Арсеньев сформировал творческий коллектив; была проделана большая работа по учёту и научному описанию музейных предметов, проведён ряд научных экспедиций; музей возрождался как исследовательское учреждение. С именем Арсеньева связано также восстановление Дальневосточного (ранее — Приамурского) отдела Русского Географического общества как научной базы для полноценного функционирования музея.

Деятельность музея в г. Благовещенске осуществлялась также в неразрывной связи с Амурским научно-экономическим обществом, образованным по инициативе Дальневосточного краевого совета РГО. Созданное при музее, оно фактически организовало всю его работу и поставило своей целью научное и научно-прикладное изучение Амурского края в народнохозяйственных целях. В сентябре 1926 г. краевым советом РГО было сформировано Благовещенское отделение. Один из инициаторов его создания — профессор Н. И. Прохоров — на состоявшемся 12 сентября первом заседании выступил с докладом о задачах общества. С этого времени началась планомерная целенаправленная научно-исследовательская деятельность Благовещенского музея по изучению природы, истории края, археологии и этнографии.

Активному развитию музея способствовало то, что должность помощника заведующего занял известный краевед Г. С. Новиков-Даурский. Им были начаты гербаризация растений и изучение археологических памятников Приамурья, им была создана библиографическая картотека. Выполняя исследовательские задачи, музей проводил научные экспедиции для сбора ботанических коллекций, разведку полезных ископаемых. К концу двадцатых годов Амурский музей вновь возродился как научно-исследовательское учреждение по изучению природы, истории и производительных сил Приамурья.

Сложно развивались отношения между музеем и Владивостокским отделом Государственного Географического Общества (ВОГГО). Декретом СНК от 17 февраля 1925 г. краеведческий музей г. Владивостока был выделен из структуры ВОГГО в самостоятельную единицу, а с 1928 г. стал Владивостокским государственным областным музеем. Складывавшиеся десятилетиями научные связи, высокая степень взаимозависимости (общая библиотека, оборудование, специалисты) оказались искусственно разорванными. Тяжелое материально-техническое состояние музея не позволяло ему самостоятельно организовать научную и исследовательскую деятельность. Он нуждался в дополнительном финансировании и поэтому оставался, в основном, на бюджете Владивостокского Отдела Государственного Географического Общества. Сметы, представляемые в Наркомпрос для выделения средств, не обеспечивались финансами, музей ещё не имел устава, управлялся учёным комитетом. Его структура была представлена отделами естественно-историческим, промышленно-экономическим и культурно-историческим. Директором музея в этот период стал профессор-антрополог Дальневосточного Государственного университета Е. М. Чепурковский. Он же одновременно был хранителем, совмещал ещё и обязанности заведующего естественно-историческим отделом. Промышленно-экономический и культурно-исторический отделы возглавляли преподаватели ДГУ. Музей продолжал свою деятельность в тесном контакте

с ВОГГО и во многом от него зависел, сотрудники являлись членами этого общества, участвовали в заседаниях его учёного совета.

С научным обществом исторически была связана деятельность Читинского музея, в программе и правилах которого было определено его назначение как центра по научному исследованию и наглядной демонстрации окружающей природы, культуры «как в настоящем времени, так и в прошедшем». Основателем и первым директором был крупный краевед А. К. Кузнецов, имя которого и было присвоено музею постановлением ДВР в 1921 году. Несмотря на потери и разрушения, музей продолжал свою деятельность благодаря подвижничеству работников и поддержке Забайкальского Отдела Русского Географического Общества (ЗОРГО). В 1922 г. общество стало главным организатором развития исследовательской деятельности в Забайкалье.

В середине 1920-х годов благодаря специалистам из числа старой интеллигенции в дальневосточных музеях создались благоприятные условия для развития их научной деятельности. В них работали сотрудники, получившие разностороннее образование в царской России (В. К. Арсеньев, С. Я. Сизых, Г. Е. Сольский), стремившиеся сохранить специфику музея как хранилища национального достояния, но как патриоты своей страны считавшие, что он должен служить интересам всего общества и в условиях революционных преобразований. В музей пришли молодые специалисты, получившие высшее образование в 1920-х годах: Н. А. Серк-Богданова, А. И. Кардаков, Е. А. Преженцова и другие. Они осознавали необходимость перемен в музейном деле, более активного включения музеев в общественно-политическую жизнь страны, выступали как популяризаторы научных знаний среди самых широких слоев населения, они комплектовали разнообразные материалы о крае, активно изучали природу, историю, этнографию. Н. А. Липская-Вальронд участвовала в составлении нанайского алфавита, Н. А. Серк-Богданова — в изучении корякского языка.

Научно-исследовательская деятельность музеев становилась приоритетной, так как они являлись комплексными научными и культурными учреждениями, выполнявшими самые разные функции — документирования процессов и явлений, хранения национального достояния, популяризации научных знаний; она являлась условием их эффективного развития. Если в восстановительный период тяжелая ситуация в культуре, отсутствие достаточного финансирования музеев, приводившее к бедственному положению сотрудников, слабая материальная база затрудняли их функционирование как научных центров, то, по мере даже неполного решения этих проблем, они стали заявлять о себе как учреждения, способные активно участвовать в исследовании региона.

Исследовательская деятельность Читинского музея приобрела большую популярность, результаты её были востребованы при разработке перспективных планов экономического освоения Забайкалья, развития сельского хозяйства, при изучении его истории и культуры. Значительное место занимала издательская работа. Были подготовлены к печати и изданы книги и брошюры: И. И. Михалкина «Опыт указателя литературы по археологическим памятникам», Е. Д. Залюдникова «Кормовой фонд в западной части Читинского округа», П. Л. Окунцова «Революционное подполье Забайкалья», А. Б. Добромыслова «Обследование быта населения в Забайкалье; орочены, буряты», Н. Н. Жукова «Дипломатическая женская миссия по уговору чукок принять русское подданство в 1776 г.» и ряд других.

В музее проводились научные исследования по изучению медоносных растений в Читинском округе и кормового фонда в западной части Читинского округа (В. Д. Замошников), по изучению быта русского населения Забайкалья (А. Н. Добромыслов), фенологические и орнитологические наблюдения (И. А. Сафронов).

Имея значительный научный потенциал, музей и Забайкальский отдел Географического общества (ЗОРГО) были связаны и вели переписку по природоведческим и культурологическим вопросам с целым рядом зарубежных научных учреждений и учёных, в частности — со Смитсоновским институтом и институтом Карнеги (США),

обществом изучения Маньчжурского края (ОИМК), центральной библиотекой Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

В середине 20-х годов укрепляется ведущее положение Хабаровского краеведческого музея среди дальневосточных музеев в области экспозиционной работы. В 1925 г. при активном участии В. К. Арсеньева были восстановлены действовавшие ранее отделы — инородческой этнографии, сопредельных стран, и сделан шаг к созданию промышленно-экономического отдела, отдела истории революции и подотдела русской этнографии.

Работа над экспозицией была продолжена и в последующее время — стали широко вводиться фотографии, таблицы, а работа в музее одного из лучших таксидермистов страны — Г. Е. Сольского — позволила значительно пополнить отдел природы. К концу 20-х годов Хабаровский краеведческий музей стал ведущим музеем в Дальневосточном крае (ДВК). К этому времени в его структуре было 11 отделов: геологии, минералогии и палеонтологии, ботаники, зоологии, археологии, этнографии, истории края и сопредельных стран, нумизматики, фотофонд и отдел революции. Такая структура отражала направления научной деятельности музея, связанные с изучением Приамурья, его природы и истории. Значительные исследовательские работы были проведены по этнографии коренных народов. В этот период потребность в изучении культуры народов была продиктована необходимостью включения их в новые социальные условия, проведением социалистических преобразований. С этой целью только в 1928 году были проведены две этнографические экспедиции к орочам-удэ, живущим по р. Хор, и в другие места, с целью изучения самобытного искусства, сбора фольклорного и статистического материала среди малочисленных народов Нижнего Амура. Состоялись экспедиции художественного отдела (П. М. Покровский), в которых были собраны материалы по изобразительному искусству малых этносов Дальнего Востока.

Этнографы музея и связанные с ними специалисты других учреждений, работавшие в тесном контакте, с тревогой отмечали, что наряду с позитивными изменениями, связанными с созданием письменности, организацией в национальных селах школ, больниц, культбаз, в конце 1920-х и в 1930-х годах стала наблюдаться тенденция насильственного приобщения коренных народов к «пролетарской культуре» — развернулась борьба с родовыми обычаями без учета специфики культуры, наблюдался слом традиционного уклада, принудительное создание коллективных хозяйств и т. п.

Хабаровский музей организовал археологические экспедиции в с. Тыр, по реке Тунгуске (археолог Н. Г. Харламов) с целью изучения культур Приамурья. Всё более расширявшиеся связи музея с Дальневосточным Обществом Краеведения, отделением Научной ассоциации востоковедения, с другими музеями Дальнего Востока помогали музею совершенствоваться и углублять научную деятельность сотрудников. К тому же, музей находился в ведении Дальневосточного филиала Академии Наук, постоянный контакт сотрудников музея и представителей академической науки обеспечивал высокое качество исследований, актуальность изучаемых проблем, способствовали координации исследовательской деятельности в крае.

В повышении значения музея как научного учреждения активную роль сыграл учёный совет, который на своих заседаниях рассматривал вопросы планирования научной работы, пополнения новыми коллекциями и книгами, распределения кредитов, отпущенных на научные и культурно-просветительные нужды музея.

С научно-исследовательской деятельностью музеев во второй половине 20-х годов неразрывно связана работа по научному комплектованию фондов, что являлось результатом поиска, экспедиционной деятельности, разнообразного научного обмена. В этот период дальневосточные музеи продолжают традиционные направления комплектования, сложившиеся к началу 20-х годов — сбор этнографических предметов, естественно-научных материалов, фотографий и документов по истории края.

Всё меньше стало поступать случайных, одиночных предметов от любителей старины, от коллекционеров. От периода «кунсткамеры», когда собиралось всё любопытное, не-

обычайное, порою — далёкое от специфики края, его истории и природы, музеи перешли к этапу целенаправленного, научно обоснованного комплектования. Появились новые направления сборов, в частности, в музеях стали формироваться коллекции по истории революционного движения. Внимание к революционным событиям, к памятникам революции и Гражданской войны позволило собрать источники, документирующие этот важный этап в истории страны. Однако зачастую эти сборы носили односторонний характер, происходил отбор памятников, отражающих революционные события и характеризующих деятельность партии большевиков только в позитивном свете. Остальные виды источников замалчивались либо попадали в засекреченные спецхраны и фонды, а случалось, что и уничтожались.

С осложнением международных отношений на Дальнем Востоке затруднились контакты с сопредельными странами, прекратилось комплектование самобытных коллекций по культуре Китая, Кореи, Японии, которые входили ранее во многие дальневосточные музеи.

В Хабаровском музее было продолжено комплектование естественно-научной коллекции, в частности — гербария дальневосточной флоры, который, благодаря своей полноте, достоверности, научной информации, и поныне имеет большое научное значение в деле изучения ботанических особенностей края. Ещё до революции в его создании принял участие известный флорист Н. А. Де-Сулави (Десулави), участвовавший в подготовке Гербария русской флоры, изданного Академией наук. В 20-е годы он в составе экспедиций В. К. Арсеньева продолжал пополнять гербарную коллекцию, которая к тому времени насчитывала 2.500 единиц.

Начав планомерные археологические исследования и изучение древнейшей истории Приамурья, музей проводил «спасательные работы» на археологических памятниках и пополнил свою коллекцию материалами, найденными при постройке железнодорожного моста через реку Амур (глиняная посуда, средневековые предметы вооружения и др.), при раскопках на реке Чердымовка, около Иннокентьевской церкви, при строительстве железнодорожной ветки у пристани в Хабаровске, в пойме реки Амур. В эти же годы в ходе экспедиционной деятельности в музее продолжала пополняться этнографическая коллекция. По инициативе В. К. Арсеньева в музей была передана хранившаяся в Кабинете народного хозяйства при Далькрайплане многочисленная коллекция фотографий, которая отражала самые разные направления хозяйственной деятельности на Дальнем Востоке в 20-е годы.

Несомненный научный интерес представляли поступления в музей г. Владивостока, которые были показателем естественно-исторической и краеведческой направленности его комплектования и научной деятельности. Музей, обновляя экспозиции, широко привлекал посетителей и научную общественность к пополнению экспозиционными материалами. В зоологическом отделе были выставлены экспонаты представителей фауны: лоси, медведи, кабарга, добытые на реках Коппи и Ботчи и переданные участниками экспедиции лесного отдела Земельного управления Далькрайисполкома под руководством профессора В. М. Савича. В итоге была создана одна из наиболее полных экспозиций в крае о природе Дальнего Востока. К концу 20-х гг. коллекция Владивостокского музея составляла 21.197 единиц хранения.

Читинским музеем во второй половине 20-х годов были организованы и проведены научные экспедиции с целью проведения этнографических исследований в верховьях реки Ингоды (для изучения быта старообрядцев).

Членами охотничьей секции ЗОГГО, для сбора орнитологического материала, а также наблюдения за гнездованием как местной, так и перелётной птицы, была организована экспедиция в Озёрный район западного Забайкалья. Материалы экспедиции были изданы в очередном бюллетене музея и краевого общества. Активную работу в области научного

комплектования проводил Благовещенский музей. Только с 1927 по 1929 г. его коллекция увеличилась с 12.000 до 14.300 единиц хранения.

Таким образом, активизация научной деятельности дальневосточных музеев в 20-х годах благотворно сказалась на пополнении их фондовых собраний, позволила значительно расширить научную источниковую базу музеев, сформировать тематические коллекции о природе, истории и культуре региона. Деятельность музеев способствовала сбору научных материалов о природных, климатических и сырьевых ресурсах для наиболее полного изучения производительных сил края.

В связи с начавшимися в стране социалистическими преобразованиями, в частности, работой по ликвидации неграмотности населения, повышению его образовательного уровня, партийными и советскими органами была поставлена задача активного включения в дело просвещения народа всех социальных институтов, учреждений образования и культуры. Перед музеями встала необходимость изменения содержания ранее существовавших форм и методов образовательной работы. Музеи стали осуществлять функцию просвещения путем создания экспозиций, являвшихся «открытой книгой для всех грамотных и неграмотных», и проведения разнообразных мероприятий, экскурсий, лекций, бесед.

Наиболее активный поиск и острые споры развернулись по поводу принципов создания такой экспозиции, которая отвечала бы требованиям своего времени. Необходимость создания её, определенным образом структурированной, доступной народным массам и дававшей им необходимую информацию, была сформулирована В. К. Арсеньевым в 1925 году. «Краеведческий музей, — говорил он, — должен быть зеркалом своего края, отражая его природу, население, хозяйство и культуру. Коллекции музея должны быть расположены так, чтобы каждый посетитель, проходя из одной залы в другую, мог получить наиболее последовательное, целостное и яркое впечатление о своем крае».

Проблемы реорганизации музейных экспозиций рассматривались на второй Всесоюзной конференции по краеведению в 1924 г. в Москве, в работе которой приняли участие и краеведы Дальнего Востока, в частности, директор Читинского музея А. К. Кузнецов. Музеям страны было рекомендовано в области экспозиционной работы создать как отделы революции, так и отделы, отражающие экономическое развитие региона, его промышленности, сельского хозяйства. С целью реализации этих решений в мае 1925 г. в Хабаровске была проведена Дальневосточная краеведческая конференция, которая указала на необходимость перестройки музейных экспозиций, приближения их к практическим нуждам края.

Важную роль в перестройке экспозиций Читинского музея, в развитии и реорганизации его структуры сыграл его директор А. К. Кузнецов. При поддержке хозяйственных органов он создал новый экспозиционный отдел — общественно-экономический, в котором нашло отражение развитие промышленности и сельского хозяйства. При его участии был создан отдел революции, были решены проблемы сохранения и музеефикации дворца золотопромышленника Бутина. А. К. Кузнецову удалось вывезти из дворца наиболее ценные живописные полотна и передать их в картинную галерею. Сотрудниками музея дворец Бутина был сохранен, и в него был перевезен Нерчинский музей, который вскоре был включен в состав бюджетного финансирования Сретенского окрону. Благодаря энергичной деятельности А. К. Кузнецова коллекция Читинского музея значительно выросла. Ему удалось открыть филиал музея в г. Сретенске в 1925 г.

Особая структура экспозиционных отделов, основанная на коллекционном показе, исторически сложилась во Владивостокском музее, где были представлены геологическая, дендрологическая, ихтиологическая и энтомологическая коллекции. В пополнении экспозиции новыми материалами действительную помощь музею оказывали участники экспедиции лесного отдела Земельного управления под руководством профессора В. М. Савича. Отвечая запросам времени, сотрудники, кроме отделов археологии и этнографии, создали новые — промышленно-экономический и истории революции, позволившие

более полно представить посетителям не только прошлое, но и перспективы развития Приморья.

Несмотря на трудности и нехватку помещений, местные органы власти стали предоставлять музеям дополнительные площади. Благовещенский музей, размещавшийся в помещениях женской гимназии, испытывал острый дефицит экспозиционных площадей. Его директор А. В. Гюльденштуббе, который ранее был учителем, провел большую работу по приведению в порядок коллекций, инвентаризацию фондов, разместил их в экспозиции по систематическому принципу. В начале 1924 г. решением Амурского губисполкома в распоряжение музея были предоставлены дополнительные помещения, что позволило новому директору музея В. М. Попову создать общественно-экономический отдел, освещавший сельское хозяйство, золотопромышленность (ведущую отрасль экономики области), а также местное фабрично-заводское производство.

Острую нужду в помещениях испытывал Камчатский музей, который продолжал активные исследования региона и накопление коллекций. Важную роль в его становлении сыграл первый Петропавловский уездный съезд краеведов области, прошедший в марте 1920 года. Съезд выступил организатором краеведческой работы по исследованию Камчатской области в историко-этнографическом отношении и проведению сборов экспонатов для Камчатского музея.

Съезд обратился к комиссариату просвещения края с просьбой о выделении средств и предоставлении помещения под музейную экспозицию. После съезда развернулась активная работа по сбору коллекций и созданию экспозиций. 12 мая 1920 г. было создано научное Общество изучения Охотско-Камчатского края и распорядительный комитет во главе с председателем П. Т. Новограбленновым. Основная задача общества состояла в сборе материалов для будущего музея, данных о прошлом и современном состоянии края и его населения, географии и метеорологии, геологии, антропологии и этнографии, археологии и промысловой статистике. В плане работ намечался сбор литературы, рукописей, актов, карт, фотографий, относящихся к истории края, содействие членам общества в их работе по изучению края, оказание помощи местным и приезжим исследователям, составление словарей (чукотского, корякского, камчадальского, эскимосского, ламутского, алеутского), охрана памятников старины, издание ежегодника и т. п. Общество ходатайствовало перед Камчатским областным исполнительным комитетом о передаче ему «всех тех материалов областного архива, в коих областная организация не имеет непосредственной нужды». Вскоре музей получил под экспозицию одну из комнат в Петропавловской школе.

Значительный вклад в становление Камчатского музея внёс В. К. Арсеньев, посетивший его в 1923 г. Им было сделано сообщение об этнографических исследованиях на севере Камчатского полуострова и об открытии археологических памятников на северо-западном берегу Култушского озера. Весь найденный материал, свои записи исследователь передал в распоряжение Камчатского музея.

Стеснённые условия, в которых существовал музей, не позволяли развернуть в полном объёме богатые коллекции. В декабре 1928 г. Горсовет постановил выделить средства на аренду трех комнат общей площадью в 111 кв. м. в здании окрбюро ВКП (б). В начале 1929 г. музею было предоставлено специальное помещение, в котором он приступил к созданию экспозиций как исторического, так и экономико-географического направлений.

Музейное строительство активизировалось и на острове Сахалин. В июне 1925 г. Сахалинский ревком, осознавая необходимость развертывания работы по освоению островной территории, принял постановление о восстановлении музея в г. Александровске, главной целью которого было создание условий для развития научной и исследовательской деятельности в регионе, организации экспозиций, популяризирующих экономические и политические особенности отдаленного края. В постановлении Сахалинского ревкома говорилось: «Музей должен отражать геологическую,

этнографическую, ботаническую, зоологическую, историческую и хозяйственную стороны Северного Сахалина». Однако отсутствие необходимого финансирования не позволило в полной мере сформировать штат научных сотрудников и обеспечить сохранность коллекций музея. Должность директора была вакантной, поэтому ответственность за экспонаты была возложена на заведующего отделом народного образования Сахалинского ревкома П. М. Сикорского. В течение нескольких лет музей оставался заброшенным. Об этом писал в своих заметках участник этнографической экспедиции Центрального музея народоведения Л. А. Алпатов, побывавший в Александровске в 1928 году: «Мы вошли в Сахалинский музей через чёрный, совершенно не запирающийся ход... Этнографическая коллекция в некотором порядке, есть шкаф, в котором висят ржавые цепи каторжника и его костюм. Но сейчас музей заброшен. Весь пол завален каторжным архивом, всё покрыто пылью». Не все музейные экспозиции были восстановлены и получили дальнейшее развитие. Несмотря на активную краеведческую работу по сбору материалов, Сахалинский музей не имел своих экспозиций вплоть до 1925 года.

Важным событием в развитии музейной сети Дальнего Востока стало создание новых типов музеев — художественных или картинных галерей. Создавались они, как правило, на базе художественных отделов краевых музеев. В Хабаровске собрание картин выросло в большую художественную коллекцию, экспонирование которой требовало значительных площадей.

В 1925 г., выполняя директивы Наркомпроса РСФСР о создании в музеях отделов революции и в целях освобождения площадей для размещения такого отдела, Хабаровский музей передал часть картин художественного отдела в Хабаровский педтехникум, несколько картин — в областную совпартшколу, часть — в Далькрайоно. Распыление художественного фонда по различным учреждениям в дальнейшем угрожало порчей и даже гибелью картин. Закрытие картинной галереи вызывало недовольство со стороны общественности и особенно среди школьных работников. Общественность высказывалась за восстановление картинной галереи. Вскоре она была восстановлена, чему способствовала передача в Хабаровский музей большой коллекции картин умершего известного художника В. Г. Шешунова, который работал на Дальнем Востоке и завещал свое художественное наследие государству. Его картины, имеющие краеведческое значение, передавались на хранение в музей. Далькрайоно, с учётом этих обстоятельств, приняло решение открыть в Хабаровске картинную галерею на правах самостоятельного отдела музея. Ей было передано здание бывшей синагоги общей площадью 310 кв. м, куда были доставлены из Никольска-Уссурийского (ныне г. Уссурийск) картины, эскизы и рисунки В. Г. Шешунова — более тысячи экземпляров.

Создание картинной галереи в Хабаровске, художественных отделов в музеях Читы и Владивостока стало важным событием культурной жизни Дальнего Востока.

Научно-экспозиционная работа, получившая широкий размах в 20-х годах, стала показателем возрастания роли музеев в системе культурно-образовательных учреждений. Работа с музейными экспозициями и их совершенствование показали возможности новаторского подхода к традиционным музейным формам деятельности и свидетельствовали о развитии идей и новаций в этот период.

Первым насильственным воздействием на музеи края в начале 20-х годов была активизация Наркомпроса по созданию отделов и подотделов революции в местных музеях. Интерес к революционным событиям в этот период в обществе был незначителен. Коренное изменение экономической и политической ситуации в стране в результате революции, жертвы и героизм народа, вынесшего кровопролитную Гражданскую войну, трагедия потерь и вера в светлое будущее — должны были стать наглядным примером в патриотическом воспитании населения, пропаганде политического курса партии большевиков. Это, в свою очередь, требовало изучения и осмысления, научного докумен-

тирования, сбора документов, записей воспоминаний участников событий, сохранения всей информации в архивах и музейных собраниях.

В 1920 г. на правах отдела ЦК РКП(б) был создан центральный Истпарт — новый научный центр, комиссия для собирания, изучения и издания материалов по истории революции и РКП (б). Вскоре таковые появились и на местах. 19 сентября 1922 г. при агитпропотделе Дальбюро ЦК РКП (б) был создан Дальистпарт. В 1921 г. центральный Истпарт был реорганизован в отдел ЦК ВКП (б) как политико-исследовательский институт, призванный заниматься сбором историко-партийных материалов, освещением вопросов истории партийных организаций, подготовкой историко-политических праздников. Музеям предписывалось создание экспозиций в большей степени политического характера, чем научного, посвященных 20-й годовщине Первой русской революции, 20-летию Всероссийской стачки. Главное внимание уделялось, в основном, массовой, устной и печатной пропаганде материалов о революционных событиях, Гражданской войне, с точки зрения большевистского понимания. Публиковавшиеся Дальистпартом книги отражали историю создания парторганизаций, партизанского и революционного движения. Научный уровень сборников был довольно низок, так как готовились они не профессионалами-исследователями, а, зачастую, — партийными работниками по поручению «сверху», да и издательская база оставляла желать лучшего.

Характерно, что в связи с отсутствием широкого интереса со стороны посетителей выставок и читателей к подобной литературе, во второй половине 20-х годов дальневосточные истпартотделы значительно снизили свою активность, так и не став действенными научно-исследовательскими организациями. Между музеем и сотрудниками Дальистпарта была установлена жесткая связь: в состав комиссии этого отдела входил заведующий Дальоно А. И. Малышев, который был членом учёного совета Хабаровского музея. Большое содействие Дальистпарту в Чите оказывал директор музея А. К. Кузнецов. Некоторые материалы, выявленные и собранные Дальистпартом, поступали в музей на выставки. А. К. Кузнецов, прошедший царскую каторгу, являвшийся в Забайкалье авторитетным специалистом по истории декабризма и революционного движения, добился передачи части документов в музей. «Из переданных Губархивом и прокурорским надзором дел при музее организован политический историко-революционный архив, где начинаются работы по исследованию революционного движения в крае...» — сообщал он в докладной записке в Дальоно в 1924 году. В Чите был раньше, чем где-либо, создан «Уголок революции» при музее, активно развернулась работа по сбору документов.

Однако подобные контакты между музеями и Дальистпартом носили эпизодический характер. Дальистпарт, находившийся в структуре Далькрайкома ВКП (б) как его отдел был под постоянным партийным контролем и, по существу, монополизировал работу по сбору историко-революционных материалов, отправляя их в Москву, в центральный Истпарт. «Высылка большого количества документов в центр, — отмечал Э. М. Шельдешев в очерке о развитии исторической науки на Дальнем Востоке, — всё возрастающая с каждым годом и ставшая в 30-е годы просто необузданной, конечно же затрудняла работу в области исторической науки на Дальнем Востоке».

Совместно с музеями сотрудники Дальистпарта проводили работу по выявлению и фиксации памятников и памятных мест, связанных с революционными событиями. Впоследствии эта работа была продолжена отделами Главнауки и их уполномоченными на местах. В 1928 г. уполномоченный Главнауки Н. Н. Билибин направил директивные письма в музеи края, обращая внимание их руководителей на особую важность работы по охране памятников историко-революционного значения. В директивах Дальоно отмечалось, что отдельные музеи ДВК, такие как, Читинский, Благовещенский, мало внимания уделяли учету революционных памятников. Учёным советам музеев предлагалось обсудить эти вопросы на заседаниях, а протоколы своих решений направить в Дальоно.

Подчеркивалось, что к этой работе важно привлечь участников Гражданской войны, Октябрьской революции, бывших партизан, свидетелей событий.

Н. Н. Билибин, хорошо знавший историю революционной борьбы на Дальнем Востоке, разослал список революционных памятников, предложив каждому музею дополнить его, включив все имеющиеся на территории памятники революции и Гражданской войны, дать их описание и в дальнейшем считать эту работу наиболее важной и необходимой. Многие музеи составили своды памятников и направили их в Дальзоно. Некоторые из памятных мест были отмечены обелисками и другими знаками, а на сопке Июнь-Корань по инициативе Далькрайкома ВКП (б) был воздвигнут памятник-мемориал в честь Волочаевской битвы.

Обширную работу по выявлению революционных памятников провел Амурский областной музей; им впервые в 1930 г. был опубликован краткий «Список памятников историко-революционного значения в Амурском и Зейском округах». Это были места расстрелов и могилы партизан, памятники жертвам атаманщины и интервенции, дома, связанные с революционными историческими событиями. Многие материалы по истории революции, которые удалось собрать сотрудникам дальневосточных музеев, а также многочисленные копии, поступившие из центральных музеев, стали источниковой базой отделов революции, созданных в середине 20-х годов в Чите, Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске.

18 июня 1925 г. Президиум Забайкальского губисполкома издал постановление о создании в области отделов революции, мотивируя это тем, что «в архивах различных уголков губернии имеется много ценных материалов, рисующих жизнь политссыльных». Губисполком счел необходимым организовать при Читинском музее отдел революции, в котором предлагалось сосредоточить все исторические документы, гравюры, фотографии и т.д. Констатируя, что отпущенных на это губисполкомом средств недостаточно, было признано необходимым «поддержать ходатайство перед ВЦИК об отпуске музею безвозмездной ссуды в 1000 рублей». Поддерживая инициативу музея, дальневосточный отдел народного образования обратился в Дальревком с просьбой о дополнительном финансировании с целью создания отдела революции, считая это мероприятие «вполне целесообразным и своевременным». Эта просьба была поддержана, и ВЦИК выделил 3000 рублей. 20 декабря 1925 г. в Читинском музее был открыт отдел революции. Его экспозиция отражала историю революционного движения, начиная с предшественников социал-демократии — Радищева, Новикова, декабристов, освещала историю ссылки и каторги Забайкалья, революционные события 1905—1907 гг., октября 1917 г., последующие события Гражданской войны и интервенции. Наряду с подлинными вещевыми материалами, в экспозиции были широко представлены фотографии, плакаты, листовки; там, где не хватало документального материала, использовались иллюстрации из книг и многочисленные поясняющие тексты.

Аналогичная структура отдела революции существовала и в экспозиции Хабаровского музея. Здесь были представлены материалы о декабристах, народниках, основателях первых организаций РСДРП на Дальнем Востоке, событиях Первой русской революции в европейской части России и на Дальнем Востоке, подполье, ссылках, каторге, Октябрьской революции и Гражданской войне. Но если в Забайкалье отражение истории декабристского движения было построено на местных материалах с использованием подлинников, то в Хабаровске, в основном, использовались копии, присланные из центральных музеев. Большинство экспонатов представляли из себя плоскостной материал — фотографии, литографии, вырезки из журналов, открытки и т. п., подлинники составляли незначительную часть. Например, была представлена богатая коллекция печатных и рукописных прокламаций, переданных Дальистпартом, который также принял активное участие в создании отдела революции. Для консультаций по созданию экспозиций в музей были направлены сотрудники крайкома ВКП (б), выделены необходимые финансовые средства. Однако, несмотря на огромную работу, как сообщалось в отчете музея за 1925—

1926 г., «отдел революции чисто с внешней стороны, благодаря обилию однообразного материала — фотоснимков, печатного текста, — оставляют у посетителя, сравнительно с другими отделами музея, слабое впечатление...» В музее отсутствовали подлинные, яркие, аттрактивные экспонаты, недостаточно активной была деятельность по комплектованию.

Большие усилия к пополнению отдела революции приложил новый его заведующий М. П. Покровский. Он пытался перегруппировать коллекции, пополнить отдел новыми вещественными материалами, которые, по его замыслу, должны были воздействовать на чувства посетителей. В экспозиции было помещено, например, чёрное знамя, которое в свое время установили рабочие Забайкалья на станции Мазгон (Мозгон) на месте расстрела участников революционных событий 1907 г. карательным отрядом Меллер-Закомельского.

Стремясь привлечь внимание к экспозициям отделов революции, музейные работники старались их «оживить» за счет нетрадиционных решений. Директор Читинского музея П. Окунцов рекомендовал всем музеям «дать несколько схем боев партизан с японцами и белыми, взяв плоские ящики с песком и изобразив из того же песка и камней окопы, рельефы гор из мха и травы, из веток деревьев... Фигуры сражающихся будут представлять из себя оловянные солдатики, соответственным образом перекрашенные, или же вырезанные из картона. Это будет дешево и оригинально».

Недостаточная научная проработка разделов по истории революционного движения, введение единых структур, однотипных документов вели к мифологизации общественного сознания, способствовавшей насаждению стереотипов мышления, исключавших критическое осмысление «мифов» о событиях и о деятельности лиц. Создание отделов революции заметно не повлияло на развитие научно-исследовательской работы музеев, не дало эффективного научного результата. Положительным итогом этой деятельности можно лишь считать формирование в музеях материалов по истории ВКП (б), о партизанском движении в годы Гражданской войны, создание коллекций денежных знаков, оружия, бытовых предметов, ставших в дальнейшем важным источником для изучения этого периода.

В 20-е годы, наряду с реорганизацией и созданием новых экспозиций, важной просветительной функцией музеев была организация массовой культурно-образовательной работы. В этот период музеи продолжали развивать традиционные формы деятельности: проведение тематических экскурсий по экспозиционным залам, выступление сотрудников музеев с лекциями и докладами среди учителей, учащихся, красноармейцев, на всевозможных курсах, в общественных организациях по вопросам сбора коллекций, проведению экспедиционной работы. Такие формы деятельности увеличивали музейную аудиторию, способствовали распространению знаний краеведческого характера, тем самым, повышая роль музея в деле просвещения народных масс.

Восстановление музейных экспозиций после Гражданской войны вызвало значительный приток посетителей. Годовые отчеты музеев свидетельствуют о высокой посещаемости музеев в 1923—1925 гг. Например, Хабаровский краеведческий музей в 1924 г. посетило 40 тысяч человек, в отдельные дни, как отмечалось в отчете, приходило до 2,2 тысячи человек. Однако уже в 1927 г. наблюдается спад посещаемости, особенно резким он был в 1928 г., тогда Хабаровский музей посетило лишь 2200 человек. Падение интереса к музеям было связано во многом с начавшейся идеологизацией экспозиций, наличием в них большого количества копийных, маловыразительных экспонатов, недостаточной изученностью интересов основной массы посетителей.

И все же, благодаря своей наглядной, предметной основе, музеи по-прежнему оставались одними из наиболее посещаемых и доступных для народа учреждений культуры.

Учитывая их популярность среди населения как средства досуга и одновременно формы получения новых знаний, агитпропотдел Далькрайкома ВКП (б) выдвинул идею

превращения музеев в политпросветительные учреждения. Их главной задачей должно было стать просвещение масс в духе коммунистической идеологии, особой формой наглядного ознакомления «...с тем, что было и что есть, под углом зрения того, что должно быть». Партийные органы последовательно формировали мнение о музее как плацдарме для организованного мышления масс. К тому времени Дальнео превратился в некий «штаб агитпропа», а поэтому «...руководство музеями должно находиться в опытных умелых руках партийных товарищей». Уполномоченный Главнауки на Дальнем Востоке Н. Н. Билибин направил директивные письма в музеи, призывая их «мобилизовать классовые силы на историческом фронте».

В целях упорядочения и централизации управления деятельностью музеев Главнаука в августе 1927 г. утвердила «Типовое положение о центральных государственных музеях». В нем была разработана общая структура музеев. Впервые в документе регламентировался состав научных и образовательных отделов музеев с обязательным включением бюро просветительной работы, педагогической и социологических секций. Новое типовое положение привело к структурной перестройке деятельности музеев, выделению приоритетными воспитательных функций в партийно-просветительном аспекте.

На основе декларируемого положения все музеи Дальнего Востока утвердили в Далькрайоне и у представителя Главнауки на Дальнем Востоке Н. Н. Билибина новые документы, регламентирующие деятельность музеев. В частности, на заседании учёного совета Владивостокского государственного областного музея 30 января 1929 г. было утверждено положение о Владивостокском музее. Учёный совет музея, выполняя рекомендации уполномоченного Главнауки на Дальнем Востоке, рассмотрел вопросы построения экспозиций. Было высказано мнение о том, что музей не есть только собрание редкостей, он является пропагандистской школой для широких масс населения, что выставленные экспонаты должны быть связаны в одно логическое целое, подчинённое основной идее материалистического понимания природы, теории эволюции и отражению в экспозиции производственного уклона региона. Подобная оценка получила одобрение в Далькрайоне и постепенно становилась доминирующей в деятельности местных музеев.

Авторитет Н. Н. Билибина как уполномоченного Главнауки способствовал упорядочению музейной сети в крае, консолидации музеев, поддержки их финансового положения. Однако идеи реорганизации музейного дела не были реализованы в связи с отсутствием средств как со стороны местных, так и центральных органов власти.

В отчетах уполномоченного Главнауки за 1926 год отмечалось, что ни один из декретов о содействии музеям на Дальнем Востоке не проводился в жизнь.

Руководство музеями Дальневосточного края со стороны Главнауки часто сводилось к разработке рекомендаций, инструкций, указаний, которые носили формальный, бюрократический характер. Оно и не могло быть иным в условиях хронического дефицита финансовых средств, когда основные материальные ресурсы направлялись на развитие разрушенной экономики, поддержание здравоохранения, ликвидацию безграмотности, а также на содержание растущего управленческого аппарата и прочее.

Тем не менее, в 20-е годы, в связи с острой потребностью решения задач изучения и развития производительных сил края и работой по ликвидации неграмотности населения, музеи были востребованы и как научные учреждения, и как культурно-образовательные центры. В первой половине 20-х годов наблюдается активный подъем научной работы музеев, получившей новое качество по сравнению с дореволюционным периодом, выразившейся не только в традиционных для музеев направлениях научного поиска — в области археологии, этнографии, но и в изучении жизненно важных для края в этот период народнохозяйственных задач, связанных с изучением и размещением производительных сил, демографических проблем, исследовании биоресурсов.

В 20-е годы укрепляется музейная сеть края за счет изменения структуры экспозиционных отделов, создания новых — промышленных, истории революции, и

выделения дополнительных помещений под музеи. Идет активная работа по выявлению и изучению памятников и памятных мест.

Большой вклад в развитие музеев внесли краеведы-исследователи, патриоты своего края: А. К. Кузнецов, директор Читинского музея, И. Т. Новограбленов, создатель музея в Петропавловске-Камчатском, Г. С.Новиков-Даурский, директор Благовещенского музея. Особый вклад в становление и совершенствование музейного дела внес В. К. Арсеньев — основоположник научного музееведения на Дальнем Востоке. Он оказал большое содействие в становлении научной составляющей деятельности музеев во Владивостоке и Петропавловске-Камчатском, способствовал возрождению Хабаровского краеведческого музея как научного учреждения и хранилища культурно-исторического наследия края.

Значительные изменения произошли в этот период в культурно-образовательной деятельности музеев. Шел поиск новых форм и методов показа экспонатов, включения экспозиций в образовательный процесс. Впервые были предприняты попытки экспозиционного отражения не только событий далекого прошлого, но и актуальных проблем, связанных с развитием народного хозяйства Дальнего Востока в 20-е годы, процесса социалистического строительства, коммунистического воспитания масс.

Дальневосточные музеи в 1930-е годы. Эти годы были чрезвычайно сложными для деятельности музеев — как центральных, так и местных. В период форсированного решения задач индустриализации и коллективизации сельского хозяйства важнейшими становились новые, связанные с производством, естественно-исторические, историко-революционные музеи, а гуманитарные, искусствоведческие становились невостребованными, второстепенными. «...Мы против того, чтобы наиболее ценные индустриализации историко-революционные и естественно-исторические музеи находились в загоне. Мы против гегемонии художественных музеев», — писала «Красная газета» в ноябре 1930 года.

Художественные музеи страны с момента перестройки их работы потеряли свою актуальность и ценность. Культурные ценности, накопленные Государственным музейным фондом, становились предметами «содействия индустриализации». В связи с подобной тенденцией, само существование Государственного музейного фонда и его органов по учету частных коллекций считалось нецелесообразным. Эти функции были переданы крупнейшим музеям «в целях введения в непосредственный научный обиход музейных ценностей из частных собраний». Хранилища Государственного музейного фонда в Москве и Ленинграде были ликвидированы, а коллекции распределены по другим, второстепенным музеям. Значительная их часть перешла отделу Антиквариата Наркомвнешторга для экспортных целей. Все музеи страны были распределены на три категории: столиц союзных республик; крупных исторических городов; художественные отделы музеев других городов и территорий.

Музеи Дальнего Востока, в том числе и Хабаровский краевой, были отнесены к третьей категории. Начатая ещё в конце 20-х годов ликвидация музейного фонда Москвы и Ленинграда была активно продолжена после окончания работы съезда. В связи с этим, летом 1931 г. **Хабаровский краевой музей получил 5 вагонов произведений русских и зарубежных мастеров.** В них вошли экспонаты из Государственного Эрмитажа, Государственного Русского Музея и других — в общей сложности 1.154 предмета. По свидетельству направленного для отбора произведений искусства консультанта Далькрайисполкома В. А. Самойлова от 3 мая 1931 г., «Хабаровск получил миллионное достояние..., некоторые из картин висели в личных апартаментах Николая II». Ликвидация центральных художественных музеев и сохранение некоторых коллекций ликвидируемого Государственного музейного фонда создали возможность для организации и развития местных музеев, отнесенных к «третьей категории».

На базе поступлений коллекций из центра, а также на базе собраний картин дальневосточных художников Востока из Хабаровского краеведческого музея был создан

в 1931 году Дальневосточный художественный музей. Его директором стал делегат 1-го Всероссийского съезда музейных работников, заведующий художественным отделом Хабаровского краеведческого музея П. М. Покровский. Музей сделался популяризатором произведений не только дальневосточных авторов, но и живописцев, скульпторов, графиков других областей страны, а также шедевров мирового искусства.

Однако экспозиции и выставки музея, структура их построения и содержание определялись теперь в строго «классовом подходе к восприятию искусства». В отчете о деятельности музея за 1934 г. П. М. Покровский отмечал, что фонд отдела русского искусства состоял из 515 экспонатов — преимущественно «эпохи капитализма»; небольшой отдел «эпохи диктатуры пролетариата» пополнился новыми приобретениями; «Этот отдел музея, — сообщал директор, — имеет некоторые пробелы по разделам: «Идейный реализм мелкобуржуазной интеллигенции 60-х годов» и «Религиозно-национальная реакция 80-х годов», в пополнении которых подлинниками из центральных государственных музеев приняты соответствующие меры. Марксистско-ленинская экспозиция произведений искусства эпохи русского капитализма, — далее сообщалось в отчете, — имеет огромное влияние в воспитании широких кругов трудящихся масс, дает более сознательное глубокое понимание искусства социалистического реализма, возникшего на основе не только глубокого осознания эпохи строящегося социализма, но также на основе критического освоения культурного наследия прошлого».

Перелом, произошедший в результате принятых 1-м Всероссийским музейным съездом решений¹⁶ (16 См. раздел 2.3.), а также последующих правительственных постановлений, не мог не отразиться на экспозиционной и научной деятельности и краеведческих дальневосточных музеев. Содержание их экспозиций почти полностью стало зависеть от «решения задач коммунистического воспитания масс, текущей политики», которые составляли основное содержание экспозиционных залов. В этих целях заместителем Наркома по просвещению РСФСР Н. К. Крупской 11 февраля 1936 г. утверждено «Типовое положение о местных музеях, краевых (областных) и районных, состоящих на местном бюджете». Положением регламентировалась вся деятельность местных музеев, определены типовые задачи для всех. Музеи, теряя свою специфику, были ориентированы на выполнение политико-просветительских задач, предусмотренных положением.

Изменение структуры научных отделов и построение совершенно новых экспозиций привели к переориентировке всей научной концепции Хабаровского музея. Новые направления в экспозиционной работе не принимались старыми научными сотрудниками. Ведущими научными сотрудниками музея и специалистами Дальнего Востока, проводившими заседания учёного совета в начале 30-х гг., не были найдены решения по вопросу построения научных отделов музея и его экспозиций. Некоторые соратники В. К. Арсеньева были категорически против основных установок музейного съезда, связанных с реструктурированием. Однако отдел народного образования крайисполкома настоятельно предписывал музею положить в основу построения экспозиций экономико-политический принцип с раскрытием всех видов хозяйственной деятельности края, его политических событий. Естественно-исторические отделы как самостоятельные единицы предлагалось ликвидировать и распределить по отделам экономики. Такой «синтетический» метод расположения музейных коллекций и экспозиционных залов полностью исключал концепцию естественно-исторической, научно-познавательной экспозиции. С подобной реструктуризацией не соглашались учёный секретарь музея С. Я. Сизых и ряд других сотрудников.

Именно в это время на страницах газеты «Тихоокеанская звезда», органа Дальневосточного краевого комитета ВКП (б), крайисполкома и крайсовпрофа, появляются редакторские колонки и статьи, призывающие дальневосточные музеи «порвать со старыми методами работы, выйти на путь активной помощи социалистическому строительству путем привлечения широчайших рабочих и колхозных масс к делу изучения края, его природных богатств и социально-экономических

возможностей». Таким образом, партийные, советские и профсоюзные органы через газету давали установку всем краеведческим музеям и организациям края на «решительное отмежевание от ещё имеющей место... тенденции вести краеведческую работу по пути «чистой науки», пронизывая её чуждой пролетариату идеологией».

К числу «проповедовавших «враждебные теории» были отнесены и бывший директор Хабаровского музея, известный исследователь В. К. Арсеньев, скоропостижно скончавшийся в 1930 г., и ряд других краеведов и музейных работников.

Выражая политику местных партийных и советских органов, средства массовой информации указывали на необходимость музеям «связывать свою работу с плановыми органами, способствовать созданию встречных планов социалистического строительства края, округа, района на основе добытых краеведами сведений о природных ресурсах».

Вопреки мнению опытных научных сотрудников, в музее происходила переориентация его экспозиционной и научной работы, заключающаяся в перестройке всей работы в направлении максимальной связи с производством, демонстрацией социалистического строительства, пропагандой техники, агитацией за ударные темпы работы, выполнением и перевыполнением промфинплана. Для этого предлагалось «...совершенно отрешиться от всего содержания и системы музея, как они есть к сегодняшнему дню». Это вело к ликвидации целого ряда отделов: археологии, этнографии, геологии и палеонтологии, ботаники, экономики. Взамен предлагалось ввести отделы: вводный, технико-экономический, состоящий из подразделов сельского хозяйства, заводов ДВК, транспорта, леса края и его эксплуатации, золота, рыбы, ископаемых края, стройматериалов. Предлагались также отдел культуры и быта национальностей, антирелигиозный, политехнизации, промкооперации, культурного строительства, коммунального хозяйства.

Общие требования к музейной экспозиции заключались теперь в том, что ее содержание должно строиться строго на «принципах диалектического материализма». Экспозицию предлагалось строить с большим использованием карт, диаграмм промфинплана, моделей машин, образцов пород, диаграмм культурного строительства и переустройства сел и городов (включая снос храмов), а также показывать ход коллективизации, плановости в колхозах, их механизацию, рост МТС.

Для реализации такой реконструкции экспозиций Хабаровского музея требовались значительные затраты. В связи с этим план реэкспозиции предусматривал выделение средств различным предприятиям и организациям Хабаровска для этой цели. Плану коренной перестройки экспозиций музея не суждено было осуществиться по различным причинам. Прежде всего, по причине нежелания творческой интеллигенции выполнять абсурдные, с их точки зрения, предписания, но также — и по причине тяжелейшего финансового состояния музея в частности и основных городских предприятий вообще.

Учёный секретарь музея С. Я. Сизых был арестован. Временно исполняющий обязанности директора музея Н. Е. Антонов на совещании в январе 1933 г. вновь вносил предложения о необходимости перестройки всей экспозиции музея на новых принципах, в то же время подчеркивая, что проводить реорганизацию усиленными темпами не представляется возможным по материально-финансовым причинам. Понимая нелепость такой перестройки экспозиционной работы музея с ликвидацией целых отделов, сотрудники продолжали противодействовать этому, что приводило к многочисленным перестановкам в руководстве музеем и последующим репрессиям других сотрудников: А. И. Кардакова, А. И. Зеленского, Н. А. Толпегинной.

Период усиления тоталитарного режима в политической, экономической и культурной жизни общества постепенно привел к полному разрушению основного содержания и основополагающей концепции местного музея: сохранение культурного, природного, исторического наследия и передача его посредством подлинных музейных предметов будущим поколениям. Подобная перестройка музейной деятельности надолго превратила дальневосточные музеи в дополнительный инструмент идеологической, агитационной и политической работы партийных структур края.

Особенно негативно такая перестройка сказалась на научных исследованиях и экспедиционной работе. Даже в планы своей работы музеи не могли включить выполняемые ранее научные экспедиции и обработку их результатов. Так, вся работа Владивостокского музея была подчинена задаче перестройки экспозиции, открытия новых отделов и учета фондовых материалов в духе требований и решений 1-го Всероссийского музейного съезда. Многие коллекции (энтомологические, зоологические) старых сборов нуждались в проверке, чистке и реставрации. Научная работа была представлена в форме развертывания новой экспозиции, главным образом, по отделу социалистического строительства и частично отделу природы. Лабораторных работ исследовательского типа, научных докладов, исследовательских экспедиций и командировок, издательской работы в эти годы музей не проводил.

Ярко выраженный перелом в музейной деятельности, а соответственно, в культуре и других областях жизни общества посредством силового, директивного воздействия на сознание масс, стал приводить к изживанию музеев как хранилищ человеческой памяти, превратив их в эффективный, в данный исторический период, инструмент политических манипуляций. Даже отчеты о деятельности музея сводились больше к партийным рапортам с соответствующими лозунгами и призывами. В отчете Хабаровского музея за 1939 год главное содержание научной работы музея было изложено следующим образом: «Коллектив музея стремился к тому, чтобы музейная экспозиция воспитывала советский патриотизм, любовь к родине, к партии и к вождю тов. Сталину, заботами которого Хабаровский край превращен в несокрушимый форпост на Дальнем Востоке. Музей строил свою экспозиционную работу по истории на основе Краткого курса истории ВКП (б), на основе решений XVIII партийного съезда».

Хабаровский краевой музей, известный ранее в стране как крупный научно-исследовательский центр Дальнего Востока, превратился в заурядный партийно-политический, «прикладной» отдел крайкома ВКП (б). Музей стал использоваться горкомом ВЛКСМ как наглядное пособие при изучении истории ВКП (б), был активным участником в избирательных и других политических кампаниях. В музее организовывались и проводились выставки: по переписи населения, к 21-й годовщине Красной Армии, «Хозяйственное и культурное строительство Хабаровского края» (к 1-й краевой партконференции) и др.

Выполнение указаний музейного съезда, последующих постановлений и решений Наркомпроса переориентировало содержание научно-исследовательской и экспозиционной работы всех дальневосточных музеев.

На первый план в создаваемых экспозициях были выдвинуты схемы, плакаты, лозунги, цитаты. Язык вещей заменялся языком схем. Музейный предмет отошел на второй план. Требование «выхода в современность» привело к повторам в экспозиции, к навязыванию посетителю того или иного обязательного вывода, отучило его мыслить самостоятельно, критически оценивать получаемую информацию. В таких условиях научные исследования в ведущих дальневосточных музеях стали почти невозможными.

Главным критерием ценности экспозиций дальневосточных музеев стали не их исторические, художественные, аттрактивные достоинства, а политическое содержание. Выполнялась установка историко-революционной секции первого музейного съезда, которая предлагала музеям с помощью марксистско-ленинской методологии «освещать массам в экспозициях классовую, пролетарскую» сущность революционных событий. Музеям предписывалось «помочь массам понять диалектику развития революционного процесса и усвоить основные методы историко-материалистического познания». Экспозиционная, научная и вся массовая работа музеев должна была «увязываться с острыми вопросами современности, с той классовой борьбой, которую осуществлял пролетариат в СССР».

В результате такой перестройки научной, творческой деятельности, складывавшейся десятилетиями, многие дальневосточные музеи потеряли свою специфику, привлекательность, ранее накопленный материал.

Вся система культуры в это время имела не только государственную, но и общественную поддержку от Советов и их исполкомов, органов местного самоуправления, общественных организаций, трудовых коллективов. Все музеи и художественные выставки были открыты ежедневно и, в большей степени, бесплатно. Причиной тому, полагает исследователь проблемы революции и культуры Л. А. Булавка, является то, что «социальное творчество масс стало той центроостремительной силой, которая связала в некое единство два встречных движения — социалистическую идеологию и с её идеалами и движение революционных масс». Но целостность этого единства была недолгой. Дальнейшее развитие сталинского бюрократизма и тоталитаризма стало сворачивать социальное творчество. Потому уже в начале 30-х гг. массовые общественные и культурные движения, в том числе и краеведческие, переводятся в режим функционирования формальных социальных институтов.

Политпросветработа в дальневосточных музеях становилась доминирующей. С этой целью были организованы культурно-массовые отделы, которые осуществляли руководство всей пропагандистско-просветительской работой. Особое внимание обращалось на «всемерное использование музеев для повышения наглядности преподавания в начальной и средней школе».

Музеи сотрудничали со школами, с кружками по ликвидации неграмотности, участвовали в «культэстафетах». Директивы ВКП (б) выдвигали задачи безусловного завершения во второй пятилетке обучения грамоте всего трудоспособного населения страны. Далькрайком ВКП (б) 1 февраля 1934 года рассмотрел вопрос о состоянии ликбеза среди нерусского населения и потребовал претворения в жизнь мероприятий, связанных с обучением всех взрослых. Для этих целей предписывалось привлечь все имеющиеся культурно-просветительские организации, включая музеи, особенно в отдаленных районах края.

Вопрос о работе по обучению неграмотных и малограмотных в крае был рассмотрен в феврале 1936 г. на совместном заседании бюро Далькрайкома ВКП (б) и президиума крайисполкома. Ими подчеркивалась особая важность, в период обостренной политической борьбы внутри самой партии, развертывания повсеместно «политико-массовой работы по приобщению широких масс населения к участию в культурном строительстве».

Крайоно, комсомольские организации направили сотни юношей и девушек из числа учителей, сотрудников музеев, библиотек, других просветительских организаций на работу в школы для неграмотных и малограмотных. Многие из них сами подыскивали, приспособливали имеющиеся помещения, заботились об обеспечении школ топливом, керосином. В городах и селах открывались новые школы для взрослых. На территории Приморья, например, в марте 1936 г. их действовало 520 с 11.634 учащимися. Краеведческие музеи, ячейки общества краеведения, культбазы в национальных районах края приняли активное участие в подобной работе. Включившись во всеобщую кампанию по ликвидации неграмотности и малограмотности в составе «культармии», музеи и краеведческие организации оказали значительное содействие в её проведении. Неграмотность к тому времени была ещё высокой. В 1937 г. среди представителей коренных народов Дальнего Востока неграмотных было 64 процента.

В годы второй пятилетки, наряду с краеведческими, стали создаваться и другие очаги культурно-политического воспитания трудящихся. Ими стали общественные университеты культуры, клубы и красные уголки, библиотеки, народные дома, избы-читальни, красные яранги, культбазы. Все они к 1937 году, наряду с крупнейшими музеями, проводили политико-пропагандистскую и краеведческую работу, направленную

на выполнение хозяйственно-экономических задач и воспитательных целей, особенно среди сельского населения края.

Самостоятельные краеведческие организации, возникшие в середине 30-х годов в отдаленных районах края, в значительной степени помогали партийным и государственным властям в культурно-просветительной работе среди коренного населения северных районов, что в значительной степени позволяло привлечь население, оторванное от центральных районов региона, к выполнению задач его хозяйственного и политического переустройства. Учёные, исследователи, занимавшиеся изучением размещения производительных сил края, его природных ресурсов в экспедиционных условиях, находили опору в краеведческих пунктах, становившихся нередко местом реализации результатов научных экспедиций.

Советский механизм пропаганды и распространения новой идеологии, в условиях организации и становления экономики и культуры в дальневосточном регионе, сыграл и положительную роль в развитии краеведческой сети. На его основе были созданы условия для последующей организации краеведческих музеев в отдаленных районах края, для ликвидации неграмотности и малограмотности городского и сельского населения, для приобщения коренного населения Дальнего Востока к современной культуре.

Дальневосточные музеи, в условиях усиления административного и идеологического давления и переориентации их на пропагандистско-политическую основу, внесли значительный вклад в дело воспитания у посетителей патриотических чувств, уважения к государству, любви к Отечеству, — что имело весьма важное значение в предвоенные и последующие годы. Привлечение музеев к участию в социалистическом строительстве способствовало накоплению фондового материала (в процессе освещения событий, связанных со становлением и развитием промышленности, сельского хозяйства, транспорта, связи, и других отраслей хозяйства в регионе в условиях 1930-х годов).

Сложившаяся в отдаленных районах краеведческая сеть выполняла в 1930-е и последующие годы значительную роль не только в содействии научным обществам в изучении ресурсов края, но и в большей степени — в развитии культуры коренного и переселенческого населения, приобщении его к цивилизованным методам ведения хозяйства, усовершенствовании быта и коллективного метода организации труда.

Создававшиеся культбазы, краеведческие пункты, музеи, а на их основе другие культурно-просветительные структуры, несли в массы не только политическую пропаганду, но и выполняли крайне необходимую культурно-информационную функцию. За этот период были созданы реальные условия и предпосылки для организации в будущем краеведческих музеев во всех районах обширного края. Всего к концу 1930-х годов на советском Дальнем Востоке действовало 12 музеев: в Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске, Чите, Нерчинске (которые были административно включены в состав Дальнего Востока), Петропавловске-Камчатском и других городах и населенных пунктах. В самостоятельный музей был выделен в 1931 г. Дальневосточный художественный музей Хабаровска.

Репрессии музейной интеллигенции. К середине 1930-х годов в СССР сложилась система управления государством с максимальной централизацией власти в руках высшего политического руководства. В целях своего утверждения им был создан аппарат подавления инакомыслия и потенциальной оппозиции. Проводя в стране радикальные преобразования, политическое руководство использовало методы принуждения и насилия. Применение таких методов позволило решить ряд крупных экономических задач, сформировать военный и промышленный потенциал, но мобилизационная модель социалистического строительства привела к установлению в стране тоталитарного режима. Понимая, что трудности экономического развития могут вызвать недовольство народа, Сталин и его окружение предприняли меры в дополнение к проводившимся ранее партийным чисткам. Они потребовали от органов власти ужесточения и усовершенствования способов борьбы с «врагами народа». Используя ранее

методы контроля и репрессий получили в 1930-е годы новый мощный импульс. Стремление ряда коммунистов отстаивать иные взгляды представлялось как попытка подрыва партийного единства и дисциплины, как «прямое пособничество реставраторским поползновениям буржуазии».

Чем дальше отходил правящий режим от подлинных идеалов социализма и народо-властия, тем большую опасность представляла для него «старая» политическая интеллигенция. Как известно, последним партийным форумом, на котором она была представлена, был XVII съезд ВКП (б), состоявшийся в 1934 году. Он был подчинен задаче подведения итогов политической борьбы в правящей партии. Идеей выступлений делегатов было доказательство тезиса о разгроме оппортунизма как главном условии победы социализма. Сталин и его окружение взяли курс на физическую ликвидацию оппозиционеров — «врагов партии». Смысл репрессий заключался в уничтожении инакомыслящей интеллигенции и в ликвидации социальной базы антисталинского сопротивления. Но власть понимала также: одним террором ей не решить вопрос само-сохранения и самоупрочения. Отсюда — её стремление поддержать в людях революционный энтузиазм, абсолютную веру в партийное руководство, готовность к самопожертвованию.

К середине 1930-х годов партийная интеллигенция оппозиционного характера была почти подавлена. Но оставалась многочисленная технократическая и научная интеллигенция в центре и на местах. И массовые пропагандистские кампании были направлены на подавление её самостоятельности, независимости мышления с целью дальнейшего укрепления тоталитарного режима.

Сложившаяся в Советском государстве к концу 1930-х годов административно-командная система коренным образом пересмотрела прежние цели и задачи музейной деятельности. Уже не создавались научные программы, не привлекались к этой работе специалисты музеев, планирование музейного строительства осуществлялось в рамках пятилетних планов, в соответствии с существовавшими идеологическими установками. Музеи потеряли лучших своих исследователей, подлинных популяризаторов исторического и культурного наследия. Руководителями дальневосточных музеев на долгие годы стали представители партийной, комсомольской или советской номенклатуры, совершенно не знавшие музейной работы. У вновь назначенных, большей частью из среды партийных функционеров, музейных работников необходимость и целесообразность построения работы музеев в соответствии с «...кратким курсом истории ВКП (б) и показом героической борьбы народа с царским самодержавием, белогвардейцами и иностранными захватчиками под руководством партии большевиков и великого вождя народов т. Сталина...» теперь уже не вызывала никакого сомнения и оставалась преобладающей (лишь с небольшими изменениями) на протяжении еще многих десятков лет.

Дальневосточная музейная интеллигенция всячески противодействовала не всегда обдуманной перестройке деятельности музеев, их перепрофилированию, уничтожению исторических, естественно-научных экспозиций. Музейная интеллигенция, директора крупнейших дальневосточных музеев однозначно не принимали циркуляр НКП РСФСР «О проведении реэкспозиции музеев», вышедший в январе 1933 г., отвергали построение в музеях единой структуры экспозиционных залов, «приведение музеев в орудие коммунистического воспитания»¹⁷. (17 Бюллетень НКП РСФСР. 1933. № 9-10. С. 8.)

Противодействие состояло в неприятии ведущими сотрудниками музеев, их учеными советами установок Наркомпроса РСФСР и Дальоно о ломке сложившихся десятилетиями научных экспозиций, как о «деле ответственном и сложном, не имеющим прецедентов в истории музейного строительства», поскольку директивы определяли существующее состояние экспозиций, как «топтанье музея на месте дряхлой кунсткамеры» и требовали превращение этой «беспринципной кунсткамеры в просветительные учреждения,

содействующие марксистско-ленинскому пониманию природы и общества, истории и современности».

Подобное требование к перестройке экспозиций музеев приводило к их полному разрушению, вело к долговременным дискуссиям, а вслед за ними — и репрессиям научных сотрудников. Это стало причиной частой смены директоров Хабаровского краевого музея. Только за период с 1935 по 1936 год в музее были сняты с работы шесть директоров (В. Г. Рослович, А. Н. Липский, А. Д. Гичко, А. И. Кардаков, А. В. Анисимова, П. М. Покровский). В июле 1937 г. директором музея был назначен А.И. Зеленский. 15 марта 1938 г. он был арестован. Вновь назначенный директором музея В. Н. Чистовалов был отстранен от работы 21 декабря 1938 г. Одной из причин отстранения их от работы были поиски «врагов». «Враги народа, долгое время сидевшие в музее, сознательно культивировали хаотическое отношение к музейному имуществу и к его учету...» — свидетельствовалось в акте передачи имущества от 21 декабря 1938 г. вновь назначенному директору музея И. З. Теплицкому¹⁸. (18 ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 285. Л. 56.)

Отчеты о работе музеев второй половины 30-х гг. характеризуются чрезмерной политизированностью, построены в духе всеобщей подозрительности и доносительства. «Директор музея А. И. Зеленский, — сообщалось в отчете Хабаровского музея за 1938 г., — арестован как враг народа, ... зав. отделом истории Лысенко А. А «дезертировала» из музея, ... хранение и учет фондов в музее поставлены вредительски»¹⁹. (19 ФХКМ. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.)

Участившиеся преследования и репрессии ведущих научных сотрудников и директоров музеев полностью дезорганизовали экспозиционную работу, постепенно превращая музеи во второй половине 30-х гг. в обычные культпросветовские учреждения. Экспозиции, которые «не удовлетворяли предъявляемым к ним требованиям с идеологической стороны», в которых «отсутствовала марксистско-ленинская и сталинская последовательность и периодизация исторических событий», подверглись слому и перестройке. Многие редчайшие экспонаты были утрачены или, в лучшем случае, переданы в другие музеи.

Дважды был репрессирован С. Я. Сизых, известный ученый-краевед, которого принял на работу В. К. Арсеньев и который впоследствии работавший ученым секретарём, заместителем и временно исполняющим обязанности директора Хабаровского музея. Впервые он был арестован в феврале 1932 г. по обвинению в службе в белой армии. Через месяц его освободили «ввиду прекращения дела» — и уволили с работы за «уклонение от реорганизации» музейных экспозиций²⁰. (20 АФСБХК. Д. П89385. Л. 607.) Восстановленный на работе, но не получивший поддержки у руководства музея, он вынужден был выехать за пределы края²¹. (21 ФХКМ. Оп. 1. Д. 9. Л. 42.) В марте 1937 г. вернулся в Хабаровск и вновь был принят в музей — на должность научного сотрудника. В сентябре 1937 г. вновь оказался отстранённым от работы заведующего отделом природы: в экспозиции отдела не было «марксистского освещения основных вопросов естествознания». В июле 1938 г. преподаватель биологии 1-й хабаровской средней школы №1 С. Я. Сизых был арестован во второй раз. После года пребывания в тюрьме он «признал», что в ходе знакомства с научным сотрудником музея «эсером» П. М. Покровским, не разделявшим политики Советской власти по отношению к крестьянству и режиму пролетарской диктатуры, он вступил в «эсеровскую контрреволюционную организацию», в которой состояли также В. Г. Рослович (зав. учебной частью Дальвзрывпрома, бывший сотрудник Хабаровского музея), М. С. Сибирин (преподаватель школы № 5), И. С. Солохин (заведующий хозяйством Хабаровского музея), К. Г. Мельников (директор Хабаровского педагогического училища), В. А. Рослович (зам. главного бухгалтера дальневосточной конторы Главпарфюмер) и П. Г. Рослович (сменный инженер телеграфа)²². (22 АФСБХК. Д. П89385. Л. 50-54.) Позже С. Я. Сизых отказался от этих показаний, заявив, что дал их в силу принуждения. 20 сентября 1939 г. дело поступило в военный трибунал, а ещё через два дня все обвиняемые были оправданы за не-

доказанностью обвинений. Но С. Я. Сизых, известный в крае учёный-естественник, соратник В. К. Арсеньева, в музее больше не работал.

20 февраля 1938 г. в Хабаровске подвергся аресту бывший заведующий отделом природы и бывший исполняющий обязанности директора Хабаровского музея А. И. Кардаков. Пробыв под арестом в течение пяти месяцев, не выдержав тяжелых испытаний, он тоже был вынужден оговорить себя. Он «признал» себя противником Советской власти, «участвовавшим» в сборе шпионского материала (в пользу Японии, по «заданию» директора музея П. М. Покровского, а также бывшего председателя крайисполкома Г. М. Крутова) и «состоявшим» в контрреволюционной организации, которая стремилась к свержению Советской власти на Дальнем Востоке в пользу буржуазии посредством интервенции. «Сбор шпионского материала» состоял в том, что А. И. Кардаков выполнял фотосъёмки учреждений связи, райисполкомов, магазинов, правлений колхозов, больниц, радиостанций, партийных и советских учреждений и передавал эти материалы П. М. Покровскому, равно как и сведения о политико-моральном состоянии населения Нанайского района. Кроме них двоих, в организацию «вошли» сотрудники музея — препаратор Г. Е. Сольский, художники А. В. Шишкин и А. В. Колосенок и даже уборщица Н. У. Михальская²³. (23 АФСБХК. Д. П-94716. Т. 1. Л. 10-13.) Решением «тройки» УНКВД по ДВК А. И. Кардаков был обвинен в том, что он является агентом японской разведки, что в 1936 г. был привлечен японским агентом директором ДВХМ П. М. Покровским для сбора шпионских сведений в пользу Японии, вел антисоветскую агитацию. По постановлению «тройки» от 27 сентября 1938 г. он был расстрелян. Имущество, состоявшее из семнадцати предметов (в том числе гитара, оленьи рога, брюки, рубашки и железная кровать) было конфисковано и передано в магазин Горпромторга.

В том же году был арестован, обвинен по статье 58-10 и постановлением «тройки» от 27 сентября 1938 г. приговорен к расстрелу П. М. Покровский²⁴. (24 АФСБХК Д. П-80723. Ч. 2. Л. 217.)

Подверглись репрессиям директор и зав. отделом Владивостокского музея Е. А. Галискас и Б. Я. Ростовых, директор Благовещенского музея и известный в Амурской области исследователь В. М. Попов*. (* См. Приложение.) Были приговорены к расстрелу жена В. К. Арсеньева М. Н. Арсеньева, которая занималась обработкой наследия мужа, и его соратники А. Д. Батулин и В. А. Зайцев, умер в заключении П. Т. Новограбленнов, долгое время находился под арестом по подозрению в антисоветской деятельности Г. С. Новиков-Даурский, был, к счастью, оправдан по суду известный учёный и препаратор Владивостокского музея А. К. Мальтрехт, которого обвиняли в шпионаже — отчасти по той причине, что он много путешествовал и не раз бывал за границей. Сложившиеся культурные и научные связи в регионе, включая и зарубежные контакты, подверглись большому сомнению и стали рассматриваться как контрреволюционные, шпионские. Особенно трудно в этом отношении было дальневосточной интеллигенции. Поиск «внутреннего врага», особенно в восточной приграничной зоне восточной границы СССР, ещё более ужесточился в связи с осложнением отношений с Японией в середине 30-х годов.

В результате репрессий в дальневосточных музеях была полностью дезорганизована вся исследовательская работа, экспозиционная деятельность находилась в затаенной реэкспозиции, поскольку были репрессированы многие из тех, кто занимался научными исследованиями и построением образных тематических экспозиций. Подлинность, духовность, профессионализм в культуре, в музейном деле отодвигались на второй план либо отрицались полностью. Узкий утилитарно-прогнатический подход к культуре со стороны сложившейся системы поставил её в абсолютную зависимость от практических интересов решения общехозяйственных задач.

Это привело к падению престижа музея как научно-познавательного учреждения, значительной утрате редчайшего фонда дореволюционных собраний музеев края. Музеи

потеряли высококвалифицированных специалистов, учёных, хранителей, их сменили новые кадры немусейной, больше организационно-пропагандистской, ориентации. Это в значительной степени повлияло на содержательность, аттрактивность экспозиционных решений; посещение музеев стало обязательным для школьников, студентов, военнослужащих и других групп населения и, большей частью, носило организованный характер особенно по случаю очередных политических мероприятий. Например, по причине открытия выставки, связанной с переписью населения 1939 г., или — в связи со днем рождения В. И. Ленина, с датами истории Гражданской войны, с Днем Красной Армии и т. д.

3.3. Развитие дальневосточных музеев в 1940-1950-е и последующие годы

*Развитие музеев в 40-е — 50-е гг.,
новые тенденции в развитии дальневосточных музеев во второй половине XX
века.*

*Исторический опыт развития дальневосточных музеев и его использование в
современных условиях*

Развитие музеев в 40-е — 50-е гг., новые тенденции в развитии дальневосточных музеев во второй половине XX века. В эти годы получили дальнейшее развитие тенденции, обозначившие себя с конца 20-х гг. XX в. Драматическое развитие музейного дела отразило государственную позицию по отношению к культурному наследию. Государство и местные органы власти предприняли значительные усилия по сохранению культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. С первых дней войны в условиях концентрации всех ресурсов и сил на разгром врага перед музеями встала задача перестройки всей своей деятельности на военный лад.

В одном из циркуляров Наркомпроса РСФСР, полученных Приморским музеем указывалось: «Необходимо уделять особое внимание собиранию материалов Отечественной войны, организации выставок и бесед на оборонные темы, пополнение экспозиции материалами, относящимися к войне советского народа с германским фашизмом, а также разработке вопросов, связанных с укреплением обороноспособности нашей Родины, изучению местных ресурсов, изучению и популяризации лучшего опыта и творческой инициативы стахановцев и орденоносцев...». Решать поставленные задачи дальневосточникам пришлось в исключительно трудных экономических условиях. Недоставало научных сотрудников, служителей, экспозиционеров. Постановлением СНК ЯАССР от 21 августа 1941 г. штат Якутского республиканского краеведческого музея был сокращен до 8 единиц. В составе персонала Хабаровского музея в 1943 году работало только 4 «руководящих и научно-музейных работника».

В музеях практически прекратилась экспедиционная, исследовательская работа. 13 сентября 1941 г. Наркомпрос издал приказ «О мероприятиях по улучшению работы музеев», в котором подчеркнул необходимость усилить массовую работу вне стен музея. В связи с этим Хабаровский крайон в октябре 1941 г. издал приказ, в котором определил задачи работы музеев в военное время. Предлагалось развернуть во всех музеях экспозиции, посвященные Великой Отечественной войне советского народа. Особое внимание обращалось на создание выставок-передвижек для обслуживания предприятий, колхозов. Выполняя указания крайон, сотрудники дальневосточных краеведческих музеев усилили многообразную идейно-воспитательную работу среди населения.

Основной ее формой в течение военных лет были беседы, лекции, экскурсии, публикации в газетах, выставки и др.

В целом за годы войны (1941—1945 гг.), сотрудники дальневосточных музеев прочитали для населения своего региона более 2 тыс. лекций, подготовили более 1 тыс. радиопередач, посвященным событиям войны (300 из них транслировались по всему Дальнему Востоку), провели 3 тыс. экскурсий в музеях, организовали 1 тыс. выставок-передвижек. Созданные в этот период выставки ярко отражали героизм советского народа в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками: «На фронтах Великой Отечественной войны», «Оборона Москвы», «Трудовой героизм тыла», «Малые народы Дальнего Востока на фронтах Великой Отечественной войны», в музеях вывешивались сводки Совинформбюро.

Указом правительства от 26 июля 1940 года в музеях была введена строжайшая производственная дисциплина. «Было два случая опоздания сотрудников на работу на 20 минут. Опоздавшими явились один научный сотрудник и кассир. Дело об опоздавших было передано прокурору. Дело рассматривалось на выездном заседании Нарсуда, которое проводилось в музее. Виновные были приговорены к двум и трем месяцам принудительных работ. Больше случаев нарушения труддисциплины не было»²⁵. (25 См.: Пономарева А. А. Хабаровский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны. — Записки Гродековского музея. Вып. 11. Хабаровск: Государственный музей Дальнего Востока им. Н. И. Гродекова, 2005. — С. 11—18.)

Это не могло не отразиться на посещаемости музеев, пополнении их коллекций. Хабаровский краеведческий музей посетило в 1943 году 37 тыс. человек, при среднегодовой посещаемости в довоенный период — 50 тысяч. В отчете члена комиссии по обследованию отдела природы Хабаровского музея в 1943 году старшим научным сотрудником Института Земледелия Б.Л. Бруком отмечается, что «...за последние два года не поступило в музей ни одного натурального экспоната».

В первое послевоенное десятилетие (1945 г. — середина 50-х гг.) в условиях восстановления народного хозяйства, политика в области музейного дела характеризовалась стремлением возродить музеи, восстановить основные направления их деятельности. В этот период усиливается регламентация всей деятельности музеев, продолжает формироваться командно-административный стиль руководства ими.

В те годы часто цитировались слова В. М. Молотова: «Все действительные достижения культуры народов, как бы они далеко не уходили в прошлое, высоко ценятся в социалистическом государстве и встают теперь перед своим народом и перед народами всего Советского союза возрожденными в своем действительном блеске». Цитировались эти слова и в «Консультации» крайоно по вопросам работы Хабаровского краеведческого музея, которая определяла: «Основной задачей краеведческих музеев является идейно-политическое воспитание советского народа в духе марксизма-ленинизма, в духе советского патриотизма, любви к своему краю, беззаветной преданности своей великой Родине, делу коммунизма». Экспозиционная работа — основная форма деятельности музея — должна решать «свою основную задачу — идейно политического воспитания советского народа, отдел природы, отдел истории дореволюционного прошлого, как и все другие отделы советского краеведческого музея, имеют своей целью содействовать выработке марксистско-ленинского мировоззрения, вооружать народ знаниями, воспитывать советский патриотизм и призывать к победе за построение коммунизма в нашей стране. Стержень экспозиции должен быть единым — в основе его должно лежать марксистско-ленинское понимание исторического процесса».

Конечно, научно-исследовательская работа в дальневосточных музеях не могла полностью иссякнуть. В годы войны фонды Якутского республиканского краеведческого музея, например, значительно пополнились коллекциями по древнейшей и древней истории Якутии. Это в первую очередь было связано с деятельностью Ленской историко-археологической экспедиции под руководством академика А.П. Окладникова,

материалы которой впоследствии полностью поступили в музей. А.П. Окладников и художник экспедиции В. Запорожская состояли в штате музея²⁶. (²⁶ О работе А. П. Окладникова на Дальнем Востоке см. подробнее: Медведев Е. В. Слово об академике Окладникове. — Записки Гродековского музея. Вып. 4, посвященный 130-й годовщине со дня рождения В. К. Арсеньева. — Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей, 2002. — С. 108-119.) Однако уже в 1947 г. в музее была проведена коренная реэкспозиция, в которой основное внимание уделялось выставочной работе. Так в 1947-1948 гг. были организованы 12 выставок, из которых наиболее значительными являются выставки «О пятилетнем плане СССР и ЯАССР», «23-я годовщина смерти Ленина», «Прошлое и настоящее Якутии», «25 лет Якутской АССР». Основная же экспозиция музея в методическом и методологическом отношении оставалась очень слабой — в отделе природы большое место отводилось восхвалению учения Лысенко, в исторических отделах — иллюстрации догматических трактовок истории революционного движения, истории советского общества через призму «Краткого курса истории ВКП (б)».

В 1945 г. краевые и областные исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся подвели итоги работы дальневосточных краеведческих музеев в годы войны. Были заслушаны отчеты о их работе в условиях военного времени и выявлены недостатки. В октябре 1945 г. исполнительный комитет Сахалинского областного Совета депутатов трудящихся рассмотрел отчет о работе Сахалинского областного краеведческого музея и принял соответствующее решение. 7 декабря 1945 г. был заслушан отчет Камчатского областного краеведческого музея.

Отчеты позволили сделать вывод: музеи в годы войны значительно усилили свою политико-массовую работу. Были отмечены также и недостатки — слабое отражение основных отраслей промышленности, достижений сельского хозяйства, участия дальневосточников в Великой Отечественной войне и в войне с империалистической Японией. Были приняты соответствующие решения, направленные на активизацию отражения в музеях развития производительных сил в регионе.

В послевоенный период наметилась тенденция к объединению научных сил Дальнего Востока по изучению края, укреплению материальной базы музеев, вовлечение в музейную и краеведческую деятельность наиболее подготовленных для исследований специалистов. В апреле 1949 г. Камчатским облисполкомом было принято специальное решение «О состоянии работы Камчатского областного краеведческого музея», в котором отмечалась возросшая посещаемость музея в сравнении с 1943 г. в 2 раза.

В послевоенный период наметился рост и укрупнение краеведческих музеев в дальневосточном регионе.

Сахалинский областной отдел культурно-просветительной работы издал приказ, в котором отмечалось, что в связи с воссоединением областей Южно-Сахалинской и Сахалинской, областной краеведческий музей в г. Александровске переименовать в городской, а в г. Южно-Сахалинске открыть областной краеведческий музей. В 1946 году на базе Тугуро-Чумиканского краеведческого пункта был основан и перевезен в г. Николаевск-на-Амуре городской краеведческий музей. В 1949 г. был создан Корякский окружной краеведческий музей.

К концу 1940-х годов несколько увеличились денежные средства на развитие научно-исследовательской деятельности музеев. Так, в 1949-1950 гг. Магаданскому краеведческому музею было ассигновано на организацию экспедиций в районах Калымы и Чукотки 207 тыс. руб. По этой причине в музеях еще более активизировалась исследовательская работа. В 1949 г. совместно с археологами АН СССР была осуществлена экспедиция сотрудниками Магаданского краеведческого музея, которые провели раскопки на острове Завьялова в бассейне р. Колымы. Летом 1954 г. был организован Чукотский археологический отряд Дальневосточной археологической экспедиции АН СССР совместно с Хабаровским краеведческим музеем, Чукотским краеведческим музеем, институтом истории материальной культуры АН СССР и Охотско-

Калымским краеведческим музеем. Целью работ отряда были раскопки двух древних поселений на реке Канчалан и неолитической стоянки на озере Чировом.

Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР во исполнение постановления Совета Министров СССР № 2666 «О постановке дела пропаганды и внедрения достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве» был вновь взят курс на приоритетный показ в музеях отделов советского периода. При этом идейный уровень определялся, главным образом, пропагандой достижений советского сельского хозяйства, мичуринской биологической науки и сталинского плана преобразования природы. В проводимых проверках Приморского музея, Хабаровского краеведческого и других дальневосточных музеев в качестве недостатков в экспозиционной работе указывалось слабое отражение хозяйственного и культурного строительства, медленная перестройка в свете решений XIX съезда КПСС, труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», отсутствие классового подхода в отражении дореволюционной действительности на Дальнем Востоке.

В 1946 году появилась «Примерная тематическая структура построения экспозиций краеведческих музеев». Этот документ, с одной стороны, можно рассматривать как пример жесткой регламентации деятельности музеев, сковывающий инициативу музейных работников. С другой стороны, он стал большим подспорьем для неквалифицированных кадров при создании новых экспозиций. В 1947 г. Управление музеев разработало «Инструкцию по учету музейных фондов», которая действовала до 1968 г.

Жёсткое централизованное управление музейным делом в стране значительно сказывалось на всех направлениях музейной деятельности, особенно в военный и послевоенный период их развития. Меньше всего музеям предписывалась научная деятельность, самоорганизация исследовательской работы, творчество в построении экспозиций. Стремлению государства использовать идеологический потенциал музейных учреждений на протяжении всего советского периода противостояла позиция музейных специалистов, отстаивавших научный статус музея, особенно — в последующие хронологические периоды развития дальневосточных музеев.

Новые тенденции в развитии дальневосточных музеев во второй половине XX века. Вторая половина 1950-х — начало 1960-х гг. получила название в истории отечественной культуры: «оттепель». Активное использование государством музеев в качестве агитационно-пропагандистских учреждений позволяло не разрушать, а укреплять и расширять их материальную базу и, в целом, — музейную сеть в регионе.

Политическое руководство страны, допуская определенную свободу в развитии культурных процессов, хотело стимулировать творческие силы, но лишь в тех пределах, которые способствовали укреплению социалистического строя. В эти годы, особенно после принятых решений XX съезда партии (14—15 февраля 1956 г.) еще более активно стала развиваться музейная сеть, впервые отмечаются новые процессы, связанные с ростом общественных музеев. Музеи создавали промышленные предприятия, вузы, школы, другие организации. Получили значительное развитие краеведческие музеи в Комсомольске на Амуре, Биробиджане, Николаевске-на-Амуре, Сахалинский, Чукотский, Корякский, Магаданский и другие музеи. В 1965 г. создана Приморская краевая картинная галерея в г. Владивостоке, в 1959 г. — Дом-музей А.А. Фадеева в с. Чугуевка. Открылись музеи в п. Кавалерово Приморского края, в городах Южно-Курильске, Оха, Макарове Сахалинской области. Открылся научный музей ДВГУ, в 1964 г. — естественнонаучный музей Сихотэ-Алиньского заповедника и многие другие.

XXI внеочередной съезд КПСС (27 января — 5 февраля 1959 г.) принял программу «развернутого строительства коммунизма», одной из задач которой было дальнейшее развитие науки и культуры в стране. Постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» определило содержание и направленность работы музеев.

В июне 1959 г. в г. Хабаровске состоялось совещание-семинар работников краеведческих музеев Сибири и Дальнего Востока. На совещании присутствовало около 50 представителей от более 30 краеведческих музеев. Главным вопросом обсуждения были «Задачи краеведческого музея в свете решений XXI Съезда КПСС». Представители Новосибирского, Красноярского, Хабаровского, Сахалинского, Приморского и других краевых и областных музеев впервые (за советский период развития) обсудили важность и актуальность развития экспедиционной научной работы в музеях, совершенствования экспозиционной и просветительской деятельности. На совещании было принято предложение академика А.П. Окладникова начать с 1960 г. совместное изучение музеями Приамурья, Приморья, Сахалина всей территории бассейна Амура в археологическом и этнографическом отношении, разработать общий план научных исследований. Для реализации рекомендаций совещания в ряде музеев были организованы «советы содействия музею», которые, работая с промышленными предприятиями, в учебных заведениях, с ветеранами колхозного движения способствовали пополнению фондов краевых музеев и организации ведомственных и школьных музеев, развитию краеведческого движения на Дальнем Востоке. Наибольшее развитие и распространение получили музеи боевой и трудовой славы, истории комсомола, истории предприятий, мемориальные, школьные музеи.

Развитие музеев в последующие годы продолжалось определяться решениями партийных съездов и пленумов ЦК КПСС, а также принятой на XXII съезде новой Программой партии (17—31 октября 1961 г.), в которой отмечалось «...культурное развитие в период развернутого строительства коммунистического общества является завершающим этапом великой культурной революции».

1961—1970 гг. стали новым этапом в истории развития советского краеведения и музейного дела. Их задачи и содержание стали намного разнообразнее, включали в себя не только сбор материала по истории революционного движения, социалистического строительства, но и научные исследования в области досоветской истории, изучение этнического состава населения Дальнего Востока, организация учета и охраны памятников истории и культуры. В Хабаровском, Приморском, Камчатском, Магаданском, Сахалинском краеведческих музеях ежегодно организовались экспедиции по изучению этнографии коренных народов Севера. Сахалинский областной краеведческий музей организовал 17 экспедиций в районы области с проведением археологических раскопок на мысе Белоглинки, Лупалово, на р. Музыме и др. Сотрудники Хабаровского краевого музея выезжали в Охотскую, Нижнеамурскую экспедиции. Ими была собрана богатейшая этнографическая коллекция. Камчатский краеведческий музей организовал этнографическую экспедицию в Быстринский район — место проживания камчатских эвенков. Экспедиция собрала более 100 этнографических предметов, отражающих различные стороны деятельности и быта эвенков.

Однако главным направлением в работе любого дальневосточного музея было тогда отображение истории советского общества. По этому поводу 14-19 октября 1965 г. во Владивостоке проходило межобластное совещание музейных работников Сибири и Дальнего Востока, посвященное опыту построения экспозиций отдела истории Советского периода. На совещании были заслушаны выступления научного сотрудника НИИ музееведения С.С. Сафронова, сотрудников Хабаровского, Иркутского, Магаданского краеведческих музеев. В результате было принято постановление о характере, структуре и содержании выстраиваемых экспозиций Советского периода в дальневосточных музеях, которые, в основном, повторяли широко распространенные экспозиционные приемы.

Главное внимание в экспозиционной работе дальневосточных музеев уделялось празднованию в 1970 году 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. В течение года продолжалась работа по изучению и выявлению новых материалов по разделу «Торжество ленинской национальной политики на Дальнем Востоке». В экспозиции включались

материалы, «характеризующие участие малых народов в выполнении государственных планов, их активное участие в политической и культурной жизни края». Хабаровский краевой музей подготовил экспозицию, посвященную «ленинскому призыву» — тем, кто вступал в партию в год смерти В.И. Ленина. Камчатский областной краеведческий музей подготовил передвижную выставку о жизни и деятельности В.И. Ленина. Среди экспонатов выставки был один из первых портретов Ильича, изданный, по утверждению специалистов, в 1923 году. Сотрудники музея провели 14 занятий с военнослужащими по биографии В.И. Ленина. По заданию горкома КПСС и горисполкома г. Комсомольска-на-Амуре в апреле 1970 г. в краеведческом музее была оформлена общегородская ленинская выставка «Комсомольск — воплощение ленинских идей об индустриализации страны...». В результате организованного посещения музеев возросла посещаемость. Только за период 1965 по 1970 гг. краеведческие музеи Дальнего Востока посетили более 1 млн. человек.

Большое распространение в эти годы на Дальнем Востоке получили командировки в рамках обмена опытом между музеями. Сотрудники Комсомольского на Амуре музея выезжали в Хабаровск и Биробиджан по обмену опытом в работе музеев. Сотрудники Хабаровского музея — Л. С. Григорова, Л. С. Карпова, В. И. Каргополова — принимали участие в научной сессии, организованной Ленинградским государственным этнографическим музеем по теме «Горжество ленинской национальной политики», на которой выступили с докладами. В целях пропаганды решений XXIII съезда КПСС дальневосточные музеи за 1961—1970 гг. прочитали более 5 тыс. лекций, за что музеи награждались Почетными грамотами крайкомов КПСС, крайкомов ВЛКСМ.

Главное направление экспозиционной, собирательской и научно-исследовательской работ музеев в 1970-х годах определялось участием музеев во Всероссийском смотре отделов истории советского общества краеведческих и исторических музеев, посвященным 60-летию Октябрьской революции. В Якутском республиканском краеведческом музее в 1977 г. была проведена реэкспозиция разделов «Октябрьская революция и Гражданская война в Якутии» и «Якутская АССР в период восстановления народного хозяйства в годы довоенных пятилеток». В этой работе участвовали сотрудники Государственного исторического музея с группой московских художников-дизайнеров. Использование новых идей и методов оформления позволило создать экспозицию уже нового качества, в которой впервые было уделено внимание архитектурно-художественному решению экспозиции. В Хабаровском краеведческом музее было завершено строительство 1-й очереди пристройки с размещением в ней панорамы «Волочаевский бой». Московские художники Агапов и Гарпенко впервые на Дальнем Востоке создали крупномасштабное полотно о событиях Гражданской войны (1922 г.). В пристройке также были размещены экспозиции по истории советского периода развития производительных сил. В эти годы в Хабаровске были организованы Музей комсомольской славы, Геологический музей, Литературный музей, множество общественных и школьных музеев.

Интенсивный процесс создания новых экспозиций и новых музеев привел к качественному их изменению. Постепенно к концу 1980-х годов музеи Дальнего Востока становятся не только местом культурного просвещения. Музеи становятся средством образовательного воздействия, местом отдыха, проведения свободного времени. Закончился крупный этап музейной истории, продолжавшийся более пяти десятилетий. Дальневосточные музеи теснейшим образом были связаны с историей страны, отражая, как зеркало, все ее сложнейшие процессы в столь противоречивый период развития государства.

Исторический опыт развития дальневосточных музеев и его использование в современных условиях. Проблемы сохранения государственного музейного фонда, его популяризации складываются из соответствующих проблем каждого отдельно взятого государственного, регионального, ведомственного, районного, городского музея.

В современный период, когда предметом острых дискуссий ученых и практиков в России и за рубежом стали вопросы социальной роли музея, его места в культурной жизни общества, целей и основных задач музейного дела.

В этих условиях очевидна необходимость обращения к изначальным принципам, заложенным в музее, его специфике, применительно к современному музею — исторического или краеведческого профиля, по своему назначению являющемуся носителем исторического сознания современного общества. Эта роль музеев всерьез была осмыслена и воспринята, чему способствовало крушение системы государственной идеологии, составной частью которой они являлись.

В условиях развития современных гуманитарных знаний обращение к историческому опыту, его анализу является основой определения приоритетных путей развития музеев.

Исследование исторического опыта развития музейного дела, особенно в переломные 1920-1930-е годы помогает приблизиться к осмыслению роли, назначения и места этого учреждения в культурной жизни современного общества.

Музейное развитие в истории советского государства было вызвано необходимостью привлечения широких слоев населения к задачам построения социализма, распространения новой идеологии, решения многих практических задач в изучении производительных сил регионов.

В эти годы для становления и развития музейного дела были характерны ситуации, когда, с одной стороны, в культурной жизни общества продолжали действовать тенденции, заложенные предшествующими поколениями, с другой — постепенно вступали в силу идеи и проекты, реализации которых требовала новая советская эпоха.

В 1920-е годы дальневосточные музеи, обогащенные опытом работы таких подвижников, как В. К. Арсеньев, А. И. Кардаков, С. Я. Сизых, Г. С. Новиков-Даурский, А. К. Кузнецов, В. М. Попов, П. Т. Новограбленнов, З. Н. Матвеев, В. М. Савич, М. П. Малышев* (* См. Приложения.), внесли значительный вклад в изучение и сохранение культурно-исторического наследия. Этого можно было достичь только на основе высокого научного потенциала музейного учреждения, его авторитета.

Музеи Хабаровска, Владивостока, Читы, Благовещенска, Петропавловска-Камчатского, музеи Якутии своими научными исследованиями по изучению производительных сил региона, активизацией образовательной деятельности были известны далеко за пределами края. Их развитие было обусловлено не только экономической целесообразностью, но и потребностью времени и эпохи, потребностью в подвижнической и исследовательской работе русской интеллигенции, находившейся в малоизученных, отдаленных от центра местах.

По мере укрепления в стране руководящей роли ВКП (б) усиливалось идеологическое давление на все социальные институты, включая научно-исследовательские, в том числе и музеи. К концу 1920-х годов наметились значительные расхождения в целях культурного строительства государства и практической их реализацией. Музеи как эффективное средство воздействия на сознание широких масс населения постепенно стали вовлекаться в идеологическую работу структур ВКП (б) в условиях внутрипартийной и «классовой борьбы».

Сложившийся в начале 1930-х годов в стране жёсткий политический режим, нацеленный на решение задач форсированного социалистического переустройства, закрепление административно-командной системы, требовал неукоснительного выполнения плановых директив и команд центра. Постепенно музеи стали подвергаться активному воздействию центральных властей, стремившихся превратить их в идеологические и политико-просветительские учреждения. Музеи, являясь важным инструментом идеологического и политического воздействия, эффективно влияющего на сознание масс, с помощью централизованной системы руководства становились легко управляемыми. Им предписывалось «обеспечить четкий классовый подход, не допускать идеализации прошлого, отдельных исторических событий и личностей», сосредоточить

внимание на освещении «опыта революционной борьбы трудящихся» по дальнейшему подъему экономики, формированию и укреплению единого народнохозяйственного комплекса, показать «преимущества социалистического образа жизни, подлинно народной советской демократии».

Это отразилось в решениях I-го Всероссийского съезда музейных работников в декабре 1930 г. Он закрепил перелом в музейном деле, наметившийся в конце 20-х годов, и крен в сторону идеологической пропаганды, учредил и централизацию в руководстве музейным делом, отказав музеям в приоритете научной и исследовательской деятельности.

Такой поворот в работе отразился на содержании экспозиций, которые полностью стали зависеть от «решения задач коммунистического воспитания масс, текущей политики».

В результате реорганизации в научной, творческой, культурно-образовательной деятельности многие дальневосточные музеи надолго потеряли свою самобытность, разнообразие, привлекательность.

В эти годы убедительно подтвердилась справедливость непреложного правила, согласно которому учреждение до тех пор остается музеем и отвечает своему основному назначению, *пока его использование не противоречит главным целям — изучению и популяризации природного, культурного и исторического наследия.*

Ликвидация научных отделов, исследований в музеях, разрушение имеющихся экспозиций, переориентация их на политико-просветительскую работу, в конце 30-х годов были сопряжены с протестом со стороны ведущих научных сотрудников, директоров музеев. Следствием этого стали аресты, расстрелы, почти полная ликвидация кадров старой высококвалифицированной научной интеллигенции. Директорами музеев большей частью стали работать представители партийной, комсомольской и советской номенклатуры, не имевшие ни знаний, ни опыта работы. Научные исследования были прекращены, сотрудники работали в строго регламентированных рамках по типовым положениям, утвержденным Наркомпросом, что вело к формализму, унификации их деятельности. Целенаправленная культурно-идеологическая политика государства вела к ликвидации краеведческого музея как социально-культурного института. В утвержденных впоследствии типовых положениях об исторических и краеведческих музеях они определялись, прежде всего, как политико-просветительные учреждения. Это предопределило развитие музеев на многие десятилетия вплоть до 1990-х гг., менялись только формулировки, характеризующие просветительные задачи: от «агитационно-пропагандистских», «политико-просветительных» — до «культурно-просветительных», «образовательно-воспитательных». Музеи на протяжении всего советского периода продолжали находиться под жестким контролем директивных органов.

Развитие отечественного музейного дела в 90-е годы XX в. в какой-то мере соотносится с процессами 1920-х — 1930-х гг.: перестройка общества и его институтов, кризис исторической науки, определение места музея и критериев воплощения исторического знания, отрицание прежних приоритетов и методов построения экспозиции и др. Отличие заключается лишь в том, что все эти процессы ныне развиваются в иных социально-экономических и политических условиях, на более высоком уровне осмысления музейных проблем. Если в годы советской власти музеям была навязана модель, соответствующая идеологическим установкам социалистического общества, то ныне они стоят перед проблемой самостоятельного выбора, полного возрождения научно-исследовательской и культурно-образовательной деятельности.

Современная культурная политика России строится на принципе федерализма, предоставления большей самостоятельности субъектам федерации. Происходит децентрализация управления учреждениями культуры и музейным делом. Предпочтительными становятся новые формы консолидации и сотрудничества музеев, организован Союз музеев России, Ассоциация музеев Дальневосточного региона. В

Дальневосточном регионе проводятся межрегиональные и региональные научные конференции (Гродековские, Арсеньевские чтения), семинары, на которых рассматриваются актуальные проблемы деятельности музеев на современном этапе, их развитие.

Важнейшим историческим уроком для развития дальневосточных музеев в современных условиях явилось осмысление и определение места их роли музея в культурном пространстве Российской Федерации и региона. Главным теоретическим вопросом стало определение сущности музея как специализированного учреждения, его функций и коммуникативных свойств.

Музеи Дальнего Востока впервые получили реальную возможность, с учетом исторического опыта, самостоятельно определять концептуальное построение как всей научной, культурно-образовательной, фондовой работы, так и направлений его экспозиционной деятельности. Концепция того или иного музея складывается из характерных и приоритетных только для данного региона путей развития, полностью исключая какое бы то ни было типовое структурирование.

Оценка влияния политики на культурно-образовательную, исследовательскую, хранительскую функции музеев с критическим переосмыслением отечественной истории, становление нового типа социально-гуманитарных знаний, позволяет по-другому отнестись к построению музейного дела в современный период. Появился выход на иной уровень осмысления проблем музейного развития, комплектования фондов и экспозиционного проектирования.

На этой основе и с учетом опыта работы дальневосточных музеев в начале 20-х годов, экспозиции Хабаровского краевого краеведческого музея вновь стали строиться с учетом коллегиально принятых ученым советам музея решений, в строгом соответствии с концептуальным развитием его научной деятельности. При этом главным ее критерием является максимальное приближение к подлинности отражения в ней исторических событий, исключая политические окраски и оценки. В развитие этого актуальным в музее стал тот принцип, что каждый посетитель, ознакомившись с экспозицией, должен самостоятельно определить свой взгляд на произошедшие исторические события. Музей должен помочь посетителю освоить культурную среду изучаемого региона, использовать свой культурный потенциал и обогатить его историко-культурным опытом прошлого.

Ориентация на достоверность отражения исторических событий возлагает на музей особую миссию в процессе формирования исторического и культурного сознания его посетителя. А для этого, в первую очередь, необходимо всемерное развитие его научной деятельности. От научного учреждения (музея) в большей степени зависит сохранность культурного наследия региона, качество человеческого знания и его исторической образованности.

Сложилось так, что времена государственной экономической, социальной и политической перестройки совпали и с перестройкой и реконструкцией Хабаровского краевого музея. Являясь зеркальным отражением происходящих в стране событий, музей искал возможный жизнеспособный и достойный выход в сложившемся экономическом и политическом кризисе.

Наиболее важным в такой обстановке было определить приоритеты и направленность развития деятельности музея, создание условий экономической выживаемости.

Используя значительный исторический опыт развития музея в дореволюционные и 1920-е годы, ученым советом музея в качестве приоритетной была выбрана научная и исследовательская направленность деятельности с соответствующим построением экспозиций, исключая политические и идеологические их окраски. Разработав стройную систему материального стимулирования, зависящую от индивидуального трудового вклада каждого музейного сотрудника, исключая какую бы то ни было поголовную «премиальщину», в течение трех лет в музее были выстроены совершенно новые,

деполитизированные, научно обоснованные экспозиции по истории освоения Россией Дальнего Востока, проблемам Гражданской войны на Дальнем Востоке, этнографии малочисленных коренных народов Приамурья и др. В эти годы на основе собственных исследований был создан полнопрофильный музей археологии Приамурского края. Началось возведение второй очереди пристройки к главному зданию.

Главным результатом самостоятельного выбора направлений деятельности музея стало создание научного коллектива работоспособного, увлеченного идеей и ее реализацией. Все без исключения научные сотрудники Хабаровского музея составили ежегодные совершенно конкретные личные творческие планы, которые, сливаясь в единый научный план работы музея, стали главным, наряду с посещаемостью и фондообразованием, результатом работы музея за год. Качество выполнения каждым сотрудником запланированных научных объемов с практическим выходом и результатом тех или иных исследований, интенсивность труда стали определителем размера контрактных, стимулирующих надбавок, выплачиваемых к ЕТС из экономии фонда оплаты труда, а также привлеченных и заработанных музеем средств.

Заинтересованность сотрудников в научных результатах своего труда привела к потребности повышения их квалификации. По этой причине уже к 2002 году в музее 8 научных специалистов получили ученые степени кандидатов наук и 5 сотрудников обучались в аспирантуре. По степени научных исследований в области археологии, этнографии, истории, энтомологии, ботаники и других наук, музей в 2000 году был аккредитован в Министерстве науки и технологий РФ как научное учреждение. И поэтому должности заведующих научными отделами, заместителей директора и директора музея стали доступными только для специалистов с учёной степенью или аспирантов.

Дополнительным стимулом в работе научных сотрудников музея стала возможность издавать в музейной мини-типографии статьи, монографии, публикуемые в научных сборниках периодически выпускаемые музеем, — «Записки Гродековского музея», сборники статей научно-практических конференций «Гродековские чтения» и многое другое. Средствами для приобретения такой мини-типографии стала победа музея во всероссийском конкурсе «Окно в Россию» в номинации «Музей года—2000».

Публикация исследовательской деятельности музея реализуется не только в печатных научных изданиях. Одним из важнейших и наиболее популярных и аттрактивных способов публикации научных собраний является выставочная и экспозиционная деятельность. Специально для этой цели созданы отделы культурно-образовательной работы: экскурсионный отдел, отдел музейной педагогики (включая детский музей), методический отдел. Они организуют работу не только постоянно действующих экспозиций музея, но и многих передвижных тематических выставок по различной тематике исследований. Только энтомологическая выставка «Бабочки мира» за последние годы экспонировалась в Хабаровске, Благовещенске, Чите, Вяземске, Бикине, Петропавловске-Камчатском, Николаевске-на-Амуре, Владивостоке и других городах Дальнего Востока, побывала и на Сахалине.

Широкие научные связи музея с научными учреждениями и зарубежными музеями стран АТР, позволяют ежегодно организовывать совместные научные экспедиции по археологии, этнографии, истории, ботанике, музейному менеджменту, информационным технологиям в Японии, США, Китае. Конечным результатом такого сотрудничества музея являются совместные публикации в научных журналах, создание совместных выставок, каталогов и пр.

Значительный объем научных исследований, экспедиционной работы дает возможность в условиях ограниченного финансирования пополнять музейное собрание. За период с 1996 по 2002 год фондовая коллекция Хабаровского музея возросла на 87 тыс. единиц и составила 311 тыс. единиц хранения. Кроме того, за счет выполнения тех или иных исследований, оказания услуг населению и туристам, построения экспозиций для

сторонних организаций на договорной основе, создаются условия для привлечения дополнительных внебюджетных средств.

В результате таких преобразований и организации музейного дела на научной основе с использованием высоко квалифицированных профессиональных кадров Хабаровский краевой музей полностью изменил принципы организации экспозиционной, фондовой, исследовательской, культурно-образовательной работы в постсоветский период развития общества.

Уроки, извлеченные из теории и практики развития музейного дела на Дальнем Востоке, дали ответы на многие вопросы, связанные с пониманием места и роли данных учреждений в современном мире. Они подтверждают, что этот очаг культуры в современных условиях должен быть ориентирован на хранение и умножение ценностей, воплощенных в памятниках старины, на научные методы осмысления. В музее реализуются главные функции: научно-исследовательская, хранительская, культурно-образовательная и воспитательная.

При этом все больше возникает потребность в переосмыслении или более глубоком уяснении духовно-интеллектуальных основ работы музея с использованием сложного и противоречивого опыта его развития в прошлом.

Раздел 4.

Основные направления и формы музейной деятельности

4.1. Научно-исследовательская деятельность исторических музеев.

*Музеи как исследовательские центры.
Планирование и организация
научно-исследовательской деятельности*

Музеи по самой своей природе входят в систему научно-исследовательских учреждений. Комплектование музейного собрания, если оно не подменяется простым сбором экспонатов для экспозиций, обязательно связано с проведением исследований. **Под исследованием понимается особая форма деятельности, связанная с выработкой, распространением и применением знаний, которыми общество прежде не располагало.** Изучение вновь выявленных фактов позволяет установить новые взаимосвязи, обогащающие теоретические познания о закономерностях развития природы и общества.

В ряду научно-исследовательских учреждений музеи занимают специфическое место. Это относится как к центральным музеям всех профилей, так и к региональным.

Исследования являются органичной составной частью научной работы музеев. Их результаты пополняют сокровищницу научных открытий и используются многими научными дисциплинами. Одновременно они составляют основу музейных работ, включая научно обоснованное и планомерное комплектование фондов и научного описания музейных предметов. Результаты научных исследований определяют уровень консервации и реставрации, хранения и охраны коллекций, экспозиции, обслуживания посетителей, а также уровень других видов музейной деятельности.

Так как музей является полифункциональным учреждением, то и его научные исследования имеют также комплексный, многосторонний характер.

Кроме исследований по профильным наукам, они проводят исследования в области музеологии. Так как данная научная дисциплина занимается изучением теоретических и методических основ музейной работы, то её развитие требует проведения постоянных исследований в самих этих учреждениях.

Исследования в области научных дисциплин обычно проводятся с позиций музейной практики. Например, использование музеев в целях образования и воспитания привело к возникновению музейной педагогики, которая объединяет в себе элементы и музеологии, и педагогики, и дополняется социологическими и психологическими исследованиями. Естественно-научные исследования проводятся в связи с консервацией и реставрацией музейных предметов, также развились в относительно самостоятельную область музеологии.

В центре внимания всей научно-исследовательской деятельности находятся музейные предметы. Их исследование является основным специфическим моментом музеологического исследования. Изучение проводится с целью определения их источниковой ценности для профильной дисциплины, документирования развития природы и общества, в связи с проблемами их сохранения и хранения, а также в аспектах музейного предмета как источника знаний, средства эстетического воздействия, источника эмоций.

Роль музеев окончательно выкристаллизовалась и профилировалась в последние годы. Вместе с тем проблема исследовательской деятельности в музеях уже много лет

является предметом обсуждения музейщиков и считается одной из ключевых в музеологии. Многие исторические специальные и вспомогательные дисциплины полностью или частично связаны с музейными собраниями: археология, этнография (особенно в своих сравнительных исследованиях), нумизматика, фалеристика, история материальной культуры (предметы быта, средства транспорта), военная история, история техники. В таком же положении находится история искусства, опирающаяся на коллекции изобразительного и прикладного искусства.

Исследования, проводимые историческими музеями на основе музейных предметов, направлены не только на выявление и публикацию новых исторических фактов. Одновременно они служат удовлетворению специфических потребностей самих музеев в связи с комплектованием и хранением коллекций, документированием исторического развития, а также в связи с его отображением в экспозиции музея.

Содержание и задачи исторических исследований во многом зависят от структуры, профиля и специальных задач конкретного музея, его **научной концепции**²⁷. (27 Музейная научная концепция — обобщенное системное понимание задач и специфики конкретного музея, являющееся результатом музеологического исследования. Основывается на всестороннем анализе современного состояния музея, его места в музейной сети; определяет перспективы развития музея. Включает научные концепции комплектования, фондовой работы и экспозиции. Способствует комплексному использованию музейного собрания; служит основой при составлении программ и планов деятельности музея по различным направлениям.)

Исторические музеи часто являются единственными на своей территории центрами научно-исторических исследований. Это налагает на них большую ответственность за изучение местной истории. Такие исследования иногда проводятся в тесном сотрудничестве с другими учреждениями, но в любом случае их результаты используются в работе музея.

Нередко региональный музей оказывается единственным или же главным учреждением, в котором в полном объеме исследуется то или иное событие, деятельность той или иной исторической личности. В подобном случае региональный музей становится центром проведения соответствующего научного исследования. Результаты таких исследований используются как исторической наукой (или другой дисциплиной), так и самим музеем.

Исторические исследования направлены преимущественно на хранящиеся в музейных фондах предметы. Это вещественные, изобразительные и письменные подлинные предметы, которые на основе оценки их музейного значения в качестве носителей определенной информации были изъяты из среды бытования в целях длительного сохранения.

Будучи подлинниками, музейные предметы представляют ценность как исторические источники. Поэтому их изучение относится прежде всего к историческому источниковедению. Оно имеет целью извлекать, проверять и передавать ту информацию, которая интересует историческую науку. При этом используются приемы, разработанные историческим источниковедением, проводится критическое рассмотрение источников разных типов. К таким приемам относятся: анализ признаков предмета, таких, как надписи, изображения, украшения, стилистические особенности, материал; сравнительный анализ предметов; анализ данных об обстоятельствах приобретения предмета и всей имеющейся сопутствующей информации.

С помощью этого анализа проводится проверка достоверности данных о происхождении, о месте и времени возникновения, об авторстве, о назначении и применении предмета, о времени его использования и т. д. Это помогает ответить и на более общие вопросы о временных и географических рамках распространения предметов данного вида, об их месте в ряду предметов близких видов.

В процессе исследования, кроме самих источников и сопутствующей информации, привлекаются также другие материалы — архивные документы, справочная литература и другие научно-справочные материалы с целью уточнения результатов источниковедческого изучения предметов, обоснования их классификации.

Таким образом, путем изучения музейных предметов извлекаются факты, которые в дальнейшем привлекаются исторической наукой для более полного понимания исторического процесса и лежащих в его основе закономерностей. Научная значимость этих фактов определяет историческую источниковую раритетность музейных предметов, хотя этим их ценность не исчерпывается.

Музейный предмет может обладать более широкой документационной (художественной, нравственной), а также большей или меньшей коммуникативной ценностью.

Таким образом, изучение музейных предметов придает научно обоснованный характер специфически музейным видам деятельности. Для музея важна не только историческая информация предметов. Музей интересуют вопросы, касающиеся эстетической ценности предмета, его способности сохраняться длительное время, его коммуникативности и т. д., т. е. — в широком смысле — документационной ценности и, следовательно, вообще культурно-исторического значения. Исследование музейных предметов с различных точек зрения, в различных аспектах и составляет основное содержание «научной обработки» предметов.

Музееведческие исследования призваны формировать новые знания в области теории и методики сбора, хранения, обработки и использования музейных предметов. В этой сфере выделяются следующие направления исследовательской деятельности музеев:

- разработка научной концепции музея;
- исследования в области комплектования фондов;
- изучение музейных предметов и коллекций;
- исследования в области охраны и хранения фондов;
- научное проектирование экспозиций и выставок;
- исследования в области музейной коммуникации;
- изучение истории музейного дела.

Одной из основных задач комплектования является пополнение коллекций музея материалами, которые необходимы для дальнейшего развития исторической науки. Другую специальную задачу составляет обеспечение экспозиций и выставок подлинниками. В противном случае музей вынужден применять копии, вспомогательные материалы или материалы временного хранения, что снижает уровень его экспозиционной работы.

Чрезвычайно важное значение для всех музеев, занимающихся документированием общественного развития, изучением и показом истории вплоть до современности (особенно это касается центральных и региональных исторических музеев), имеет комплектование музейных предметов, относящихся к современности. Было бы неверно ориентироваться только на прошлое. Исторические музеи несут ответственность за то, чтобы уже сейчас формировались музейные собрания по современности. Так они создают фонд типичных и репрезентативных предметов, необходимый для исследований.

Одной из важнейших задач научных исследований в области комплектования фондов является выработка **научной концепции комплектования**. Концепция комплектования фондов определяет сферы комплектования, основную тематику, нацеливает на отбор определенных групп музейных предметов. При этом учитываются потребности музея, вытекающие из единства всех его задач по комплектованию, исследованию, экспонированию музейных предметов. Научно обоснованная концепция особенно необходима для комплектования материалов по современности, так как именно по этому периоду особенно трудно отобрать из всего имеющегося многообразия такие

свидетельства общественного развития, которые бы существенно дополняли письменные источники и служили бы передаче информации о настоящем времени в будущее.

Методы научных исследований, ориентированных на комплектование фондов, весьма разнообразны. Среди них особенно сложны полевые исследования. Уже с давних пор музеи отправляли экспедиции в различные регионы страны по археологии, этнографии, народному искусству, а также для создания естественнонаучных коллекций. Ценность результатов таких экспедиций зависит от того, в какой мере они обогащают историческую науку и идут на пользу собственно музейной работе. Причем соотношение этих двух сторон в различных дисциплинах варьируется.

С целью решения актуальных научных задач планируются и проводятся археологические раскопки. Археологические музеи (отделы) являются одновременно организаторами этих исследований и сами проводят их. Пополнение фондов музея за счёт таких раскопок — результат этих исследований. В дальнейшем вновь созданные археологические коллекции активно используются в целях исторической пропаганды посредством экспозиций и других форм культурно-образовательной деятельности.

Для этнографии полевое исследование также является главным методом изучения собственного народа или народа другой страны. Изучение образа жизни и условий труда, материальной культуры в широком смысле влечет за собой и сбор музейных предметов. Отсюда — тесная связь этнографических исследований и работы музейных этнографов.

В последние десятилетия методы полевых исследований применяются историческими музеями и при изучении истории и современности с целью создания коллекций. Выбор объектов обусловлен актуальной общественной и научной проблематикой и сориентирован на задачи музея.

Значительную часть своих задач музей решает посредством исторических экспозиций. *Экспозиции музея носят научный характер*: их содержание основывается на новейших научных исследованиях, постановка тем, отбор фактов, структура опираются на современные представления об историческом процессе и его закономерностях, о периодизации истории. В экспозиции демонстрируются изученные подлинные предметы, носители исторической информации. Наконец, используемые в экспозиции научно-вспомогательные материалы (карты, таблицы, схемы) также представляют собой результаты исторического исследования.

В процессе подготовки музейных экспозиций часто возникают вопросы, которые ещё не нашли полного отражения в исторической литературе, но для экспозиции играют важную роль. В таком случае музей организует проведение собственных исследований, которые часто требуют привлечения письменных и других источников. Это специальные исследования по проблемам развития определенных сторон общественной жизни, по истории того или иного региона, исследования жизни и деятельности исторических личностей. Нередко такие исследования выявляют необходимость и возможность комплектования новых музейных коллекций.

Серьезная научная подготовка экспозиций помогает избегать искажения исторического процесса, отрывочного отображения исторических взаимосвязей. Вместе с тем она способствует пополнению фондов ценными материалами, собираемыми непосредственно для новых экспозиций и выставок.

Результаты исследований в связи с подготовкой экспозиций нередко представляют широкий научный интерес, и музей публикует их в форме каталогов или путеводителей по экспозиции, а также в специальных журналах.

Музеология разрабатывает теоретические и методические принципы изучения музейных предметов, комплектования фондов, хранения и охраны собраний, экспозиционной деятельности и работы с посетителями.

В круг таких исследований входят исследования различных сторон музейной деятельности в отдельности и во взаимосвязи аспектов изучения общих черт и закономерностей, углубления и уточнения теории и методики. Теоретическим и

практическим целям отвечает исследование основных вопросов (общественная постановка задач) истории, структуры, организации и планирования музейного дела.

Исследования по теории, методике и другим общим вопросам музеологии могут проводиться в каждом музее. На практике же ими занимаются в большей мере крупные музеи, располагающие необходимым опытом и научными кадрами. Кроме того, существуют специализированные научные учреждения: научно-исследовательские институты и кабинеты, кафедры высших учебных заведений, задачей которых и является научная разработка общих проблем музеологии.

Для использования музейных предметов в историческом музее недостаточно изучить только их историческую источниковую ценность. Важным аспектом исследования является художественная, эстетическая ценность предмета. Она устанавливается в соответствии с критериями, разработанными и используемыми искусствоведением.

Методы исследования естественных наук применяют для выявления материальных свойств предмета. Это необходимо при решении вопросов консервации и реставрации предметов, при выборе способов их решения.

Специфически музееведческие исследования проводятся с целью выявления коммуникативной ценности предмета. При этом определенную роль играют такие моменты, как способность предмета наглядно отражать исторические явления и процессы, его символика и другие признаки, способные оказывать эмоциональное воздействие. Такие исследования могут осуществляться с применением комплекса исторических, педагогических и психологических методов.

В процессе формирования фондов музея встает вопрос о значимости предмета для документирования общественного развития, определенных событий, процессов и структур. Эта ценность вытекает в первую очередь из истории предмета, его первоначального назначения, места в жизни общества.

Совокупность всех перечисленных признаков дает представление о культурно-исторической ценности предмета и позволяет сделать вывод о его музейном значении и, следовательно, о необходимости его сохранения. Музееведческие аспекты должны постоянно учитываться в фондовой работе и в процессе комплектования фондов.

Теоретические разработки должны помочь музеям решить целый ряд научно-практических задач: создания общей концепции комплектования фондов, определения содержания, форм и методов научного комплектования коллекций; подготовки научных рекомендаций и нормативных документов по сбору, хранению и изучению музейных предметов; совершенствования системы их учёта и научной обработки; создания генеральной схемы размещения и хранения музейных фондов с целью обеспечения сохранности и разработки на этой основе научно обоснованных заданий по проектированию и оснащению фондовых помещений и др.

Планирование и организация научно-исследовательской деятельности. Исследования исторических музеев должны быть увязаны с общей научной концепцией его работы. Важнейшим элементом правильного планирования являются перспективные планы исследований на пять и более лет. Работа по этим планам гарантирует непрерывность и логичность исследовательской деятельности. Это очень важно и для роста квалификации коллективов исследователей. Сроки, которые необходимо запланировать на выполнение тех или иных исследований, зависят, конечно, от степени сложности тем, обеспечения кадрами и от финансовых возможностей музея. Для небольших тем достаточно одного года, более сложные темы разрабатываются на два, три года, а иногда и на пять лет. В этом плане музеи не отличаются от других научных учреждений.

Планы исследований должны координировать научную работу как внутри музея, так и с другими музеями и научными учреждениями; это очень важно и необходимо для того, чтобы избежать дублирования и действовать согласованно. Координация планов помогает сконцентрировать силы научного коллектива на решении важнейших проблем и создает условия для сотрудничества в процессе исследований. В организации научно-

исследовательской работы музеи используют разные формы координации с центральными, местными и зарубежными исследовательскими учреждениями: совместные научные colloquia, конференции, экспедиции, создание единых планов по определённой проблематике.

Совместная разработка актуальной проблематики имеет большое значение для региональных исторических и краеведческих музеев, которые объективно могут внести существенный вклад в изучение истории своего края, но не всегда располагают достаточными силами.

Одним из важнейших условий правильности организации научно-исследовательской работы является учет определенных требований к подбору и расстановке кадров научных сотрудников — ведь процесс научного исследования тесно связан с личностью учёного, с его знаниями, опытом и активностью. Для музеев особое значение имеет проблема подготовки специализированных научных кадров, так как проведение исследований в этом учреждении требует, наряду с общими знаниями по профильной дисциплине, ещё и специальных знаний в области музеологии.

Музеи разрабатывают собственный инструментарий для оценки хода и результатов научных исследований. Промежуточные и конечные результаты работы регулярно обсуждаются в научных отделах или на Учёном совете музея.

Необходимой предпосылкой фиксации результатов научных исследований, их постепенного накопления является правильная организация научного архива, в котором откладываются важнейшие письменные документальные материалы, возникающие в процессе разработки той или другой темы: библиография, отчеты о полевых исследованиях и командировках, концепции экспозиции, рукописи каталогов, статей и монографий, протоколы и стенограммы научных заседаний. Хранение подобных материалов в научном архиве гарантирует, что работа учёного не останется анонимной. При использовании документов этого архива необходимо давать ссылку на их авторов.

С самого начала проведения научного исследования следует решить вопрос о форме выхода его результатов. Результаты исследования так или иначе публикуются. В первую очередь мы имеем в виду **печатные издания**. Музеи используют и традиционные, общепризнанные формы (тематические или проблемные сборники записок²⁸ (28 Например, «Записки Гродековского музея» в ХККМ им. Н. И. Гродекова.), трудов, монографии, отчеты об экспедициях, научно-популярные брошюры, журналы²⁹) (29 В частности, журнал «Музейные вести» (Ассоциация музеев Дальнего Востока) и формы, которые характерны только для музеев: каталоги коллекций, путеводители по фондам и экспозициям, публикации документов.

Ещё одной формой публикации являются **научные чтения**. Они также — средство обсуждения группой компетентных лиц результатов проводимых музейными сотрудниками исследований, способом установления и развития контактов с научной общественностью. Подобные заседания являются традиционными как для крупных, так и для и небольших музеев. Обычно они проводятся в одно и то же время, часто приурочиваются к юбилейным датам, посвящаются памяти той или иной личности, а иногда — итогам деятельности за год. На таких сессиях часто заслушиваются сообщения об исследованиях в различных направлениях научной деятельности — хранительской и культурно-образовательной. Историко-краеведческие музеи организуют краеведческие чтения, в которых принимают участие научные организации, исследователи края. Подобные научные собрания не только удовлетворяют познавательные интересы общественности, но и очень повышает престиж музея как научно-исследовательского учреждения.

Перечисленные базовые формы предполагают главным образом пассивное участие аудитории. Однако среди традиционных форм есть и такие, которые направлены на включение людей в активную деятельность. Это **клуб, кружок, студия**. Активность

аудитории является их общим признаком, хотя это качество проявляется в названных формах с различной степенью интенсивности.

Но научная работа не может быть признана завершённой, если она только напечатана. Результаты научных исследований музеев должны находить применение в работе с музейным собранием, в экспозициях и выставках. Экспозиция также является научной публикацией результатов исследований.

Все эти формы должны расцениваться как средства передачи новых научных знаний.

4.2. Экспозиционная деятельность музея

Экспозиционные материалы.

Структура экспозиции, принципы построения

Понятие «экспозиция»³⁰ (³⁰ Музейная экспозиция — часть музейного собрания, выставленная для обозрения; представляет собой, во-первых, результат научной разработки темы экспозиции с учетом доступных музейных материалов, во-вторых, специфическое произведение, в котором средствами архитектуры и пластических искусств создается экспозиционный образ, выражающий тему экспозиции.) в музеологии формировалось постепенно. До конца XIX века этого понятия не существовало. Только к концу XIX века в процессе роста и расширения музейных собраний происходит выделение из них «демонстрационных коллекций». И простейшее определение музейной экспозиции — «часть музейного собрания, выставленная для обозрения». Сегодня под музейной экспозицией мы понимаем целостную предметно-пространственную систему, в которой музейные предметы и другие экспозиционные материалы объединены концептуальным (научным и художественным) замыслом.

Наиболее развернутое определение экспозиции сформулировал А. М. Разгон: **«Музейная экспозиция — основная форма музейной коммуникации, образовательные и воспитательные цели которой осуществляются путем демонстрации музейных предметов, организованных, объясненных и размещенных в соответствии с разработанной музеем научной концепцией и современными принципами архитектурно-художественных решений».**

В связи с развитием коммуникационной теории утверждается взгляд на экспозицию как на знаковую систему и разрабатывается понятие языка экспозиции, то есть упорядоченную систему, служащую средством коммуникации и пользующуюся знаками. Именно внедрение представления о специфическом «языке» музея позволяет осознать все стороны музейной деятельности как единого целого. Единицами языка в музее выступают музейные предметы; но лишь попав в музей, будучи «распредмечены» в процессе изучения и приобретая новое значение, они начинают выступать в качестве знаков музейного языка.

В исторической музейной практике постепенно сформировалась специфическая знаковая система, которая без труда «прочитывается» музейными работниками и с большим или меньшим трудом — посетителями музеев, находя главное в самоценности музейного предмета.

Экспозиционные материалы³¹. (³¹ Материалы экспозиционные — это совокупность подлинных музейных предметов, воспроизведений, моделей, научно-вспомогательных материалов и текстов, включенных в музейную экспозицию.) Для глубокой современной разработки методологии экспозиционной работы необходимо ясное понимание специфики средств, которыми располагает музей для осуществления коммуникации.

К экспозиционным материалам, через которые реализуется замысел экспозиционера, музеологи относят: музейные предметы, фото-, фоно- и киноматериалы, воспроизведения музейных предметов, научно-вспомогательные материалы, тексты и другие формы комментариев.

Основа экспозиционной коммуникации — подлинные музейные предметы. Музейный предмет, будучи выставлен в экспозиции, приобретает новый статус «экспоната». Он сохраняет свои свойства — информативность, экспрессивность, аттрактивность — но теперь его свойства определяются функционированием в сфере экспозиционной деятельности. Экспонатами считаются также включенные в экспозицию воспроизведения музейных предметов и научно-вспомогательные материалы.

Исследователи подчеркивают определяющую роль именно подлинных музейных предметов в создании экспозиционного образа. Это же подтверждают социологические исследования воздействия экспонатов-подлинников на посетителя.

Сегодня появляется немало учреждений, носящих название музейных, но строящих свою работу, в том числе экспозиционную, без использования подлинников. В зарубежной музеологии для музеев копий, музеев голограмм, восковых фигур и т. п. есть специальный термин — «парамузеи». Представляется, что и многие современные «музейные центры», развивающие культурно-образовательную деятельность, но не имеющие ни фондов, ни экспозиции, построенной на подлинниках, не могут считаться музеями в полном смысле слова.

В разных музеях степень доминирования подлинных музейных предметов различна. Наиболее высока она в художественных музеях, выявляющих в первую очередь эстетическую ценность экспонатов, так как эстетическое восприятие предмета — наиболее непосредственное и может раскрываться без «музейных посредников», как часто называют научно-вспомогательные материалы и тексты. Реликвии, уникамы, раритеты, мемориальные предметы уже требуют хотя бы самых элементарных разъяснений, касающихся того исторического события, лица, с которыми они связаны. Замена этих предметов копиями невозможна.

Недооценка подлинников, а иногда и пренебрежение ими было характерно для советского музейного дела 1930 — 1950-х годов — эпохи идеологического диктата и господства иллюстративных экспозиций и, как это ни покажется парадоксальным, для современного музейного дела ряда зарубежных стран. В сегодняшней России, стремящейся иногда слишком буквально принимать все начинания зарубежных коллег за достижения и пример для подражания, также можно услышать предложения, например, заменить подлинный типовой материал компьютерными изображениями (такое предложение поступило в свое время от сотрудника Смитсоновского института США; многозначительно само название его статьи — «Нужны ли музеи?» («Are museums necessary?»)).

Пропагандируется многими зарубежными и некоторыми отечественными музеями точка зрения, что в целях сохранности подлинников музеи имеют право строить экспозиции исключительно на копийном материале. Такая позиция представляется весьма спорной.

Когда экспозиция составлена в основном из типовых (стандартные промышленные изделия, продукты серийного производства, типовые документы) или типичных (являющихся характерной принадлежностью определенной эпохи) предметов, в отдельных случаях возможно введение в экспозицию воспроизведений предметов, отсутствующих, но чрезвычайно важных для восстановления связей между подлинными предметами и с изначальной средой. Рядовые предметы в своей совокупности дают возможность реконструкции эпохи, и иногда для этого необходимы «докомпоновки», подобные тем, которые делает реставратор для придания экспозиционного вида реставрируемому произведению. Но подобно тому, как реставратор выделяет докомпоновки, не стараясь выдать их за подлинные части предмета, экспозиционер, желая

оставаться честным по отношению к посетителю, не стремится выдать копии за оригиналы. Зрелищность экспозиции не может равняться воздействию её подлинности.

К сожалению, очень мало ещё внимания уделяется изучению восприятия посетителями экспозиции. В российском музееведении неоднократно делались попытки оценить эффективность экспозиции; коммуникационный подход приблизил решение этой задачи.

Для раскрытия информации, заключенной в экспонатах, зачастую используются **научно-вспомогательные материалы**: карты, схемы, диаграммы, таблицы. В современных экспозициях, в отличие от совсем ещё недавнего прошлого, сфера их использования заметно сократилась. В ансамблевых, музейно-образных и образно-сюжетных экспозициях этот тип экспозиционных материалов практически никогда не применяется. Сейчас появился новый тип научно-вспомогательных материалов — на электронных носителях; компьютеры всё чаще становятся принадлежностью музейных залов.

Тексты — особая группа экспозиционных материалов. Выше мы говорили о языке экспозиции и о том, что саму экспозицию можно рассматривать как текст, составленный из знаков, причем в роли знаков выступают музейные предметы. Цель каждого экспозиционера — добиться максимально адекватного «прочтения» этого текста посетителем. Для достижения такого понимания необходимы определенные факторы: доходчивость, внятность самого экспозиционного повествования, определенный культурный уровень посетителя, наличие у него опыта общения с музейными предметами и т. п. Но даже при самых благоприятных условиях протекания акта музейной коммуникации, полностью адекватное восприятие экспозиционного текста посетителем невозможно просто потому, что посетитель и экспозиционер — два разных субъекта и не могут вкладывать в одни и те же знаки полностью совпадающий смысл. Согласно коммуникационному подходу, посетитель — «со-творец» экспозиции, он активно конструирует её «смыслы» в зависимости от собственной принадлежности к определенной культуре, уровня образования, индивидуальных предпочтений и т. п. — вплоть до настроения. Музейную коммуникацию можно считать состоявшейся, если необходимый минимум смыслов и значений, сложившихся в сознании посетителя, совпадет со смыслами и значениями, заложенными в экспозицию её создателями.

Поэтому для обеспечения необходимого уровня понимания посетителем экспозиционного замысла, содержания экспозиционных комплексов, характеристик отдельных экспонатов в подавляющем большинстве экспозиций необходим перевод заключенной в экспозиции информации в вербальную (словесную) форму. Сегодня существует тенденция к сокращению количества текстовых материалов в экспозиции; зачастую она проявляется как своеобразная реакция противоречия на недавнее засилье утомительных и неоправданно длинных текстов. Иногда отрицание текста доходит до его полного изгнания из экспозиционных залов. Такая крайность не представляется оправданной, ибо резко сокращает информационные возможности экспозиции и, как правило, оставляет у посетителя чувство неудовлетворенности.

Перед большинством музеев стоит в первую очередь задача создания ясной, цельной, ёмкой, многоуровневой системы текстов, рассчитанной на разные категории посетителей, содействующей оптимизации коммуникативных свойств экспозиции. Прекрасным образцом может служить система текстов в этнографической экспозиции Гродековского музея в г. Хабаровске. Лаконичные и информативные, расположенные в строго выверенных точках залов на лёгких прозрачных планшетах, они самой отточенностью содержания и формы усиливают производимое экспозицией впечатление высокого профессионализма и особой калоритности значительно усиливающей восприятие духовной культуры аборигенов Приамурья.

В образно-сюжетных экспозициях ведущие тексты «относятся к средствам функционально-декоративного оформления, что требует от них предельной лаконичности и способности органично входить в художественную ткань экспозиционного образа».

Всё большее число даже вполне традиционных музеев становится сегодня на путь вынесения информационной части комментариев в листовки, буклеты, путеводители. Этому способствует распространение компьютерной техники и мини-типографий, позволяющих легко, быстро и дешево тиражировать необходимые материалы. Любой листочек с минимальной информацией, который посетитель унесёт с собой из музея, способствует активизации посткоммуникативной фазы восприятия экспозиции, повышает уровень запоминания, позволяет впоследствии возвращаться мыслью к увиденному, служит рекламой музея. Вообще не только текст, но любой сувенир, взятый на память о музее, значительно усиливает сохранение положительных эмоций, и это следует учитывать создателям экспозиций. Разумеется, уровень исполнения таких «памятных знаков» не должен дискредитировать образ музея³². (32 Поляков Т. П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции): учеб. пособие / Т. П. Поляков. — М., 1997.)

Основной структурной единицей большинства экспозиций является **экспозиционный комплекс**³³ (33 Экспозиционный комплекс — это структурная единица тематической экспозиции; группа предметов, объединенных по содержанию, образующих целостную композицию, создающих единый образ.), объединяющий составляющие зрительное и смысловое единство материалы — экспонаты, научно-вспомогательные материалы, тексты — в соответствии с концепцией экспозиции. Поэтому нередко в литературе можно встретить определение «тематико-экспозиционный комплекс», посредством которого раскрываются идеи и замыслы экспозиции через совокупность экспонатов, взаимосвязанных и организованных по определенной системе. В естественнонаучных музеях такой комплекс, раскрывающий природные взаимосвязи, называют биогруппой.

Экспозиционный комплекс является основной структурной единицей не только тематических, но и других типов экспозиций. Произведения искусства в экспозиции нередко сочетаются исключительно по эстетическому принципу и составляют декоративный комплекс. В музейно-образных и сюжетно-образных экспозициях частным случаем экспозиционного комплекса является музейный натюрморт — произведение искусства, представляющее собой объёмно-пространственную композицию из реальных предметов, складывающихся в совокупности в определенный образ, и являющееся средством активной интерпретации темы художественными средствами.

Экспозиционный комплекс может состоять из однородных материалов (вещевой комплекс, комплекс документов и др.) или включать разные типы музейных источников: вещевые, письменные, изобразительные, составляющие тематическое и визуальное единство. На этапе научного проектирования разрабатывается тематический комплекс (единица тематической структуры и тематико-экспозиционного плана), который воплощается в экспозиционный комплекс.

Экспозиционные комплексы можно классифицировать по видам: этнографический комплекс, мемориальный и другие. Ансамблевая экспозиция в виде отдельного комплекса также часто входит в состав тематической экспозиции. Сегодня в музеях все чаще практикуется именно такое «смещение жанров». Часто экспозиция, построенная как ансамблевая, на самом деле является «скрытой» тематической. Характерным примером может служить экспозиция крестьянского, купеческого, городского интерьера в Хабаровском Гродековском музее, где воспроизведены не столько интерьер избы, дома, которые могли существовать на самом деле, но создан комплекс, в который нарочито (а не так, как они сочетались в реальной жизни) собраны вещи, раскрывающие существенные стороны жизни мещан, купцов, чиновников, интеллигенции Хабаровска конца XIX века, ярко раскрывающие его образ.

Принципы построения экспозиции. При построении большинства музейных экспозиций главенствующую роль играет принцип научности. Он выражается в предварительной научной обработке каждого музейного предмета, в научном исследовании темы, воплощенных в концепции экспозиции. Однако уходит в прошлое

«ясно выраженная идейная направленность экспозиций»); приняв постулат Н. Ф. Федорова о том, что музей — не судилище, музейеведы и музейные работники выдвинули на первый план **принцип научной объективности**. Он не исключает выражения в экспозиции авторской позиции, но требует от экспозиционера честности и непредвзятости при интерпретации происходивших и происходящих в природе и обществе процессов. Наиболее ярко этот принцип воплощается в многочисленных проблемных «экспозициях-диспутах», где вопрос ставится, но оставляется открытым, предоставляя простор для мысли посетителя.

Второй из общепризнанных принципов — **принцип предметности**, то есть опоры на подлинные музейные предметы, — в некоторой степени утрачивает в теории и практике современного музейного дела свой всеобъемлющий и обязательный характер. Доказательством тому — многочисленные экспозиции, построенные как коллажи, инсталляции, натюрморты, в которых либо исключается, либо сводится к минимуму роль музейных предметов. В данном случае должен быть решен принципиальный вопрос о границе музейности экспозиции. Но везде нужна мера. Дополнение не должно становиться главным. Когда музейный предмет, подлинник уходит из экспозиции, возникает угроза потери музейной специфики, угроза размывания самого понятия «музей». На практике, в современном музейном мире, этот термин нередко применяется по отношению к учреждениям, являющимся, скорее, культурно-выставочными, образовательными, игровыми центрами, чем музеями. Они могут быть очень полезны и нужны обществу, они, безусловно, имеют право на существование, — но их нельзя называть музеями. Должна существовать граница, за которой экспозиция перестает отвечать понятию музейной.

Сегодня выработан своеобразный **тест на музейность экспозиции** (в частности, подобный принцип определения музейности экспозиции описан в работе Н. А. Никишина). Тест чрезвычайно прост: уберите мысленно из анализируемой экспозиции все подлинные музейные предметы. Экспозиция от этого перестала существовать как смысловое и художественное целое? Значит, она — музейная экспозиция. Если изъятие музейных предметов не повлияло на восприятие экспозиции — назовите её инсталляцией, предметной композицией, коллажем и т. п., но не музейной экспозицией. Только экспозиция, в основе которой — музейные предметы, имеет право называться музейной.

Поэтому принцип предметности продолжает оставаться одним из основополагающих в построении музейной экспозиции, так как непосредственно связан с её спецификой.

Третий принцип — **доходчивость и универсальность**. Он может быть отнесен только к музеям общедоступным. Вряд ли мы вправе требовать учета интересов любых категорий посетителей от учебного вузовского музея или научного музея, существующего при научно-исследовательском институте. Однако, как только такой музей открывает свои двери для всех, а это случается все чаще — построение экспозиции должно быть ориентировано на восприятие разных групп посетителей. Это означает не усредненность, не расчет на некоего мифического «среднего» реципиента. Многослойность экспозиции, построение её таким образом, чтобы в ней смог найти для себя интересное и важное как ненадолго зашедший «любопытствующий», так и специалист, серьезно занимающийся проблемой. Л. Ф. Казакова³⁴ (³⁴ Казакова Л.Ф. Новые подходы интерпретации истории в музейных экспозициях / Л.Ф. Казакова // Музей в современном обществе: Поиски новых решений. — М., 1999. — С. 80.) применила к этому принципу емкий и, думается, наиболее точный термин — коммуникативность.

Таким образом, представляется, что сегодня наиболее общие принципы музейной экспозиции формулируются как научная объективность, предметность, коммуникативность³⁵. (³⁵ Коммуникация музейная — процесс передачи информации и ее восприятие посетителем в музее путем демонстрации памятников истории и культуры, в ходе которого осуществляется интерпретация темы и содержания музейной экспозиции, информационный потенциал музейных предметов.)

Однако под принципами построения экспозиции музейеведы понимают также более конкретные принципы, обуславливающие группировку и интерпретацию экспозиционных материалов, структуру и основные членения экспозиции.

Историко-хронологический принцип предполагает группировку экспозиционных материалов в соответствии с принятой в науке хронологией. Поскольку любой музей по сути является историческим (идет ли речь об истории общества, природы, искусства и т. п.), то и применение этого принципа отнюдь не ограничивается музеями исторического профиля. Этот принцип лежит в основе построения Палеонтологического музея в Москве, многих залов Политехнического музея, биографических частей экспозиций мемориальных музеев и т. п.

Комплексно-тематический принцип предполагает организацию экспозиционных материалов разных типов, связанных единством темы, в экспозиционные комплексы. Сегодня это один из наиболее часто используемых принципов построения.

Проблемный принцип предполагает группировку экспонатов в соответствии с поставленной в процессе научного проектирования проблемой.

Многообразие принципов построения экспозиции не исчерпывается перечисленными. В основе группировки экспозиционных материалов может лежать коллекционный принцип, при котором коллекции демонстрируются как единое целое, или, например, региональный. Существуют многочисленные экспозиции, в которых на первый план выдвигается эстетическое восприятие.

«Экспонат в фокусе» — также часто встречающийся сегодня принцип построения экспозиции. Внимание экспозиционера сосредоточено не на совокупности материалов, но на музейном предмете (как правило, особо ценном, уникальном, раритетном) в его самоценности. Во многих музеях проводятся выставки «одного экспоната», до своего предела этот принцип доведен в «Музее одной картины» (Пенза). В экспозиции, построенной по этому принципу, единичный экспонат может выставляться без какого-либо дополнительного материала, может — с применением достаточно развернутого научно-вспомогательного материала; в отдельных случаях единственный экспонат становится «героем» развернутого театрализованного или аудиовизуального действия. Фактически, по этому принципу построена любая экспозиция пустого интерьера, например храма, в котором не воссоздается ансамбль, но экспонируется единственный экспонат — само внутреннее пространство, дополненное текстом и научно-вспомогательными материалами.

В современных музеях наиболее часто можно наблюдать совмещение различных принципов построения.

Для оптимальной компоновки экспозиционных материалов в комплексах, рядах, натюрмортах научный сотрудник вместе с художником выбирают те или иные экспозиционные приемы, то есть способы группировки экспозиционных материалов, которые могут быть весьма разнообразны и зависеть, в большей степени, от характера экспозиции, замысла и творчества экспозиционера и художника. Среди общеизвестных апробированных приемов необходимо назвать: выделение экспозиционных центров и ведущих экспонатов, несущих максимальную смысловую и образную нагрузку; выявление связей между предметами и целый ряд других, дополняющих друг друга приемов.

4.3. Основные направления фондовой работы. Комплектование, учет и хранение музейных фондов

Понятие «фонды музея». Состав фондов по значению и юридическому положению предметов. Структура фондов. Основные направления фондовой работы. Понятие «изучение музейных

предметов».

Классификация музейных предметов.

Методика изучения музейных предметов. Комплектование фондов в деятельности музея, определение понятия. Организация работы по комплектованию фондов. Планирование комплектования фондов. Учет музейных фондов и их научная документация. Понятие «хранение музейных фондов». Режим хранения фондов. Система хранения музейных фондов.

Фонды музейные. Понятием «фонды музея»³⁶ (Фонды музейные — организованная совокупность музейных предметов и научно-вспомогательных материалов в составе музейного собрания.) обозначают всю научно-организационную совокупность материалов, принятых музеем на постоянное хранение. При этом они могут находиться не только в фондохранилище и экспозиции, но и быть переданными на экспертизу или реставрацию, а также во временное или бессрочное пользование другому учреждению или музею в сопровождении соответствующих юридических документов.

Основу музейных фондов составляют **музейные предметы** — памятники истории и культуры, изъятые из среды бытования, прошедшие все стадии научной обработки и включенные в состав музейного собрания благодаря своей способности характеризовать историю и культуру определенного общества, прошедшие специальную обработку, обеспечивающую его длительную сохранность и возможность использования в научных и культурно-образовательных целях. Музейный предмет является составной частью национального культурного достояния. Выступает в музее как источник научных знаний образования и эмоционального воздействия. Для характеристики музейного предмета рассматривают его общие свойства и конкретные признаки, а также устанавливают его научную, культурно-историческую и художественную ценность.

Музейные предметы связаны между собой многими признаками: принадлежностью к одному и тому же историческому периоду, событию, лицу, автору, типу источников. Их может объединять общая тема, сюжет, время создания, среда бытования, материал и техника изготовления. Эти связи очень важно учитывать, т.к. информация, которую приносит группа взаимосвязанных предметов, полнее, а главное ценнее той, что дает отдельный предмет.

Совокупность музейных предметов, связанных общностью одного или нескольких признаков и представляющих научный, художественный или познавательный интерес как единое целое, — квалифицируется как **музейная коллекция**³⁷.

Предметы группируются в коллекции по разным признакам — по типам источников, по происхождению, по содержанию. Коллекция, состоящая из предметов одного типа, сгруппированных по определенному признаку классификации — по материалу, отраслям знаний, практической деятельности, регионам, этническим группам и т.п. — определяются как **систематическая коллекция**.

Коллекция, сформированная из музейных предметов разных типов (документов, фотографий, произведений искусства, вещей и пр.) которые в своей совокупности раскрывают определенную тему, называется **тематической коллекцией**.

Научно организованная совокупность музейных предметов и научно-вспомогательных материалов, а также, хранящихся в музее различных средств научно-информационного обеспечения в частности архива и библиотеки составляет **музейное собрание**³⁸. (38 Там же, с.197.)

Все это свидетельствует о том, что фонды музея и музейное собрание в целом должны быть научно организованы. Это позволит фиксировать юридическое положение предмета, а также его значение для культуры науки в целом и для конкретного музея в частности, кроме того, создаст наиболее оптимальные условия для формирования фондов, их хранения, исследования и использования.

Состав музейного собрания по значению и юридическому положению предметов. С июня 1996 г. особенности правового положения Музейного фонда регламентирует Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»³⁹. (39 Федеральный Закон Российской Федерации от 26 мая 1996 года №54-ФЗ.)

Статья 16 закона определяет юридические обязательства по управлению музейными предметами и музейными коллекциями, включенными в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации⁴⁰ (40 В состав государственной части музейного фонда РФ отнесены предметы и коллекции находившиеся в музеях Российской Федерации до 26.05.1996 г., т. е. до принятия Закона РФ №54-ФЗ.):

«Государственные музеи, иные государственные учреждения, которым **переданы в оперативное управление** (согласно договору)⁴¹ музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, обязаны обеспечить:

физическую сохранность и безопасность музейных предметов и музейных коллекций; ведение и сохранность учетной документации, связанной с этими музейными предметами и музейными коллекциями;

использование музейных предметов и музейных коллекций в научных, культурных, образовательных, творческо-производственных целях».

Организация фондов, основанная на взаимосвязях предметов и направленная на создание условий, максимально удобных для их изучения, пополнения, хранения и использования, называется **структурой (строением) фондов**.

В музеях РФ она определяется структурой музейного собрания, являющегося по юридическому положению фондом музейных предметов.

Важно, чтобы при разработке структуры фондов были учтены **правила деления объема понятия**. Признак, по которому производится деление, называется основанием деления, а образующиеся при делении понятия — членами деления.

1. Одно и то же деление должно производиться на одном и том же основании. Например, нельзя одновременно разделить предметы на стеклянные (основание деления — материал) и зеленые (основание деления — цвет).

2. Объем всех членов деления в сумме должен равняться объему делимого понятия. Так, при делении всего объема исторических источников на основании соотношения с общественно-историческими эпохами нельзя опустить источники, относящиеся к какой-нибудь из них.

3. Члены деления должны взаимно исключать друг друга, т. е. каждый отдельный предмет должен находиться в объеме одного понятия. Например, подразделяя предметы по типам источников, нельзя отнести чашку с портретным изображением одновременно не только к вещественным, но и к изобразительным источникам.

4. Деление должно быть непрерывным, т. е. члены деления должны быть ближайшими к делимому понятию. Например, при делении понятия «оружие» ближайшими членами деления будут «холодное оружие» и «огнестрельное оружие», а не конкретные его разновидности.

Наиболее общие свойства предметов определяются их принадлежностью к тому или иному типу источников. В музеях исторического профиля в РФ образование структурных групп, как правило, и начинается с деления предметов по типам источников — на вещественные, изобразительные, письменные. В отдельные группы выделяются также кинодокументы и фонозаписи.

Объединение предметов по типам источников требует определенных источниковедческих знаний и навыков.

Поскольку для музея характерно комплексное документирование исторического процесса, то группировка музейных предметов по типам источников существенна и для всестороннего пополнения и использования фондов.

Тип источника в значительной степени связан с его физическими свойствами, что важно для организации хранения.

Музей, имеющий археологические коллекции, составляет из них в ряду вещественных источников самостоятельную структурную группу, делящуюся затем в соответствии с классификацией археологических культур. Вещественные источники, не относящиеся к археологическим, группируются далее по общности материала. Образуются коллекции дерева, керамики и стекла, тканей, синтетических материалов и другие.

Понятия, обозначающие материал, имеют собирательный характер. В понятие «металл», например, входят железо, медь, олово, серебро, золото и т. д.; в понятие «керамика» — грубая керамика, фаянс, фарфор. Разновидность материала может служить основанием дальнейшего деления неархеологических коллекций вещественных источников.

Основные направления фондовой работы. Работа с фондами ведется всеми научными отделами музея, поэтому важно определить, что такое собственно фондовая работа.

Цель фондовой работы — создание оптимальных условий для сохранения, исследования и использования музейных предметов, проведение исследований в области истории материальной и духовной культуры, разработка теории и методики фондовой работы.

Работа по сохранению музейных предметов заключается, прежде всего, в отборе из окружающей среды предметов музейного значения. Это основная задача комплектования фондов.

Необходимое условие отбора предметов — их изучение, имеющее конечной целью определение их значения как источников знаний и эмоций, как культурных ценностей. Изучение предметов на стадии отбора ставит целью установить, имеет ли предмет музейную ценность.

При отборе предметов важно учитывать, в ряду других, экспозиционные задачи музея. В этой работе принимают активное участие также сотрудники экспозиционных отделов.

Для обеспечения сохранности приобретенных предметов в специальных документах фиксируется их принадлежность к государственной собственности, т. е. осуществляется их юридическая охрана — **учёт фондов**⁴². (42 Учет музейных фондов — одно из ведущих направлений фондовой работы, обеспечивает включение фондов музея и каждого музейного предмета в состав музейного фонда РФ, их юридическую охрану. В ходе учета фиксируются результаты изучения музейных предметов, создаются условия для их общественного использования. Учет имеет две стадии — первичная регистрация и научная инвентаризация.)

Учёт фондов проводится на основе дальнейшего изучения предметов, так как соотнести запись в учётных документах с конкретным предметом можно только с помощью научных данных. Эти данные, зафиксированные в учётных документах, также юридически сохраняются. Научно-вспомогательные материалы охраняются по особым правилам.

Необходимо создание условий, обеспечивающих физическую сохранность музейных предметов и научно-вспомогательных материалов (хранение и консервация), восстановление их первоначального вида (реставрация), доступность для использования. Это — задача хранения фондов.

Успешное решение задачи хранения фондов возможно только при определенном уровне изученности предметов, который позволяет, во-первых, группировать предметы на основе общности физико-химических свойств, во-вторых, выделить группы предметов, нуждающихся в особых условиях хранения.

Рациональное размещение предметов в фонде необходимо и для создания наилучших условий при их использовании самим музеем в научной, экспозиционной, научно-просветительной работе, а также другими музеями, учреждениями, организациями.

Существует тесная зависимость степени использования фондов от их изученности. Научно обоснованная, широкая поисковая система может явиться лишь результатом детального и глубокого изучения фондов.

Задачам использования музейных фондов служат также консультации, которые проводятся сотрудниками фондовых отделов. Консультации облегчают непосредственный доступ к фондам сотрудникам данного музея, других музеев, архивов, библиотек, работникам науки, искусства, просвещения, учащимся.

Консультации дают общую характеристику: содержания, состава, структуры фондов. Такие консультации чаще всего интересуют сотрудников фондовых отделов музеев, работников архивов и библиотек, учащихся вузов.

Другие консультации направлены на характеристику конкретного музейного собрания, коллекцию или отдельные её предметы. В этом обычно больше всего нуждаются сотрудники экспозиционных отделов, отделов научных исследований, историки-источниковеды.

Консультации помогают в выявлении материалов по определенной теме и их характеристике. Такие консультации в исторических музеях наиболее распространены и нужны широкому кругу специалистов: сотрудникам музеев, исследователям из других учреждений, работникам творческих профессий. Могут даваться и комплексные консультации. Они, как правило, важны для студентов и начинающих музейных сотрудников. Качество консультаций зависит от степени изученности фондов.

Понятие «изучение музейных предметов». Изучение музейных предметов, лежащее в основе работы по комплектованию, учёту, хранению фондов и консультационной работы, одновременно имеет самостоятельное значение, включает определение (атрибуцию), классификацию и систематизацию, интерпретацию предметов.

Понятие «изучение музейных предметов» очень близко к понятию «изучение исторических источников». Отличается лишь объём понятия «интерпретация». Источниковеды-историки задачей интерпретации предмета ставят его истолкование как источника знаний. Музеология характеризует предмет не только как источник знаний, но и как носитель эмоций, культурную ценность в целом, оценивает его аттрактивные свойства.

Выявление присущих предмету признаков — задача его определения (**атрибуции**). Признаки предмета выражают разные стороны его содержания.

Материал, форма, размер, вес, цвет — физические свойства предмета. Устройство вещественного источника, тема, сюжет изобразительного, письменного источника, фонозаписи выражают функциональное назначение предмета. Признаки, позволяющие выявить автора, мастера, создавших предмет, время и место создания, этническую и социальную среду бытования, отношение к событию, явлению, принадлежность конкретному лицу, свидетельствуют о происхождении и его истории.

Все признаки предмета взаимосвязаны. Памятники материальной культуры определенного назначения (токарный станок, химическая посуда, одежда) должны иметь присущие именно им материал, форму, размер. Вместе с тем эти признаки определяются не только назначением предмета, но и временем, местом его изготовления, социальной средой бытования. Например, современная одежда отличается по покрою и материалу не только от одежды прошлых веков, но и от одежды прошлых десятилетий. В зависимости от времени и места бытования одежда будет иметь большее или меньшее число местных и социальных различий.

Музейный сотрудник-историк может рассматривать музейный предмет в целом, во всей совокупности присущих ему признаков и получать разнообразную информацию. Например, орудия труда могут дать информацию об уровне развития промышленности, научно-технической мысли, профессионально-технического мастерства, т. е. быть источником для изучения экономических, социальных отношений, истории науки.

Предмет может интересовать историка и как носитель отдельных признаков. Так, в орудии труда может быть интересен собственно материал, из которого оно сделано. Подобные исследования особенно часто проводятся археологами, и признак этот даже лёг в основу археологической периодизации: каменный, бронзовый, железный век.

Музейные предметы связаны между собой большим или меньшим числом родственных признаков. Взаимосвязи предметов устанавливает их классификация и систематизация. Классификация и систематизация музейных предметов необходима, во-первых, как инструмент исследования — для проведения сравнений музейных предметов и для образования коллекций, имеющих самостоятельное научное значение, во-вторых, для создания поисковой системы. Проводится эта работа с учётом правил деления объема понятия.

Классификация музейных предметов — это деление всего объема нужных музею предметов на группы по признакам родства и различия. Классификацией охватываются не только те из них, которыми музей уже располагает, но и те, которые ему нужно иметь. Классификация может ставить целью деление предметов на группы поступательно по всем существенным признакам (общая классификация) или по одному признаку: хронологическому, географическому, авторскому и т. д. (частные классификации), установить отношение музейных предметов к темам профильной дисциплины (тематическая классификация) или к сферам общественной жизни (отраслевая классификация). Та или иная классификация ложится в основу структуры фондов. Классификация музейных предметов осуществляется при помощи классификационных схем.

На основе классификаций, принятых музеем, с помощью карточек проводится группировка имеющихся в музее предметов, т. е. их систематизация. Систематизация позволяет установить место каждого предмета, определить его ценность, сгруппировать содержащуюся в предметах информацию и определить ценность комплексов предметов.

Процессы классификации и систематизации музейных предметов теснейшим образом связаны: систематизация исходит из классификации, классификация совершенствуется и дополняется в процессе систематизации. Определение и систематизация музейных предметов позволяет провести их критический анализ и дать их интерпретацию (истолкование) как источников знаний и эмоций. Критический анализ музейных предметов состоит из сложных и взаимосвязанных компонентов. Учитываются значительность события, явления, о котором содержит информацию исследуемый предмет, тип источника, к которому он относится, объем информации, подлинность, достоверность, мемориальное значение, внешние признаки.

Музейный предмет — элемент исторического процесса, поэтому определение подлинности предмета — очень важная сторона его изучения. Подлинность предмета доказывается сопоставлением всех его признаков, находящихся в неразрывном единстве. У предмета, который не является подлинником, это единство всегда нарушено, что и должно быть выявлено исследователем. Так, ксерокопия документа может быть сделана на бумаге, относящейся ко времени создания самого документа, однако техника ксерокопии будет иной, чем техника подлинника. Копиист, копируя живописное произведение, может использовать холст и подрамник соответствующего оригиналу времени, точно придерживаться размеров оригинала, имитировать манеру письма автора, но состав красок, которыми написана копия, будет иным, чем у оригинала. Сложность выявления копии зависит от мастерства копииста и целей, которые он преследовал, создавая копию. Существуют очень искусные подделки, и, чтобы разоблачить их, затрачивается много труда.

Достоверность источника зависит от степени соответствия его содержания отражаемому явлению или событию. Происхождение вещественных источников непосредственно не связано с задачами передачи информации, поэтому вещественные источники-подлинники всегда дают достоверную информацию. На степень достоверности

изобразительных и письменных источников влияют цели создания источника информации, относительность знаний, идейные позиции их авторов, определяющие авторское восприятие отображаемого явления или события. Поэтому критерием определения достоверности источника служит полнота и точность содержащейся в нем информации о явлении или факте, которому он посвящен.

Отсутствие достоверности не означает, однако, отсутствия информативных возможностей. Напротив, нас может интересовать именно непонимание или сознательное искажение (фальсификация) фактов автором источника.

Методика изучения музейных предметов. Определение (атрибуция) музейных предметов. Процесс изучения музейных предметов, и прежде всего их определения, зависит от ряда моментов: от степени известности и значительности явления или события, к которому относится рассматриваемый предмет, от типа источника, к которому он принадлежит, от назначения предмета, от того, был ли он приобретен во время исследуемого явления или события или найден много лет спустя, найден в том месте, где происходило событие, или в другом, найден один или в комплексе с другими предметами.

Важно также наличие или отсутствие легенды — пояснительной записки, составленной владельцем предмета или сотрудником музея на основе рассказа владельца.

В процессе определения исследуемого предмета выявляются все его существенные признаки. В каждом конкретном случае одни из них могут быть нужны непосредственно для извлечения информации, другие — для определения прочих его признаков. Часто они бывают важны и в том, и в другом плане. Порядок, в котором выявляются признаки, индивидуален. Обычно исследователь начинает с тех признаков, которые легче определяются.

Изложение методики определения музейных предметов целесообразно начать с вопроса о материале, способе изготовления, размере, форме, устройстве предметов. Эти признаки важны не только для правильной организации учёта и хранения фондов, но и для определения других признаков исследуемого предмета. Благодаря им предметы (чаще всего вещественные источники) могут нести ценную для раскрытия исторического процесса информацию. К примеру, в современной промышленности применяются инструменты, сделанные из новых сверхпрочных материалов, позволяющих давать продукцию более высокого качества, повысить производительность труда. В этом конкретное проявление научно-технического прогресса. Существен и вопрос о материалах, имеющих многовековую историю: дерево, металле, керамике, стекле, шерсти, льне, шелке, хлопке. Они дают ценную информацию о развитии экономики, технике, о торгово-промышленных отношениях.

Для определения материала необходимы знания физико-химических свойств различных материалов: свойства их структуры, веса, цвета, прозрачности, плотности и т. д. Обычно мы без особого труда узнаем металл, дерево, керамику, стекло, пластмассу, ткань, бумагу, пергамен и прочее. Сложнее установить, с какой конкретной разновидностью данного материала мы имеем дело. Для определения пород дерева, сортов бумаги, состава волокон, красителей и пр. нужны специальные знания.

Одни предметы изготовлены из материалов, которые существуют в природе и значительной предварительной переработке не подвергаются — например, из дерева, кости, камня. При определении разновидностей этих материалов на помощь исследователю приходит ботаника, зоология, минералогия. Другие предметы изготовлены из материалов, полученных при переработке природного сырья (железо, медь, керамические массы и пр.). Третьи материалы — пластические массы, синтетические волокна, анилиновые краски — целиком создает химия.

Определение материалов второй и третьей групп требует знаний в области технологии производства. Точные данные о физико-химических свойствах материала можно получить лишь в результате специальных лабораторных исследований (химический, спектральный анализ и пр.). Но применение лабораторных методов сильно ограничено из-

за возможности повреждения предметов и необходимости проводить исследования в специальных условиях лицами, которые имеют соответствующую подготовку.

Комплектование фондов в деятельности музея. Определение понятия. Комплектование фондов является одним из основных видов деятельности музея. С большей или меньшей интенсивностью оно продолжается на всех этапах его существования. Музеологическое комплектование фондов рассматривается как способ осуществления музеем его функции накапливать социальную информацию, документировать развитие общества. Оно ведется путем отбора и извлечения из существующей социальной среды разновременных и различных по назначению предметов и включения их в собрание музея в качестве музейных предметов, т. е. источников информации, документов своего времени.

Приобретенные музейные предметы образуют ядро музейного собрания — фонд музейных предметов — и являются фундаментом всей деятельности музея. Основная часть этого фонда создается с расчетом на вечное хранение.

В ходе комплектования начинается процесс выявления музейной ценности предметов. Для этого изучается их собственная информация и информация о предметах, полученная из среды, в которой они бытовали. Эта сопутствующая предметам информация помогает полнее раскрыть их жизненные связи, стоящие за ними отношения людей.

Например, медный самовар своим видом свидетельствует о своем назначении, времени и месте изготовления, но об истории бытования, принадлежности его определенной семье могут сообщить лишь специально привлеченные дополнительные источники.

Сопутствующая информация может быть зафиксирована раньше (биографическая справка, вырезка из газеты); она может закрепляться в момент комплектования (снимок, сделанный для фиксации способа ношения приобретаемой национальной одежды) или в процессе изучения полученных материалов (макет интерьера крестьянской избы, рассказывающий о традиционном расположении приобретенных предметов).

Предметы, несущие сопутствующую информацию и не представляющие ценности в качестве музейных предметов, пополняют фонд научно-вспомогательных материалов. (Со временем может выявиться самостоятельное музейное значение некоторых научно-вспомогательных материалов, тогда они переводятся в фонд музейных предметов). В практике советских музеев фонд научно-вспомогательных материалов формируется отдельно от научно-справочных материалов — картотек, путеводителей по фондовым отделам, которые создаются сотрудниками музея.

Часть сопутствующей информации поступает в устной форме (сведения от владельцев, очевидцев, потомков) и без промедления фиксируется письменно в документах особой формы, выработанной музейной практикой (запись рассказа участника событий, легенда о предмете, коллекционная опись и др.).

Вся информация предметов и о предметах, полученная извне или добытая в ходе музейных исследований, находит отражение в специальной внутримузеевской учётно-хранительской и научной документации. Музейный предмет как документ эпохи и относящиеся к нему внутримузеевские документы (научные карточки, записи в различных инвентарных книгах, научные паспорта и др.) представляют два уровня документационной деятельности музея, необходимые ему для выполнения своих задач и неотделимые друг от друга.

Деятельность музея по документированию развития общества выливается не просто в накопление суммы музейных предметов; она ведет к созданию системы научно организованных коллекций. Формирование такой системы не относится непосредственно к комплектованию фондов, в основном оно входит в задачу внутрифондовой работы.

Комплектование фондов вместе с внутрифондовой работой по определению, классификации, систематизации и интерпретации музейных предметов объединяется понятием музейного коллекционирования. Его сущность состоит в выявлении и фиксации музейной ценности предметов, определяемой на основе современных знаний

и ценностных представлений, т. е. в тезаврировании⁴³ (⁴³ Тезаврирование — накопление (в т. ч. и золота как сокровища).) музейных предметов.

Подытоживая сказанное, можно дать следующее краткое определение понятия «комплектование фондов».

Комплектование фондов — один из основных видов деятельности музея, важнейшее звено в процессе документирования развития общества. Оно осуществляется путем приобретения предметов реальной действительности, относящихся к прошлому и настоящему, превращения их в музейные предметы, документы своего времени, памятники, предназначенные для вечного хранения. Параллельно с комплектованием фонда музейных предметов, являющегося собранием музейных источников, несут в себе дополнительную информацию о музейных предметах, необходимую для их изучения и истолкования.

Организация работы по комплектованию фондов. Процесс комплектования фондов. Комплектование фондов в своей общей направленности и в определении задач опирается на концептуальные и научные позиции музея, обусловленные его местом в системе научных и культурно-образовательных учреждений. Это находит отражение в общей концепции комплектования фондов каждого музея.

Комплектование фондов музеев исторического профиля осуществляется музеологами, специалистами в области истории, археологии, этнографии, истории материальной культуры и ряда других отраслевых и вспомогательных исторических дисциплин, а также смежных научных дисциплин — искусствоведения, литературоведения, социологии и других.

Сам процесс комплектования можно расчленить на ряд этапов, последовательность которых может варьироваться:

- 1) выделение интересующих музей исторических фактов или фактов современной жизни;
- 2) определение объектов действительности в качестве объектов музейного изучения с целью комплектования фондов;
- 3) выявление предметов музейного значения;
- 4) окончательная экспертиза предметов музейного значения;
- 5) их приобретение музеем и превращение в музейные предметы.

Выявление музейной ценности предмета начинается ещё в процессе его извлечения из среды, в которой он находится. Но для окончательного решения вопроса о музейном значении предмета, о его включении в музейное собрание нужна коллективная экспертиза. Наиболее полно такая экспертиза может осуществляться специальным органом (фондово-закупочная комиссия), имеющим право решать вопрос о придании предмету статуса музейного предмета, о расходовании денежных средств на его приобретение. Коллектив экспертов, решающих эти вопросы, обычно включает специалистов разных профилей, фондовиков и экспозиционеров.

Протоколально зафиксированное мнение экспертов служит юридическим основанием для внесения предмета в Книгу поступлений музея, знаменующего собой превращение предмета музейного значения в музейный предмет.

Комплектование фондов музеев исторического профиля охватывает разные пласты времени, в которых возникали, бытовали, хранились предметы.

Источники комплектования фондов и его организационные формы весьма разнообразны: от случайных поступлений до направленных розысков и планомерных исследований, проводимых музеем. Сложившиеся формы, каждая по-своему, интересны и важны в решении задач документирования общественного развития.

Случайные находки (при сносе здания, во время земляных работ), стихийный приток предметов от населения — это проявление участия широких слоев общества в музейном документировании социальной действительности. Оно подготовлено ростом общей культуры населения, развитием музейного сознания. Немаловажно целенаправленное

использование средств массовой информации для пропаганды деятельности музеев, для прямых обращений к населению с просьбами о передаче в их фонды интересующих материалов.

В ходе комплектования у музея складывается сеть постоянных и временных связей с учреждениями и лицами, реальными или потенциальными поставщиками музейных предметов. Эти связи формируются по инициативе музейных специалистов, фондовиков и экспозиционеров и отражают поиски путей документирования общественного развития, опирающиеся на собственные наблюдения музея.

Музеи связаны с коллекционерами и владельцами отдельных предметов, с научными учреждениями, ведущими комплектование научных коллекций, но не хранящими их (таковы археологические и этнографические кафедры исторических факультетов, исследовательские институты ряда гуманитарных профилей); с мастерами прикладного искусства, художниками, фотографами и другими творческими работниками; с издательствами, книжными палатами, монетными дворами, предприятиями, проектирующими и выпускающими предметы народного потребления; с букинистическими и комиссионными магазинами и так далее.

В результате в музей поступают за плату или в дар, иногда по завещанию, коллекции частных лиц: произведения искусства, нумизматика, старинная мебель, одежда, домашняя утварь, негативы, хранящиеся в семьях известных фотографов, и многие другие предметы, имеющие историческую и художественную ценность.

Особое значение имеют регулярные связи музея: поступления из постоянных источников лежат в основе коллекций плакатов, современных нумизматических материалов, некоторых видов промышленных изделий. Таковы, например, создаваемые рядом музеев коллекции первых образцов тканей, изготовленных из новых материалов (цель таких коллекций — отразить быструю смену видов сырья как одну из сторон технического прогресса).

Развивая свои связи в контактах с живой действительностью, музеи выполняют возложенные на них системой охраны памятников истории и культуры обязанности по выявлению предметов музейного значения, находящихся у организаций и частных лиц.

Областью наиболее интенсивной разработки и применения научных методов документирования действительности являются специальные полевые исследования с целью комплектования фондов. Эти исследования, ведутся методом непосредственных наблюдений, на основе которых происходит выявление и отбор предметов музейного значения.

Программа полевых исследований каждого музея отражает его конкретную специализацию, особенности складывания его собрания. Полевые исследования музея могут относиться как к прошлому, так и к современной действительности.

В основе накопления важнейших и традиционных для музеев исторического профиля вещевых коллекций лежат полевые исследования по археологии и этнографии, по истории материальной культуры; последние имеют ряд направлений, связанных с изучением техники производства, центров художественных промыслов и художественной промышленности, форм быта.

Другой формой актуального документирования является комплектование в момент интересующего музей события или по свежим следам событий. В этих случаях, как правило, происходит не только отбор предметов музейного значения, но и создание современных документальных материалов.

Планирование комплектования фондов. Планы комплектования фондов исходят из научной концепции комплектования и согласуются с конкретными задачами, возникающими в ходе источниковедческих исследований, работы с коллекциями музейных предметов, а также в связи с созданием экспозиций и выставок. Они отражают нацеленность музея на приобретение предметов эпох, ушедших в историю, проведение

полевых исследований по археологии, этнографии, истории материальной культуры, истории революционных преобразований, на активное документирование современности.

Общемузейные планы комплектования фондов складываются из плановых заявок фондовиков и экспозиционеров, которые предварительно согласовываются между собой с целью концентрации усилий вокруг решения наиболее актуальных задач комплектования, конкретных вопросов, не терпящих отлагательств.

Перспективный план охватывает тематическое и систематическое комплектование. Он фиксирует в определенной последовательности организацию поступлений из постоянных источников, перспективы реализации связей с авторами и владельцами интересующих музей предметов, тематику и географию музейных полевых исследований; принципиально предусматриваются и актуальные сборы по современности. Его разработка представляет не только организационную, но также исследовательскую музееведческую задачу, поэтому он утверждается Учёным советом музея.

Перспективный план лежит в основе составления годовых планов комплектования фондов, которые содержат конкретную разработку заданий перспективного плана на данный год с учётом рабочего времени, имеющихся в распоряжении музея средств, наличия необходимых специалистов. Годовые планы обсуждаются и принимаются коллективом в составе общего годового плана работы музея.

Учёт музейных фондов и их научная документация. Важно различать понятие документирования объективных процессов развития природы и общества посредством музейных предметов и понятие документации, складывающейся в процессе изучения, комплектования, юридической и физической охраны, экспонирования, пропаганды музейных предметов и относящихся к ним научно-вспомогательных материалов. В лекции речь пойдет о документации, образующейся в процессе фондовой работы.

Фонды музеев — ценнейшее общенародное достояние. Необходима **юридическая охрана фондов каждого музея**. Она предусматривает:

- закрепление принадлежности предметов данному музею или собственнику и гарантирование его прав на них;
- оформление юридического положения предмета в фондах музея: его принадлежности к музейным предметам или научно-вспомогательным материалам;
- закрепление предметов за определенными научными сотрудниками музея — материально ответственными хранителями;
- оформление предметов, не включаемых в фонды данного музея, а находящихся в нем на временном хранении;
- оформление перемещения предметов внутри музея и вне его;
- контроль за наличием принадлежащих музею предметов и оформление изменений, происходящих в их наличии и сохранности;
- возможность быстрого получения сведений о наличии и местонахождении предмета;
- ответственность музея, фондовых подразделений, хранителей за принадлежащие музею предметы и предметы, находящиеся в нем на временном хранении, определяемая нормативными документами страны;
- соблюдение правил использования музейных фондов, предусмотренных нормативными документами страны.

Юридическая охрана музейных фондов осуществляется при посредстве разнообразных, специально создаваемых для этого документов. Большинство из них имеют юридическую силу. В музеях РФ основными юридическими документами являются акты приема, акты выдачи, книги поступлений, книги научной инвентаризации — научные инвентари. Документы, имеющие юридическую силу, подлежат регистрации и вечному хранению. Ряд документов, относящихся к юридической охране музейных фондов, юридической силы не имеют: таковы, например, учётные, топографические картотеки.

Юридическая охрана музейных фондов невозможна без изучения музейных предметов. Научные данные о предмете (результаты его определения) фиксируются в юридических

документах в целях идентификации предмета (его «опознания»), а также в целях закрепления этих данных и охраны права музея на них.

Направление фондовой работы, целью которого является юридическая охрана музейных фондов и права музея на полученные в результате изучения предметов научные данные о них, называется учётом музейных фондов, а складывающаяся в процессе учёта музейных фондов документация — учётной документацией.

Учётная документация составляется по установленным формам, содержит данные об отдельных предметах, порядке поступления предметов в музей и в фондовые подразделения (акты приема отдельных предметов, книги поступлений, научные инвентари, учётные картотеки, карточки научного описания), о группах предметов, объединенных общностью происхождения, принадлежности, местонахождения (акты приема комплексов предметов, коллекционные и полевые описи, групповые записи в книгах поступлений).

При закреплении предметов за конкретным фондовым подразделением осуществляется начальный этап систематизации фондов.

В силу своей научной основы учётная документация, служа делу юридической охраны фондов, используется и в исследовательской работе.

Учёт фондов, начинающийся на стадии их комплектования, — процесс непрерывающийся: фонды музея постоянно пополняются, происходит их движение, осуществляется контроль за наличием и состоянием предметов.

Задачи учёта фондов позволяют рассматривать его как одно из важнейших условий выполнения музеем его социальных функций.

Организация, методика проведения учёта фондов, техническое оснащение этой работы определяются инструкциями, действующими в той или иной стране, сложившимися в области музейного дела традициями, и, как правило, имеют различия.

Понятие «фондовая документация» шире понятия «учётная документация». Фондовая документация, помимо учётной, включает документы, образующиеся при классификации и систематизации фондов, а также в процессе их физической охраны. Эта документация для:

- закрепления взаимосвязей предметов;
- использования её как инструмента изучения фондов;
- использования её при исследованиях в области профильной дисциплины, а также смежных дисциплин;
- обеспечения быстрого и точного поиска предметов, обладающих теми или иными признаками;
- выявления имеющихся в фондах пробелов с целью их заполнения при комплектовании фондов;
- фиксации процессов и результатов физической охраны фондов (прежде всего консервации и реставрации музейных предметов).

Документация, создаваемая в целях учёта фондов, их классификации и систематизации, при проведении консервационных и реставрационных работ, теснейшим образом взаимосвязана. Например, карточки научного описания музейных предметов, создающиеся в процессе их определения и содержащие наиболее полные (на конкретный момент) знания о предметах, важны для юридической охраны фондов. Одновременно эти же карточки дают наиболее полный материал для систематизации фондов. Они же помогают в работе реставраторам. Документы, содержащие сведения о результатах реставрации, могут дать основания для дополнений, уточнений, исправлений в карточке научного описания музейного предмета.

Система фондовой документации — это взаимосвязанная совокупность документов, составляемых по установленным формам в процессе учёта фондов, их классификации и систематизации, физической охраны, необходимая для выполнения музеем его социальных функций.

Фонды музея — система живая, растущая, меняющаяся, поэтому документационная работа в целом, как и учёт фондов, — процесс непрерывающийся. Успех её зависит от ряда условий:

- уровня научных знаний сотрудников, составляющих документацию, в области музеологии, музейного источниковедения, истории и вспомогательных исторических дисциплин;

- уровня знаний сотрудников о собрании своего музея и собраниях других музеев (прежде всего музеев исторического профиля);

- наличия и качества общегосударственных инструктивных материалов по учёту и хранению фондов и составлению фондовой документации, а также внутримузейных инструктивных материалов, детализирующих общегосударственные инструкции в соответствии со спецификой конкретного музея;

- степени осведомленности сотрудников музея с содержанием общегосударственных и внутримузейных инструктивных материалов;

- четкости административной организации работы;

- наличия необходимого для составления и хранения фондовой документации оснащения (бланков актов, описей, каталожных карточек, книг поступлений, научных инвентарей, картотечных шкафов, сейфов и т. д.).

Система фондовой документации фиксирует и передает информацию о самих фондах, процессах и явлениях, документируемых музейными предметами. Следовательно, она представляет собой информационную систему. К фондовой информационной системе помимо собственно фондовой документации относятся монографические исследования отдельных музейных предметов и их групп (в форме статей и монографий), исследования в области профильной дисциплины, созданные на основе музейных предметов.

В фондовой информационной системе особенно важна роль документации, образующейся в процессе классификации и систематизации фондов (классификационные схемы, системы каталогов, указателей). Эта документация дает наиболее концентрированную и разностороннюю информацию, удобна для использования.

При решении трудной и насущной для каждой страны проблемы создания общегосударственной музейной информационной системы важен вопрос о создании сводных каталогов Государственного музейного фонда.

Фондовая информационная система широко используется музеем, в котором она складывается. Она дает сведения, необходимые для практического осуществления каждого направления фондовой работы. Фондовая информационная система позволяет осуществить на основе реальных данных планирование и управление фондовой работой. Она представляет возможность сделать анализ самого предмета документации — музейных фондов, их состояния на настоящий момент, определить целесообразность и направления их расширения, выявить, в каких направлениях фондовая работа должна проводиться с большей интенсивностью, рассчитать примерные затраты времени и материальных средств.

Это важно не только для каждого, отдельно взятого музея, но и для управления музейной сетью в целом, осуществляемого вышестоящими организациями.

В экспозиционной и выставочной деятельности музей использует фондовую информационную систему при отборе предметов для экспонирования, создания тематико-экспозиционных комплексов, составлении этикетажа.

В культурно-образовательной деятельности фондовая информационная система помогает в отборе и интерпретации предметов при подготовке экскурсий, лекций, занятий с кружками и так далее.

На фондовую информационную систему опираются проводимые музеем исследования в области музейного источниковедения, истории музейного дела (например, истории формирования музейных собраний), собственно истории, вспомогательных исторических дисциплин.

Аспекты использования фондовой информационной системы другими музеями разнообразны: она используется в практической работе по изучению музейных предметов (например, при отборе родственных предметов для проведения сравнительного анализа), при знакомстве с опытом в области методики фондовой работы, в практике комплектования фондов (например, облегчает выявление предметов, которые можно приобрести в порядке обмена).

Использование музейных фондов как источников базы профильной дисциплины определяет значение фондовой информационной системы для научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений исторического профиля.

Поскольку информация, содержащаяся в музейных предметах, многогранна, то фондовая информационная система музеев исторического профиля нужна также исследователям других специальностей: искусствоведам, филологам, географам, специалистам в области технических наук, медицины. К фондовой информационной системе обращаются и работники промышленных предприятий, знакомящиеся с историей технологии производства. Наконец, в фондовой информационной системе нуждаются представители разнообразных творческих профессий: художники, архитекторы, писатели, режиссеры, актеры. Эффективность использования информационной системы в значительной мере определяется её качеством.

Создание фондовой информационной системы — процесс сложный, длительный, непрерывный. Существующие в современных музеях исторического профиля информационные системы пока далеки от совершенства и нуждаются в модификации. Наиболее эффективный путь их модификации — создание автоматизированных систем (АСУ-Музей — 1; 2) и других.

Понятие «хранение музейных фондов». Все предметы, в том числе и входящие в фонды музеев, подвержены физико-механическим и химическим изменениям — естественному старению. Это происходит в результате воздействия на них воздуха и света. Предметы могут подвергаться повреждению биологическими вредителями — насекомыми, микроорганизмами, грызунами, могут получить механические повреждения.

Влияние всех этих факторов теснейшим образом взаимосвязано. Определенные сочетания уровней температуры и влажности замедляют или ускоряют процессы естественного старения. Повышенная влажность воздуха при наличии газовых засорителей приводит к образованию вредно действующих химических соединений. Пылевые засорители при повышенной влажности воздуха создают особо благоприятную среду для грибковых поражений. Повышенная влажность воздуха особенно губительно сказывается на ряде предметов при активном воздействии света. При этом возрастает опасность нанесения механических повреждений.

Для того чтобы ослабить воздействие на предметы неблагоприятных факторов, в музее устанавливают определенный режим хранения. Он складывается из совокупности температурно-влажностного режима, мероприятий по защите от загрязнителей воздуха, биологических, механических повреждений, мероприятий по предупреждению аварий, а также мероприятий, связанных с защитой фондов в других экстремальных ситуациях.

Предметы, входящие в фонды музея исторического профиля, очень разнообразны. Важно разместить их в фондохранилище, в оборудовании (магазинировать) таким образом, чтобы это, с одной стороны, удовлетворяло требованиям правильного режима хранения, с другой — обеспечивало возможность и удобство использования каждого из предметов. Обе эти задачи решает система хранения фондов.

Направление фондовой работы, осуществляемое на основе режима и системы хранения, называется хранением музейных фондов. Целью его является обеспечение физической сохранности фондов и доступности входящих в них предметов для использования.

Хранение музейных фондов осуществляется на всем протяжении существования предметов в музее: в фондохранилище, в экспозиции, во время всякого рода перемещений.

Принципиальные положения, касающиеся организации хранения музейных фондов, содержат соответствующие общегосударственные нормативные документы. Соблюдение этих положений обязательно для всех музеев страны. Однако фонды каждого музея имеют свою, влияющую на организацию хранения, специфику. Она проявляется в содержании, составе, структуре фондов, в количестве и сохранности предметов. Свои особенности имеет каждое музейное здание, каждое фондохранилище. Поэтому в дополнение к основным нормативным документам в музеях создаются внутренние инструкции по хранению фондов.

Режим хранения фондов. Важно создать и поддерживать в помещениях, где хранятся или экспонируются музейные предметы и научно-вспомогательные материалы, такую температуру и влажность, которые бы максимально задерживали их естественное старение.

Уровни температуры и влажности оказывают на процесс естественного старения предмета самое активное воздействие. Характер и сила этого воздействия зависят от материала, из которого сделан предмет, от его устройства, сохранности, среды, в которой он находился до того, как попал в музей.

Нет возможности (да и не имеет смысла) приводить все правила хранения музейных предметов, для этого существует специальная литература (в том числе и нормативные акты), которую привлекают сотрудники, непосредственно занятые хранением. Перечислим пока лишь то, с чем в музеях приходится сталкиваться наиболее часто.

Итак, предметы из органических гигроскопических материалов (дерева, тканей, кожи, бумаги и пр.), сильно страдают и при повышенной и при пониженной влажности. При пониженной влажности эти материалы сжимаются, появляются трещины, снижается прочность, предмет деформируется. При повышенной влажности эти материалы легко разбухают, нарушается сцепление между волокнами, активизируются химические изменения, предмет также деформируется. В ряде случаев повышенная влажность может привести к быстрой гибели предмета. Например, в результате изменений объема холста могут осыпаться грунт и красочный слой произведения масляной живописи.

На процесс старения музейных предметов значительное влияние оказывают имеющиеся в воздухе примеси, поэтому необходима защита от загрязнителей воздуха.

Световой режим в музее направлен на регулирование доступа световых лучей к предметам.

Следует уделять должное внимание биологическому режиму (музейные предметы часто разрушаются биологическими вредителями).

Весьма важный вопрос — защита от механических повреждений.

Защита фондов в экстремальных ситуациях — особая группа специальных знаний, которыми должен обладать сотрудник, связанный с хранением.

Система хранения музейных фондов зависит от физико-химических свойств предметов, типов источников, количества, размеров предметов, расположения, технического оснащения помещений фондохранилища, его оборудования.

Условия, необходимые для сохранения фондов, с наибольшим успехом могут быть созданы при отдельной системе хранения. Она предполагает размещение в одном, изолированном помещении предметов из однородного материала или из материалов очень близких по режиму хранения.

При комплексной системе хранения в одном помещении размещаются предметы из разных материалов. Тогда при установлении режима хранения придерживаются усредненных показателей. К комплексной системе хранения музеи вынуждены прибегать из-за недостатка площадей, отводимых под фондохранилища, отсутствия в нем изоли-

рованных помещений, а также в том случае, когда музей имеет очень небольшое собрание.

Продолжая начатый нами перечень, заметим, что распределение предметов внутри этих систем обычно производится по типам источников, а затем — по материалам, назначению, содержанию.

В музеях исторического профиля это обычно совпадает с основными структурными делениями фондов и облегчает задачу изучения фондов, так как группирует предметы, нуждающиеся в сопоставлении.

Однако задача обеспечения сохранности предметов всегда ставится здесь на первое место. Поэтому дальнейшее размещение предметов может вестись на основании их группировки не по основным признакам, а по размерам или по инвентарным номерам (последнее облегчает процесс сверки наличия фондов с учётной документацией).

Размещение предметов внутри оборудования (в шкафах, на стеллажах и пр.) может быть попредметным и групповым. Одни предметы хранятся как обособленные единицы, другие объединяются в комплексы — нашиваются на планшеты, формируются в папки. К оборудованию — щитам, стеллажам и шкафам — прикрепляются топографические описи.

Археологические памятники объединяются в отдельную группу хранения.

В ряду прочих вещественных источников, как правило, ткани, мех, кожа и изделия из них, составляют одну группу хранения, которая, в свою очередь, подразделяется на подгруппы.

Ткани, вышивки, кружево хранятся в горизонтальном положении, по размерам, в шкафах с выдвигаемыми ящиками-лотками и перекладываются микалентной бумагой или хлопчатобумажной тканью. При хранении небольших фрагментов возможно размещение тканей на выдвижных вертикальных планшетах. Ткани из шерсти, шелка, льна, хлопка, синтетических волокон размещаются в разных шкафах.

В горизонтальном положении в ящиках-лотках хранят также изделия, имеющие жемчужное, золотое, серебряное шитье, полотнища знамен.

Одежду, по мере возможности, группируют по материалу, из которого она сшита, надевают на плечики с мягкими прокладками и хранят в вертикальном положении в шкафах. Плоские предметы из кожи или меха хранят отдельно в горизонтальном положении в ящиках-лотках аналогично тканям, а одежду из кожи размещают аналогично одежде из тканей.

Головные уборы надевают на болванки или заполняют микалентной бумагой, помещают в футляры, а затем в шкафы. Обувь хранится в шкафах, надетая на колодки или набитая мягкой бумагой.

Знамена наматывают на древко, помещают в чехлы и хранят в стойках в вертикальном положении.

Ковры, шпалеры наворачивают на вал лицевой стороной внутрь, помещают в чехлы и хранят в горизонтальном положении.

Предметы из кости могут составлять особую группу вещественных источников. Необходимо их размещение на расстоянии друг от друга в застекленных шкафах.

В группе хранения предметов из дерева объединяются предметы разного назначения и очень разных размеров. С одной стороны, это детали архитектурных сооружений, водных средств передвижения, сухопутные средства передвижения (возки, кареты, сани), орудия труда, мебель. С другой — разнообразная домашняя утварь, включающая нередко очень мелкие предметы. В группу хранения предметов из дерева обычно включают и изделия из соломы и папье-маше. В неё же, как правило, входит и деревянная скульптура, относящаяся по структуре фондов к изобразительным источникам.

Фрагменты архитектурных сооружений развешивают на специально оборудованных стендах. Средства передвижения устанавливаются на колодках. Мебель, крупногабаритную скульптуру размещают на стеллажах. Небольшие предметы —

домашнюю утварь, игрушки, мелкую скульптуру хранят в шкафах расставленными по назначению и размерам. Предметы на стендах, стеллажах, в шкафах не должны касаться друг друга.

В группе предметов из керамики и стекла выделяют подгруппы керамики и стекла. Далее предметы группируют и хранят по назначению — посуду, изразцы, осветительные приборы, керамику технического назначения, техническое и лабораторное стекло. К этой же хранительской группе относится и скульптура из керамики. Предметы каждой из групп расставляют с учётом материала, из которого они сделаны. Например, группируют посуду из фарфора, фаянса, майолики. В группе предметов из стекла выделяют цветное стекло.

Стеклянные и керамические предметы хранят преимущественно в шкафах. Их размещают на полках, на расстоянии друг от друга, с учетом нагрузки на полку. Плоские предметы из керамики, например тарелки, закрепляют в вертикальном положении в специальных подставках. При горизонтальном хранении в стопку можно помещать не более шести предметов, переложенных тканью или мягкой бумагой.

Крупные декоративные вазы, скульптуры размещают на стеллажах или на подставках. Подвесные осветительные приборы укрепляют на штангах. Крупные предметы из бисквита (фарфора, не покрытого глазурью) покрывают колпаками или чехлами.

Из группы металлов выделяют предметы из драгоценных металлов, которые хранятся вместе с драгоценными камнями, нумизматику, оружие, требующие особых условий хранения в изолированных, специально оборудованных помещениях или сейфах. В больших музеях они составляют самостоятельные хранительские группы.

Предметы из драгоценных металлов размещают в шкафах, на полках и в ящиках-лотках или в сейфах по материалам — платина, золото, серебро. Мелкие предметы помещают в футляры или нашивают на планшеты.

Нумизматические материалы — монеты, ордена, медали, значки, жетоны, плакетки и прочее — также хранятся в шкафах с ящиками-лотками, в которых размещаются коробки без крышек с вложенными в них предметами. Нумизматические предметы можно хранить и вертикально, в конвертах из плотной бумаги, поставленных в ящики.

Оружие хранится на подставках, стеллажах, в шкафах. Пушки, пулеметы и другие крупногабаритные предметы обычно размещают на подставках. Доспехи размещаются на стеллажах или в больших шкафах. Ружья, винтовки, а также короткоствольное огнестрельное оружие помещают в шкафы, оборудованные специальными рейками-держателями. Короткоствольное огнестрельное оружие можно размещать и в шкафах с ящиками-лотками. Алебарды, бердыши, пики и прочее устанавливаются вертикально в специальных подставках и хранятся либо в открытом виде, либо в шкафах. Холодное клинковое оружие хранят в шкафах в горизонтальном положении или подвешивают к специальным приспособлениям.

Прочие предметы из металла группируются по материалу (чугун — железо — сталь, медь — бронза, свинец, олово и пр.) и по назначению. Крупногабаритные предметы, например станки, хранят на подставках, предметы среднего размера — на стеллажах или в шкафах. Мелкие предметы размещаются в ящиках-лотках. Их укладывают в коробки, футляры, нашивают на планшеты. Подвесные осветительные приборы укрепляют на штангах. Особенно бережного размещения требуют точные приборы с их легко повреждаемыми механизмами и устройствами (примером могут служить оптические приборы).

В группе металлов целесообразно хранить скульптуру из металла, относящуюся к изобразительным источникам.

Надо отметить: очень чувствительны к условиям хранения предметы из свинца. Их нельзя размещать в шкафах из древесной плиты и некоторых пород дерева (хвойные породы, дуб).

Коллекции предметов из синтетических материалов — образцы деталей машин и механизмов, строительных материалов, предметы быта, образующие самостоятельную группу, — хранятся они в шкафах.

Изобразительные источники разделяются на группы хранения живописи, скульптуры, графики, фотографии. В особую группу целесообразно выделить картографические материалы.

Картины размещают на стенах фондохранилища, на щитах или на стеллажах. Щиты могут быть неподвижными (это предпочтительнее) и выдвижными. Стеллажи должны иметь решетчатые полки (для циркуляции воздуха) и ячейки для каждой картины. Размещение картин на стенах, щитах, стеллажах может соответствовать структуре собрания или осуществляться по размерам, инвентарным номерам. Укрепляются они на стенах при помощи металлических штанг и шнуров.

Темперная и клеевая живопись сохраняется только застекленной.

Картины без подрамников накатывают лицевой стороной вверх на валы диаметром от 50 — 70 см, с кружалами. Осуществляют это реставраторы. На одном валу может храниться не более 10 картин небольшого размера и не более 2 — 3 картин большого размера.

В штабелях картины хранят только временно. Устанавливают штабель на брусках, в 15 см от пола. Картины подбирают по размерам и устанавливают парами — лицом к лицу и оборот к обороту.

Скульптуру из мрамора, известняка, гипса большого и среднего размера размещают на подставках и стеллажах в чехлах из микалентной бумаги или ткани, а небольшую и мелкую скульптуру — в шкафах.

Незакрепленные рисунки, которые выполнены мягким карандашом, углем и пастелью, хранят только застекленными. Эти рисунки, а также окантованные акварели, гравюры, литографии размещают вертикально в шкафах, оборудованных ячейками. При размещении предметов придерживаются структуры собрания или делают расстановку по размеру, номерам. По тем же принципам размещают альбомы с акварелями, рисунками, гравюрами, литографиями.

Листы с акварельными и карандашными рисунками, гравюрами, литографиями хранят отдельно в папках, содержащих до 30 листов в двойных паспарту, сделанных по размерам папки. При формировании папок для удобства использования коллекции целесообразно придерживаться структуры собрания. Внутри папки листы складываются в порядке инвентарных номеров. Если листы не имеют паспарту, то папки формируются строго по размерам листов. Папки хранятся горизонтально в шкафах с выдвижными полками.

Атласы хранятся в шкафах на полках, карты и планы — в папках, так же как и прочая графика. Карты большого размера, наклеенные на марлю или ткань, наматываются лицевой стороной вверх на валы или картонные трубки, оклеенные бумагой без лигнина; их размещают в чехлах в горизонтальном положении на подставках или в специальных шкафах. Глобусы помещают в шкафы или на стеллажи в коробках. Глобусы большого размера устанавливают на подставки и покрывают чехлами из микалентной бумаги и ткани.

Дагерротипы, фотонегативы, фотопозитивы подлежат хранению отдельно. Дагерротипы помещают в шкафы с ячейками для каждого предмета. Негативы в индивидуальных конвертах ставятся строго по размерам в коробки и хранятся в шкафах в вертикальном положении. Позитивы на твердых паспарту также размещают вертикально в конвертах и коробках. Позитивы, не имеющие паспарту, хранят горизонтально в конвертах или пакетах из-под фотобумаги, в папках, в шкафах. Альбомы с позитивами помещают вертикально в шкафы.

Письменные источники размещают в папках, коробках, ящиках, образующих единицы хранения. Документы в свитках кладут в развернутом виде в папках или наворачивают на

валики и помещают в круглые футляры. Папки, коробки, футляры, ящики размещают в шкафах в соответствии с принадлежностью хранящихся в них материалов к определенному фонду. Рукописные, старопечатные, редкие книги хранят в шкафах отдельно.

Магнитные записи размещают в деревянном оборудовании вертикально, в стандартных коробках. Раз в полгода ленты перематывают для снятия внутреннего напряжения. Грампластинки помещают в индивидуальные конверты и ставят в ячейки шкафов в вертикальном положении. Размещение целесообразно проводить в соответствии со структурой собрания или по инвентарным номерам.

Кинодокументы должны храниться в стандартных коробках. Размещение их также проводится либо в соответствии со структурой собрания, либо по инвентарным номерам.

Оборудование фондохранилища должно отвечать определенным требованиям: максимальной сохранности предметов, позволять максимально использовать площадь фондохранилища, должно быть удобным для работы с хранящимися предметами.

4.4. Культурно-образовательная работа в музее

*Понятие и базовые формы культурно-образовательной деятельности.
Экскурсия как форма культурно-образовательной
деятельности музея. Специфика музейной экскурсии. Классификация
экскурсий.
Музейная педагогика*

Понятие и базовые формы культурно-образовательной деятельности. Понятие «культурно-образовательная деятельность» получило распространение в отечественном музееведении с начала 1990-х гг., и его активное использование было вызвано появлением новых подходов в работе с музейными посетителями. На рубеже 1950-х — 1960-х гг. к советским музеям стал постепенно возвращаться утраченный в 1930-е гг. статус научных учреждений. Эти изменения отразились в терминологии, обозначающей одно из важнейших направлений музейной деятельности: вместо понятия «просветительная работа» стал употребляться термин «научно-просветительная работа». Его содержательная сторона означала, что свою образовательно-воспитательную функцию музей осуществляет на основе научных исследований, что теперь он распространяет знания, в основе которых лежит музейный предмет.

Но, несмотря на активизацию научной деятельности, музей продолжал оставаться идеологическим учреждением, строившим свою работу в соответствии с директивными указаниями руководящих органов и постановлениями ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» (1964) и «О повышении идейно-воспитательной работы музеев» (1982). Вплоть до конца 1980-х гг. научно-просветительная работа должна была проводиться в соответствии с так называемыми «ленинскими принципами коммунистической пропаганды». Ее основными задачами являлись «распространение марксистско-ленинской идеологии и формирование коммунистического мировоззрения, воспитание коммунистического отношения к труду, пропаганда идей интернационализма и патриотизма, формирование нравственных качеств личности, эстетическая пропаганда, борьба против буржуазной и ревизионистской идеологии»⁴⁴. (44 Юренева Т. Ю. Музееведение: Учебник для высшей школы. — М.: Академический проект. 2003. — 560 с.)

Вместе с «перестройкой» и сменой идеологических парадигм из музейной лексики, касающейся научно-просветительной работы, постепенно исчезли такие термины, как «пропаганда», «массовость», «идейное воспитание». Музей стал рассматриваться как средство уже не «эстетической пропаганды», а развития эстетического вкуса и творческого воображения, как средство формирования не «коммунистического

мировоззрения», а ценностного отношения к историко-культурному наследию. Стала завоевывать прочные позиции новая концепция образовательной деятельности, которая к тому времени уже получила широкое распространение в зарубежной музейной практике и основывалась на представлении о музее как коммуникационной системе. Согласно этой концепции, задачи музея не сводятся лишь к передаче информации о том или ином явлении и процессе; он должен обращаться и к внутреннему миру посетителя, воздействовать на его чувственно-эмоциональную сферу.

С отказом от прежней жесткого идеологического регламентирования основных направлений культурно-образовательной деятельности изменился и характер взаимоотношений между музеем и посетителем. Суть музейно-образовательного процесса представляется теперь иной: посетитель воспринимается уже не как объект воспитательного воздействия, а как равноправный собеседник, следовательно, общение музея с аудиторией постепенно приобретает форму диалога.

В связи с новым пониманием сути взаимоотношений музея и посетителя возник термин «культурно-образовательная деятельность», подразумевающий научное образование в пространстве культуры. При этом понятие «образование» трактуется широко и предполагает развитие ума и интеллекта человека, его душевных и личностных качеств, ценностных отношений к миру⁴⁵. (45 Юхневич М.Ю. Я поведу тебя в музей. — М., 2001. — С. 13.) Теоретическую и методическую основу культурно-образовательной деятельности составляет музейная педагогика; она создает новые методики и программы работы с посетителями, изучает воздействие на них различных форм музейной коммуникации.

Термин «культурно-образовательная деятельность» пришел на смену таким понятиям, как «массово-просветительная работа», «популяризация», «научная пропаганда». Что же касается понятия «научно-просветительная работа», то оно продолжает употребляться в музейной практике и в наши дни, однако в нем уже нет прежней идеологической составляющей. Вместе с тем сосуществование терминов «культурно-образовательная деятельность» и «научно-просветительная работа» в определенной степени свидетельствует об отсутствии в музейной сфере единого понимания того, ради чего музей встречается со своими посетителями.

Базовые формы появились преимущественно в период становления культурно-образовательной деятельности музея и служат основанием для создания тех форм работы, которые возникают под влиянием времени, социального заказа. Создание действительно новой формы — явление редкое. Это происходит тогда, когда меняется образовательная модель музея, а следовательно, и требования к работе с аудиторией.

К числу базовых форм относятся: экскурсия, лекция, консультация, массовые научные чтения (конференции, сессии, заседания), клуб (кружок, студия), конкурс (олимпиада, викторина), встреча с интересным человеком, концерт (литературный вечер, театрализованное представление, киносеанс), праздник, историческая игра и др.

Каждую из этих форм можно описать с помощью ряда устойчивых характеристик, часть которых считается основными, затрагивающими их сущность, а часть — дополнительными.

Основные характеристики базовых форм являются следующие альтернативные характеристики:

- традиционные — новые;
- динамичные — статичные;
- групповые — индивидуальные.

Экскурсия как одна из основных форм культурно-образовательной деятельности. С неё начиналось становление культурно-образовательной деятельности музея. Одной из главных её особенностей является динамичность, и в этом смысле экскурсия попадает в очень немногочисленную группу музейных форм, которые требуют от посетителя движения. Ведь *excursio* — поездка (*лат.*). Согласно современным представлениям, «экскурсия — коллективный осмотр музея, достопримечательного места, выставки,

объекта природы и т. д. по определенному маршруту под руководством экскурсовода с познавательными, образовательными, научными и воспитательными целями, а также для удовлетворения эстетических потребностей при использовании свободного времени»⁴⁶. (46 Словарь основных музейных терминов. Хабаровск, 2004. — С. 42.)

Экскурсии присущ ряд характерных признаков, главный из которых — приоритет зрительного восприятия, которое сопровождается необходимым словесным комментарием. Зрительное и вербальное восприятие усиливается моторным — передвижением по заданному маршруту, осмотром объекта с разных сторон, на разном расстоянии, иными словами, экскурсия предполагает двигательную активность экскурсантов. Ее характерным признаком является также коллективность осмотра, вследствие которой в группе людей, связанных совместным интересом и имеющих возможность обмена мнениями, возникает особая психологическая атмосфера, вызванная общностью переживаемых эмоций. Она способствует восприятию и усвоению увиденного и услышанного. Экскурсия проводится под руководством экскурсовода на определенную тему и по определенному маршруту, то есть она имеет организованный характер. Обладая всеми чертами, свойственными экскурсии как таковой, музейная экскурсия имеет определенную специфику: она проводится в специально организованном музейном пространстве.

Специфика музейной экскурсии. Так же, как и любой экскурсии, музейной присуща коллективность осмотра. Экскурсия объединяет, как правило, «группу ищущих знаний», представляющую собой некое социально-психологическое единство на основе общего интереса, настроая на восприятие. Сосредоточенность группы в замкнутом временном пространстве, общность переживаемых эмоций способствуют возникновению особого психологического климата, характерного для всех форм публичности. Это приближает экскурсию к театральному спектаклю или концерту, где каждый не может не ощущать себя частью единого организма. Чувства, которые возникают у экскурсантов, усиливаются коллективностью переживаний. Однако чтобы группа совершенно разных (часто — незнакомых) людей начала ощущать себя как единство, необходим экскурсовод.

Поэтому следующий признак музейной экскурсии — руководство экскурсовода, который призван помочь в обретении желаемых знаний и впечатлений. Благодаря руководителю экскурсия приобретает организованный характер, т. к. она целиком подчиняется его замыслу и воле. Организующими признаками музейной экскурсии являются её тематичность, в рамках которой осуществляется творчество экскурсовода. А также есть маршрут, по которому следует экскурсовод, раскрывая ту или иную тему.

Однако главным признаком музейной экскурсии следует признать приоритет зрительных впечатлений, живое созерцание, наблюдение. Поэтому экскурсовод уделяет преимущественное внимание показу, который сопровождается необходимыми словесными пояснениями — рассказом.

Восприятию объектов показа, в нашем случае — музейных экспонатов, способствует качество, которое определяется как мобильность: экскурсия обязательно предполагает перемещение экскурсантов и осмотр ими объектов в различных ракурсах.

Характером среды и экспонатов определяется специфика музейной экскурсии. Экскурсия в естественнонаучном музее — не та, что в художественном, экскурсия в музее-заповеднике даёт иные ощущения по сравнению с экскурсией в краеведческом. Однако качество экскурсии всюду зависит прежде всего от того, насколько экскурсовод учитывает в своей деятельности старый опыт и новые тенденции, реагируя на запросы аудитории.

В последние десятилетия, в связи с формированием коммуникативной модели музея, на экскурсию стали смотреть как на специфический вид общения. Впервые взгляд на экскурсию как особый коммуникативный процесс был обозначен ещё в 1970-е гг., но и по сей день тема «экскурсия как общение» является главной при обсуждении проблем профессионального мастерства. Современный человек жаждет не столько знаний, сколько общения. В музее возникает возможность насыщенного диалога, поскольку предмет

коммуникации — ценности культуры — принципиально одинаково значимы и для аудитории, и для того, кто принимает на себя роль руководителя, посредника. И притом всякая экскурсия есть погружение в стихию путешественности, отключение от повседневной ограниченной обстановки. В тех же случаях, когда экскурсия строится не на основе общения, а на принципах обучающей дидактики, когда экскурсовод выступает не в качестве собеседника, а поучающего ментора, человек начинает воспринимать её как мероприятие, лишённое для него интереса и смысла. Экскурсовод общается со своей аудиторией непосредственно и имеет возможность корректировать свои действия, учитывая реакцию аудитории. Это умение — чрезвычайно важный показатель мастерства экскурсовода.

Классификация экскурсий. Музейные экскурсии делятся:

— по профилю — на исторические, литературные, искусствоведческие, естественнонаучные и пр., в чем находит выражение связь с профильной дисциплиной музея;

— в зависимости от места проведения — по экспозиции, фондохранилищу, по территории. Встречаются комплексные экскурсии, в которых сочетается показ экспозиции и других частей музея, например — заповедной зоны;

— по широте охвата. Наиболее часто для характеристики экскурсий употребляются такие термины, как обзорная экскурсия (по всему музею) и тематическая (посвященная конкретной проблеме). В основу деления положены разные признаки: степень подробности показа экспозиции (полностью или частично) и тематичность. Более правильно, признав, что всякая экскурсия имеет тему говорить об экскурсии по всему музею (обзорная) или его части;

— по целевой направленности: культурно-образовательные (общеобразовательные) экскурсии и учебные, непосредственно связанные с программами различных учебных заведений. Среди последних можно выделить методические экскурсии музейведческого характера, которые знакомят с особенностями хранения фондов, построения экспозиции, ведения экскурсии и пр.;

— по составу экскурсантов: экскурсии для детской или взрослой аудитории, для местных жителей или туристов, для групп однородных или разнородных по составу (например, для родителей с детьми).

В последние годы в музеях появился новый вариант экскурсионного обслуживания — автогид. Получив наушники, посетитель музея имеет возможность прослушать индивидуальную экскурсию, но эта экскурсия — вне общения «глаза в глаза», вне коллективного переживания — в чем-то неполноценна. Экскурсия в основном удовлетворяет потребность аудитории в познании и предполагает, несмотря на естественность и необходимость использования приёмов активизации экскурсантов, пассивное поведение аудитории.

Научные чтения (конференции, сессии, заседания⁴⁷) (⁴⁷ К примеру, Научно-практические конференции Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова — «Гродековские чтения», которые проводятся с 1996 г.) относятся к числу классических, традиционных форм, возникших в период становления культурно-образовательной деятельности музея. Мы говорили о них, касаясь научной работы.

Лекция принадлежит к числу традиционных и, более того, наиболее ранних по времени возникновения форм. Во многих музеях лекции в качестве формы общения с аудиторией начали использоваться раньше, чем экскурсии (больше того, экскурсии при этом нередко назывались лекциями).

Использование музейного предмета в качестве атрибута (даже если он присутствует «незримо», становясь главным героем повествования) является важным требованием, предъявляемым к музейной лекции. Оно сформировалось еще в 1960-е гг. — в период становления информативной модели музея, когда лекции вновь приобретают актуальность в связи с ориентацией музеев на просветительство. Лекции становятся основой

«воскресных чтений», «устных журналов», «университетов культуры» и подобных, чрезвычайно распространенных в эти годы, форм, некоторые из них практически ушли из жизни современного музея. Однако лекция как базовая форма культурно-образовательной деятельности продолжает оставаться основой его репертуара. Во многих музеях работают постоянные лектории для студентов, школьников.

Другая базовая форма, также вполне традиционная для музея, — это **консультация**, практически единственная форма общения с посетителем, имеющая индивидуальный характер (консультациях в экспозиции или научных отделах музея). Эта форма никогда не имела значительного распространения, хотя и не исчезала из музея. Представляется, что она очень перспективна в связи с тенденцией увеличения в музеях индивидуальных посетителей, осматривающих экспозицию без экскурсовода. Но, к сожалению, пока консультант в залах отечественных музеев — достаточно редкое явление, тогда как в зарубежных с таким специалистом (волонтером) посетитель встречается часто.

Конкурсы, олимпиады, викторины, связанные с тематикой музея, также относятся к тем формам культурно-образовательной деятельности, которые являются средством выявления активности аудитории, объединения знатоков и приобщения их к работе музея. Эти соревнования организуются таким образом, чтобы максимально приблизить посетителей к музейным коллекциям: задания предполагают не только знание фактов, но и экспозиций, памятников, отдельных видов исторических источников. Жюри оценивает умение участников доказать свою точку зрения и вести дискуссию. Обычно подобные соревнования устраиваются для молодежной аудитории, являясь частью работы со школой. Однако возможности подобных форм этим не исчерпываются.

Большое значение в культурно-образовательной работе музея имеют формы, которые в немалой степени ориентированы на удовлетворение потребности людей в новых впечатлениях и знаниях, в развлечениях и рекреации — отдыхе, восстановлении сил. В этом отношении, безусловно, важна **встреча с интересным человеком**. Актуализация этой формы пришла на 1960-е — 1970-е годы, когда начался процесс высвобождения музея из оков политизации и, одновременно, росла посещаемость. Посетителей привлекали не только коллекции, но и возможность общения, непосредственной встречи с замечательной личностью — участником события, знатоком темы, коллекционером. Таким образом, музеи начинают обретать новое качество, становясь своеобразным клубом интересных встреч, местом интеллектуального отдыха.

Потребности людей в разумных развлечениях, в рекреации соответствуют и такие формы, как концерт, литературный вечер, театрализованное представление, кинопросмотр. Как и большинство базовых форм, они (прежде всего концерты и литературные вечера) были частью жизни музея рубежа XIX—XX веков. Однако музейное значение эти формы приобретают тогда, когда с их помощью воплощается идея синтеза предметной среды и искусства. Использование таких форм, как встречи, концерты, театрализация, киносеансы и пр. стало вызывать упреки в утрате музеем своей специфики. Думается, что это несправедливо и неверно по существу. Скорее всего, речь должна идти о более широком подходе к толкованию понятия «культурное наследие». Интерес публики и самих музеев к этим формам свидетельствовал о признании значимости непредметных форм бытования культурного наследия, к которому можно отнести и духовный опыт человека, и звучащее слово, и музыку, и кинофильм.

Подтверждением этому явилось появление новых форм, которые преимущественно опирались на непредметные формы бытования культурного наследия. Одновременно эти формы, возникшие как результат смены образовательных моделей музея, утверждения коммуникативной модели, учитывали потребность людей в рекреации, общении, в культурно насыщенном отдыхе, реализации творческой энергии, а также утверждали приоритет эмоционального воздействия музея на человека. К таким формам относится прежде всего праздник.

Термин «**праздник**» закрепляет нечто общее, что стало присуще действиям в неформальной атмосфере праздничности, с эффектом личной причастности, соучастия в происходящем благодаря театрализации, игре, непосредственному общению с «персонажами», применению особой атрибутики. Особенность праздника ещё и в том, что он как бы раздвигает границы музея, ибо духовные традиции народа, мастерство, обряды и ритуалы, национальное искусство приобретают музейное значение. Праздник служит их сохранению и возрождению. Наконец, сам факт его проведения уже представляет собой попытку вернуть к жизни традиционную форму отдыха человека: без демонстраций и трибун, с одной стороны, — или телевизора и застолья, с другой. Иными словами, благодаря музейному празднику возрождается традиция праздника как одной из форм бытования культурного наследия.

Эффект музейного праздника зависит от того, насколько удастся активизировать аудиторию, вовлечь зрителей в самодействие, разрушить границы между «зрительным залом» и «сценой». Органично это происходит во время проведения детских праздников, особенно тех, которые завершают занятия в кружках или студиях. Им предшествует большая и дружная подготовительная работа, длительное ожидание праздника — не менее волнующее, чем он сам.

К празднику как форме, удовлетворяющей потребность людей в рекреации и предполагающей активное включение аудитории в действие, очень близка **музейная игра**. Она ещё в большей степени, чем праздник, является новой для музея формой, ибо её появление всецело связано с утверждением коммуникативной модели.

Историческую игру ни в коей мере нельзя назвать экскурсией (или занятием) с использованием игровой методики, подобные которым проводились и проводятся в наших музеях, где дети не перестают ощущать себя школьниками. Особенность исторической игры в том, что она вся построена на ролевом поведении её участников, дает возможность погружения в прошлое, опыт непосредственного соприкосновения с историческими реалиями. Это делает историческую игру не похожей ни на какую-либо другую форму, что служит основанием для выделения её в качестве самостоятельной. Она столь же перспективна, сколь и сложна по исполнению, ибо требует многих компонентов: специального пространства, атрибутов (включая костюмы), хорошо подготовленного руководителя, обладающего актерскими способностями, наконец — желания и способности аудитории включиться в игру, принять её условия. (Недаром историческая игра активно и с большим эффектом используется зарубежными музеями, главным образом, в работе с детской аудиторией). И всё же есть основания полагать, что утверждение её относится к близкому будущему наших музеев.

Наряду с основными характеристиками базовых форм, могут быть выделены дополнительные. Эти характеристики не затрагивают существа форм, но являются основой для их модификации и, в конечном итоге, определяют разнообразие и актуальность репертуара культурно-образовательной деятельности, который складывается в музее на разных этапах. К дополнительным характеристикам форм культурно-образовательной деятельности музея относятся:

- простые и комплексные;
- разовые и цикловые;
- для однородной и разнородной аудитории;
- внутримузейные и немюзейные;
- коммерческие и некоммерческие.

Большинство базовых форм, за исключением праздника и исторической игры, относится к категории простых. Но различные их сочетания и комбинации открывают возможности для создания комплексных форм. К таковым, например, причисляется чрезвычайно распространенная форма, получившая наименование **тематического мероприятия**. Это, как правило, разовая акция, посвященная какой-либо конкретной теме, событию, лицу, которая может включать экскурсию и встречу с интересным человеком,

лекцию и концерт. Сейчас музеи обычно стремятся обозначить такое мероприятие привлекательным для посетителей названием (взамен прежних, идеологически выдержанных, типа «Мы выполняем заветы революционеров», «Наше социалистическое Отечество», «Два мира — две системы» и пр.).

Обычным явлением последних десятилетий стало преимущественное использование цикловых форм, которые гораздо более эффективны, т. к. дают возможность ориентироваться на постоянную аудиторию. Причём, в музейной практике наметилась тенденция строить циклы не только на основе какой-либо одной формы (экскурсионный абонемент или лекторий), но и объединять в них разные жанры.

Сейчас в музейную терминологию внедряется такое понятие, как **программа**, наиболее часто используемое зарубежными коллегами для обозначения события, которое имеет длительную временную протяжённость (до нескольких лет) и осуществляется с помощью различных форм музейной коммуникации. Все более активное употребление этого слова отечественными специалистами фиксирует тенденцию закрепления подобных сложных форм в отечественном музее. И у нас появляются досуговые программы типа «Воскресный день в музее», которые предусматривают проведение системы мероприятий для посетителей разного возраста, а также комплексные программы взаимодействия со школой, основанные на идее использования потенциала музея в учебном процессе.

Музейная педагогика. Этот термин прочно укрепился в среде специалистов в последние два десятилетия. Проблемы её обсуждаются в статьях и диссертационных исследованиях, на семинарах и конференциях, этот термин встречается в названиях музейных секторов и отделов, появились специалисты в этой области. Её значение возросло.

Музейная педагогика отнесена к научным дисциплинам «на стыке» педагогики и музеологии, — это общественно-научная специальная дисциплина, которая изучает содержание и принципы, а также методы специфического для музея процесса воспитания и образования. Ее задачи решаются на базе музейно-специфических (экспозиций, выставок) и других форм коммуникации (лекций, кружков, научно-популярных публикаций), эффективных с точки зрения педагогики, причем все это содействует многостороннему использованию музейных фондов

Элементы музейной педагогики действенны не только в музейном процессе организации экспозиции или других форм коммуникации, они пронизывают все сферы музейной деятельности. Аспекты музейной педагогики необходимо учитывать и в процессе отбора, комплектования, изучения и хранения музейных предметов в целях их возможного включения в экспозицию или использования в других видах культурно-образовательной деятельности музея.

Музейно-педагогическое исследование ставит задачу определения теоретических и методических основ культурно-образовательного процесса в музее, а также изучения возможностей применения результатов этих исследований в подготовке экспозиций и в работе с посетителями на экспозиции и в специальных музейных аудиториях. При этом учитываются результаты социологических исследований, наблюдения за поведением посетителей.

Музейная педагогика анализирует, изучает особенности различных социальных и возрастных групп посетителей в восприятии экспозиции, вырабатывает дифференцированные методы работы с ними и формы их обслуживания на экспозиции. В определенных случаях она вносит необходимые коррективы в содержание самой экспозиции.

Итак, **музейная педагогика — это научная дисциплина на стыке музеологии, педагогики и психологии, рассматривающая музей как образовательную систему.**

Понятие «образование» в контексте обсуждения проблем музейной педагогики трактуется широко: как развитие человека, образование его ума, личностных качеств, душевных свойств, ценностных отношений к миру. Иными словами, это процесс

обретения человеком своего образа, процесс, который, как подчеркивают специалисты, во многом носит стихийный характер и происходит в различных формах, в том числе — в форме приобщения к историко-культурному наследию через музей.

Областью музейной педагогики являются все виды контактов музея с аудиторией, самые различные способы обращения к человеку как участнику процесса музейной коммуникации. Музейная педагогика начинается тогда, когда возникает (или ожидается) эффект встречи музея с человеком.

В настоящее время накоплен достаточный опыт взаимодействия музея с детской аудиторией, учитывающий возрастные особенности и специфику их восприятия. Музейными педагогами скомплектованы коллекции подлинных материалов, новоделов и копий, которые позволяют использовать в занятиях интерактивные приемы. Встал вопрос о создании специализированного музейного пространства, которое позволит расширить возможности музейных педагогов в использовании инновационных методов.

Определим главные направления, по которым предстоит вести поиск новых форм взаимодействия.

1. **Адресность** музейной экспозиции и новых форм взаимодействия с детской аудиторией.

2. **Образовательный аспект.** Получение новой информации и её осмысление ребёнком происходит за счёт «погружения» в новую ситуацию, что позволит активизировать все каналы восприятия (логико-аналитический, чувственный, психомоторный).

Содержание общения ребенка с историко-культурным наследием положительно влияет на развитие его творческой, интеллектуальной деятельности. Таким образом, формируется интерес к новым знаниям, психологическая установка на расширение информационного поля.

3. **Игровой аспект.** В основу взаимодействия музея и ребенка в экспозиционной деятельности должна быть положена игра как один из важнейших видов деятельности, наиболее эффективная форма занятий с детьми. Ее значение в российском музееведении было выявлено еще в начале XX в. Основоположники — Н. Д. Бартрам, поставивший целью объединить творческую мысль ребенка с ручным трудом и создавший условия для детских игр (у него в музее стояла большая корова, подле которой часто можно было видеть маленьких девочек, «доивших» ее) и А. У. Зеленко, разработавший проект музея, где все можно «увидеть, услышать, пощупать, попробовать», и реализовавший его⁴⁸. (48 Юхнович М. Ю. Я поведу тебя в музей. — М., 2001.) Однако долгие годы эти идеи не были востребованы в краеведческих музеях, экспозиции для детей подменялись выставками игрушек за витринным стеклом экспонированием изделий детского творчества.

Новая экспозиция должна стать пространством свободы для ребенка, его игрового творчества как выражение концепции «живого музея».

4. **Предметность источниковой базы.** Использование самых разных типов музейных предметов (в том числе и подлинников), научных реконструкций, моделей, новоделов.

5. **Эффективность музейной композиции** во многом связана с ролью музейного педагога.

Он выступает в роли приветливой хозяйки или хозяина и является аниматором, приглашая ребенка к игровому занятию, приходит на помощь в затруднительной ситуации, помогает и поддерживает при необходимости. Выступает в роли рассказчика сказок, историй, может стать соучастником игры. Большое значение имеет народная одежда, в которую облачается педагог во время занятия, прическа, интонации голоса, слова, органично включаемые в воссоздаваемую на занятии обстановку.

Уходят в прошлое или качественно меняются многие формы музейной деятельности. Появление новых носителей информации — электронных, оптических и т. д. — изменило

отношение к музейному предмету, усилило значение заключенного в нем эмоционально-чувственного содержания, материальности, подлинности. Экспозиции современных музеев создаются уже не с целью «представления в музее исторического процесса как такового. Это задача историографии... Экспозиция призвана помочь ощутить аромат и вкус ушедших эпох»⁴⁹. (49 Е. Горохова. В поисках современного лица / Мир музея. — 2005. — №8 (216).) В контексте современной мировой культуры современный музей определяет себя как «объект, создающий продукт досуга». Весьма важный и весьма востребованный продукт. Тем более важен вывод, который следует из этого положения.

Музеи при всей сложности нынешнего дня сохранили многое (к сожалению, не всё) из накопленного в прошлом, обрели многое в настоящем и должны не прекращать свою работу в будущем. Это так. Но если музеи хотят *жить и работать*, а не просто выживать в непростых условиях быстротекущей реальности, привлекать и удерживать новых посетителей, — они должны быть в постоянном поиске. Им придется постоянно искать и находить пути и средства, быть конкурентоспособными в плане разнообразия своих продуктов и приближенности их к задачам сегодняшнего дня.

Список рекомендуемой литературы

Раздел 1. Музеология

1. Дукельский В. Ю. Терминологические проблемы теории музейного предмета // Музейные термины. Терминологические проблемы музееведения: Сб. науч. тр. / Центр. музей революции СССР. — М., 1986. — С. 27-35.
2. Музеология. Специальность 021000: Гос. образ. стандарт высш. проф. образования и примерные программы дисциплин высш. проф. образования (циклы общепрофессиональных дисциплин и дисциплин специализации) / Отв. ред. В. В. Минаев. М.: РГГУ, 2002. — 432 с.
3. Музееведение // БСЭ. 3-е изд. — М., 1974. Т. 17. — С. 84.
4. Музееведение. Музеи исторического профиля: Учеб. пособие для вузов по спец. «История» / Под ред. К. Г. Левыкина, В. Хербста. — М.: Высш. шк. — 1988. — 431 с.
5. Мейран П. Новая музеология // Museum. 1985. — № 148. — С. 20-21.
6. Место музееведения в системе наук // Музей и современность: сб. науч.тр. / Центр. музей революции СССР. — М., 1986. С. 43-47.
7. Музейное дело России. Под ред. Каулен М.Е. (ответст. редактор), Коссовой И.М., Сундиевой А.А. — М.: «ВК», 2003. -614 с.
8. Словарь основных музейных терминов. Сост. Рубан Н. И., Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова. — 2003. — 47 с.
9. Юренева Т.Ю. Музееведение :Учебник для высшей школы. —М.: Академический проект. 2003. — 560 с.
10. Юренева Т.Ю. Музей в мировой культуре. — М.: «Русское слово — РС», 2003. — 516 с. илл.

Раздел 2. История музейного дела

1. Грицкевич В. П. История музейного дела до конца VIII века. В 2 ч. — СПб., 2001. Ч.1— 164 с., ч. 2 — 244 с.
2. Куклинова И. А. Музеи Франции XIV—XIX веков: Учеб. пособ. по курсу «Музееведение. История». — СПб., 2001. — 148 с.
3. Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVII — XX вв.) — М., 1991. — 323 с.
4. Музей и власть. Из жизни музеев. — М., 1991. — 191 с.

5. Каулен М. Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. — М.: «Луч», 2001. — 165 с.
6. Дальний Восток России: из истории системы управления: Док. и мат-лы к 115-летию образования Приамур. ген.-губернаторства рос. государств. ист. архивов Дал. Востока. — Владивосток, 1999. — 233 с.
7. О музейном строительстве в РСФСР: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 авг. 1928 г. // Собр. Узаконений.— 1928.— № 116.— Ст. 726.
8. О состоянии и задачах музейного строительства в АССР и автономных областях: Постановление ВЦИК от 20 авг. 1933 г. // Собр. Узаконений . — 1933. — № 45. — Ст. 188.
9. Труды первого музейного съезда. Т. 1. — М., 1931.
10. Типовое положение о местных музеях, краевых (областных) и районных, состоящих на местном бюджете. // Сб. приказов и распоряжений по НКП РСФСР. — 1936.— № 13.
11. Проблемы теории, истории и методики музейной работы // Сб. науч. трудов. Вып. 25. Гос. центр. Музей современной истории. М., 2000. — 418 с.
12. Разгон А. М. Исторические музеи в России (с начала XVIII в. до 1861 г.) // Очерки истории музейного дела в СССР. — М., 1963. — Вып. 5. — С. 189-275.

Раздел 3. Основные направления и формы музейной деятельности

1. Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей: Учеб. пособ. по музейной педагогике / М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии. — М., 2001. — 224 с.
2. Годунова Л. Н. Научно-методическая работа в музее // Метод. пособие. — М., 2002. — 36 с.
3. Каулен М. Е. Экспозиция и экспозиционер // Конспект лекций. — М., 2001. — 64 с.
4. Нормативные документы по музейному делу МК РФ. — М., 2000. — 56 с.
4. Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев / Гос. истор.музей — М., 2002.— 296 с.
5. Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX—XXI вв. / Труды ГИМ. Вып. 127. — М., 2001. — 488 с., ил.
6. Труды Государственного Дарвиновского музея. Вып. III. Научно-просветительная работа в естественно-научных музеях / Гос. Дарв. музей. — М., 2000.— 127 с.
7. Музей в современном мире: традиционализм и новаторство / Труды ГИМ. Вып. 104. — М., 1999. — 200 с.
8. Музееведение России с первой трети XX в. / Сб. науч. трудов. Музей революции. Вып. 24. — М., 1997. — 283 с.
9. Музей и современность. Вып. 2. Проблемы координации научной и научно-просветительной работы. Труды НИИК. № 36. — М., 1976. — 261 с.
10. Левыкин К. Г. О координации научных исследований / Музейное дело в СССР. — М., 1980. — 42 с.
11. Работа со школьниками в краеведческом музее: сценарии занятий: Учеб.-метод. пособие / Под ред. Н. М. Ланковой. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. — 224 с., илл.
12. Музеи на рубеже веков // Материалы науч.-практ. конф., сост. в гг. Хабаровске и Москве в 2000 г. / Гос. Центр. музей современной истории России. — М., 2001. — 208 с.
13. Инструкция по учету и хранению музейных ценностей из драгоценных металлов и драгоценных камней, находящихся в государственных музеях СССР. — М., 1987.
14. Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР. — М., 1984.
15. Инструкция по учету и хранению музейных ценностей в Хабаровском краевом краеведческом музее. — Хабаровск, 2004.
15. Кучеренко М. Е. Научно-фондовая работа в музее: Метод. пособие в помощь молодому специалисту. — М., 1999.
16. Музейное хранение художественных ценностей: Практ. пособие. — М., 1995.
17. Культурные ценности: Понятие, порядок приобретения, хранения и обращения: Справ. пособие. Ч. 1-3. — М., 1995.

18. Гнедовский М. Б. Проектирование и музей будущего // Социальное проектирование. Порыв к реальности. — М., 1990.
19. Крейн А. З. Рождение музея. — М., 1962.
20. Михайловская А. И. Музейная экспозиция: организация и техника. — М., 1964.
21. Музей в современном мире: традиционализм и новаторство: Тр. ГИМ. — Вып. 104. — М., 1999.
22. Музей и новые технологии // На пути к музею XXI века. — М., 1999.
23. Шмит Ф. И. Музейное дело: Вопросы экспозиции. — Л., 1929. — 36 с.
24. Поляков Т. П. Как делать музей? (о методах проектирования музейной экспозиции): Учеб. пособие. — М., 1997.
25. Поляков Т.П. Мифология музейного проектирования или «Как делать музей?» — 2 / М-во культуры РФ. Акад. переподгот. работников искусства, культуры и туризма; Рос.ин-т культурологии. — М., 2003. — 456 с.
26. Мазный Н. В., Поляков Т. П., Шулепова Э. А. Музейная выставка: история проблемы, перспективы. — М., 1997.
27. Годунова Л. Н. Научно-методическая работа в музее. Метод. пособие. ГЦМСИР. 2-е изд. Доп., испр. — М., 2002. — 36 с.
28. Скривен Г. Изучение посетителя: введение // Museum. — 1993. — № 178. — С. 4-5.

Раздел 4. Музейное дело на Дальнем Востоке России

1. Дубинина Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков: Историко-библиографический очерк. — Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2001. — 352 с., ил.
2. Закс А. Б. Всероссийский музейный съезд // Вопросы истории. 1980. — № 12. — С. 164-167.
3. Кузнецов М. С. Борьба партийных организаций Дальнего Востока за становление советской культуры 1922—1927 гг. — Томск, 1978.
4. Корнева Л. В. У истоков музейного дела на Дальнем Востоке России (1884—1917). — Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2002. — 188 с.
5. Петров В. П. Россия на Дальнем Востоке. — Вашингтон, 1996. — 187 с.
6. Поправко Е.А. Музейное дело в Приморском крае (1941-1985 гг.): Моногрр.-Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006 — 328 с.
7. Поправко Е.А. Развитие музейной сети в Приморском крае в 1940-1990-е гг.(региональный аспект вузовского курса «Музееведение») /Четвертые Гродековские чтения. Документы и пленар. доклады регион .науч. практ. конф. «Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России». — Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2004. — С. 94-100.
8. Разгон А. М. Исторические музеи в России (с начала XVIII — первой половины XIX в.) / Очерки истории музейного дела в СССР: Сб. науч. тр. — Вып. 5. — М., 1960. — 66 с.
8. Рубан Н. И. Музей археологии в Хабаровском крае — реальная действительность и настоятельная необходимость // Гродековские чтения Сб. материалов науч.-практ. конфер., г. Хабаровск. 19-20 дек. 1996 г. — Хабаровск, 1996. — Ч. 3. — С. 9-12.
9. Рубан Н. И. Концепция историко-культурного и туристического центра в с. Сикачи-Алян. Проблемы и перспективы развития // Туризм на Дальнем Востоке: состояние, проблемы, перспективы. Сб. мат-лов 2-й междунар. науч.-практ. конфер. — Хабаровск. 1998. — С. 68-70.
10. Рубан Н. И. Советская власть и музейное строительство на Дальнем Востоке России (1929 — 1930 гг.) — Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2002. — 216 с.
11. Рубан Н. И. Из истории зарождения православной культуры Приамурья XVII в. // Христианство на Дальнем Востоке. Матер. междунар. науч. конфер. — Владивосток, 2000. — Ч. 1. — С. 73-76.
12. Рубан Н. И. Роль музеев в развитии туризма Хабаровского края // Состояние и перспективы развития туризма на Дальнем Востоке России: Сб.матер. IV междунар. науч.-практ.конфер., 14-16 мая 2001 г. — Хабаровск. 2001. — С.123-128.

13. Рубан Н. И. Создание Дальневосточного художественного музея и музея революции в Хабаровске // Зап. Гродековского музея. Вып. 2: История России на Дальневосточных рубежах. — Хабаровск, 2001. — С. 84-90.

14. Рубан Н. И. Научная деятельность дальневосточных музеев и ее роль в межмузейной коммуникации. // Четвертые Гродековские чтения. Документы и пленар. доклады регион. науч. практ. конф. «Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России». — Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2004. — с.22-34.

15. Рубан Н. И. Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова: история и современность. На пути новых решений // Музеи на рубеже веков: Мат-лы науч.-практ. конфер., состоявшихся в гг. Хабаровске и Москве в 2000 году. — М., 2001. — С. 9-27.

16. Рубан Н. И. Первый музейный съезд и его влияние на культурно-просветительную деятельность дальневосточных музеев // Традиции просветительства на Дальнем Востоке России — в 21 век: Мат-лы науч.-практ. конфер. 3-4 окт. 2000 г., г.Хабаровск. — Хабаровск, 2001. — С. 59-62.

17. Рубан Н. И. Хабаровский краевой краеведческий музей в поисках путей развития // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX—XXI вв. / Труды ГИМ. — М., 2001. — Вып. 127. — С.187-199.

18. Рубан Н.И. Научная деятельность дальневосточных музеев в первой половине 1920-х гг. // Третьи Гродековские чтения: материалы регион. науч.-практ. конфер. «Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории». — Хабаровск, 2001. — С. 197-203.

19. Записки Гродековского музея. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, вып. 1: археологические и этнографические исследования российского Дальнего Востока, 2000. — 167 с.; вып. 2: история России на дальневосточных рубежах, 2001. — 243 с.; вып. 3: археология и этнография, 2002. — 160 с.; вып. 4: посвященный 130-летию со дня рождения В. К. Арсеньева, 2002. — 164 с.; вып. 5: из дальневосточной истории, 2003. — 164 с.; вып. 6: этнография коренных народов Дальнего Востока России, 2003. — 228 с.

Примерный перечень вопросов к зачету (экзамену)

Музеология как знание и область практической деятельности. Понимание термина. Предмет исследования музеологии. Ключевые понятия. Метод музеологии. Язык науки.

Понятие истории музейного дела. Объект и предмет истории музейного дела. Периодизация истории музейного дела.

Предмузейные собрания предметов музейного значения как выражение социального престижа, групповой принадлежности, как средство стимулирования интереса к окружающему миру.

Мотивации возникновения музеев эпохи Возрождения. Музей в культуре эпохи Возрождения: концепция комплектования, характер музейной коммуникации.

Музей в культурной парадигме эпохи Просвещения.

Предмузейные отечественные собрания и возникновение первого музея в России (Кунсткамера).

Музеи России первой половины XIX века.

Демократические и консервативные тенденции в развитии музеев второй половины XIX — начала XX вв.

Колонизация дальневосточных территорий, создание разнопрофильных научных обществ в Приамурском крае в конце XIX в.

Деятельность дальневосточных музеев, комплектование музейного собрания Приамурского края (конец XIX — 1917 г. XX вв.)

Формирование музейной сети и краеведения на советском Дальнем Востоке в 1920-е годы.

Основные направления развития музейного дела в России в период становления Советской власти (1917—1920-е гг.), централизация управления музеями в стране.

Постепенная ликвидация властями самостоятельной работы в музеях страны (1920—1929 гг.).

Первый Всероссийский музейный съезд и его влияние на деятельность дальневосточных музеев в 1930-е гг.

Политико-просветительская работа музеев и её роль в развитии краеведческой сети в Дальневосточном регионе СССР в 1930-х годах.

Полное подчинение музейной работы административному контролю свыше и утрата музеями профессиональной специфики в их работе (1930—1940 гг.).

Музеи в условиях репрессий дальневосточной интеллигенции в конце 30-х гг. XX века.

Музеи в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы.

Характеристика основных направлений деятельности дальневосточных музеев в 50-х — 80-х гг. XX в.

Расширение специализации музеев России и их профилизация в 1960—1980-е гг.

Музеи России в постсоветский период.

Исторический опыт развития дальневосточных музеев и его использование в современных условиях.

Основной и научно-вспомогательный фонды музея. Обменный фонд.

Виды учетных работ и основные формы их документирования.

Цели и задачи комплектования фондов музея.

Концепция научного комплектования музея. Организация работы по комплектованию.

Основные понятия музейной экспозиции (сущность, коммуникативная функция, язык).

Экспозиция как текст и как вид искусства.

Экспозиционный комплекс. Принципы построения экспозиции.

Коллекционный (систематический), иллюстративный (тематический) и музейно-образный методы построения экспозиции.

Основы исследовательской деятельности. Общеисторические исследования музейных предметов.

Специфика научно-исследовательской работы, обусловленная характером социальных функций музеев.

Цели, задачи и специфика культурно-образовательной работы.

Музейная педагогика: цели и их реализация.

Приложения

Генерал-губернаторы Дальнего Востока* (* <http://www.pgpb.ru/cd/primor/first/general.htm>)

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР - высший чиновник местной администрации в царской России, стоявший во главе генерал-губернаторства (одна или несколько губерний).

До губернской реформы 1775 г. должность генерал-губернаторства носила почётный характер, ничем не отличаясь от губернаторской. После подавления крестьянской войны 1773-75 гг. под предводительством Е. И. Пугачёва генерал-губернаторы наделялись чрезвычайными полномочиями. По «Учреждению для управления губерний» (1775 г.) генерал-губернатор (или «государев наместник»), стоявший под непосредственным контролем императора (в то время — императрицы) и Сената, осуществлял наблюдение за администрацией, следил за политическими настроениями сословий, подавлял восстания крепостных крестьян. Власть генерал-губернатора, особенно на окраинах, носила характер военной диктатуры. В 1892 г «Правилами о местностях, объявляемых на военном положении» в генерал-губернаторствах вводились военные порядки.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО, в России с 1775 до 1917 гг. — крупная административно-территориальная единица, охватывавшая одну или несколько губерний и областей, находившихся под управлением одного генерал-губернатора.

ВОЕННЫЙ ГУБЕРНАТОР назначался для управления губернией, областью, городом или крепостью, а в военное время — для управления областью, занятой по праву войны. В подведомственной ему местности он ведал как гражданским, так и военным управлением. Военные губернаторы большей частью управляют губерниями и областями, входящими в состав генерал-губернаторств.

Институт генерал-губернаторства сформировался в Приамурском крае в период 1847 по 1917 год. Семьдесят с небольшим лет для истории — срок не столь существенный, но он наложил особый отпечаток на ход развития территории, на тысячи километров отдаленной от центра России. Двадцать семь царских ставленников, наделенных широчайшими полномочиями, в разное время руководили восточной российской окраиной. Кому-то из них судьбой было предназначено продолжительное пребывание на столь ответственном посту, кто-то по вполне объективным причинам не задержался в крае более чем на год.

Дух первопроходца, подвижническая деятельность генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского, его мысли, слова, деяния передались всем восьми приамурским генерал-губернаторам с 1884 по 1917 г. Они продолжили его традиции в гражданском благоустройстве и промышленном освоении Дальнего Востока, следовали его примеру в вопросах просветительства и благотворительности.

Будучи людьми высокообразованными, заслужившими признание в служебной и научной деятельности, А. Н. Корф, С. М. Духовской, Н. И. Гродеков, Д. И. Суботич, П. Ф. Унтербергер, Н. Л. Гондатти стремились превратить вверенную им окраину в богатый край, соперничающий с европейскими губерниями. Они скрупулезно выполняли и по долгу, и по велению души одну из многочисленных обязанностей генерал-губернатора: «...наблюдение за тем, чтобы юношество получало воспитание в правилах чистой веры, доброй нравственности и в чувствах преданной престолу и отечеству». В ежегодных всеподданнейших отчетах в разделе "Народное образование они объективно оценивали состояние грамотности населения, обосновывали необходимое открытие учебных заведений, способствующих развитию экономики и культуры края.

В связи с отмеченным недавно 100-летием первого на Дальнем Востоке высшего учебного заведения — Восточного института — следует сказать об участии генерал-губернаторов в развитии высшего образования. При громадном объеме работы, выполняемой губернаторами на рубеже веков, масштаб трудно сопоставим с деятельностью руководителей края в последующие периоды. Относительная малочисленность бюрократического аппарата заставляла губернаторов выполнять работу, входившую впоследствии в обязанности чиновников более низкого ранга. Удивление в наши дни вызывают подписанные Н. И. Гродековым темы сочинений, билеты по математике для учащихся гимназии. П. Ф. Унтербергер требовал от крестьянских начальников одинаково доброжелательного отношения к открытию как церковноприходских школ, так и школ Министерства народного просвещения. Н. Л. Гондатти поддерживал рекомендации окружного инспектора училищ об использовании или запрещении в школах губернаторства отдельных учебников и учебных пособий.

Не менее важным было стремление генерал-губернаторов при нехватке квалифицированных кадров обеспечить Восточный институт лучшими преподавателями, лично проконтролировать учебный процесс. Не следует забывать, что в условиях сословно-классового общества высшее учебное заведение открывало возможность продвижения по социальной лестнице. В этой связи пристальный контроль за личностью каждого преподавателя может рассматриваться и как часть вполне осознанной политики губернаторов по регулированию социальных процессов. На деле это нередко оборачивалось мелочной опекой над частной жизнью преподавателей.

В архивах сохранилась длительная переписка К. А. Кузнецова, назначенного в 1911 г. исполняющим должность профессора, с ректором А. В. Рудаковым с просьбой прислать «удостоверение о неимении препятствий со стороны Восточного института для вступления моего в законный брак с девицей З. В. Сербской, дочерью доктора медицины В. П. Сербского». Более чем пол-года шла переписка А. В. Рудакова с окружным инспектором училищ и генерал-губернатором, пока разрешение было получено. В октябре 1912 г. К. А. Кузнецов в актовом зале Восточного института прочел вступительную лекцию в присутствии Н. Л. Гондатти, всего состава профессоров, преподавателей, слушателей.

Генерал-губернаторы Восточной Сибири

Н. Н. Муравьев-Амурский (с 1847 по 1861 г.)
М. С. Корсаков (с 1861 по 1871 г.)
Н. П. Синельников (с 1871 по 1875 г.)
П. А. Фредерикс (с 1875 по 1880 г.)
Д. Г. Анучин (с 1880 по 1884 г.)

Генерал губернаторы Приамурского края

А. Н. Корф (с 1884 по 1893 г.)
С. М. Духовской (с 1893 по 1898 г.)
Н. И. Гродеков (с 1898 по 1902 г.)
Д. И. Суботич (с 1902 по 1903 г.)
Н. П. Линевиц (с 1903 по 1904 г.)
Р. А. Хрещатицкий (с 1904 по 1905 г.)
П. Ф. Унтербергер (1905 по 1910 г.)
Н. Л. Гондатти (с 1910 по 1917 г.)

Военные генерал-губернаторы Приморской области

П. В. Казакевич (с 1856 по 1865 г.)
И. В. Фуругельм (с 1865 по 1871 г.)
А. Е. Краун (с 1871 по 1875 г.)
Г. Ф. Эрдман (с 1875 по 1880 г.)
М. П. Тихменев (с 1880 по 1881 г.)
И. Г. Баранов (с 1881 по 1888 г.)
П. Ф. Унтербергер (с 1888 по 1897 г.)
Д. И. Суботич (с 1897 по 1898 г.)
Н. М. Чичагов (с 1899 по 1903 г.)
А. М. Колюбакин (с 1903 по 1905 г.)
В. Е. Флуг (с 1905 по 1909 г.)
М. М. Манакин (с 1911 по 1914 гг.)
А. Д. Сташевский (с 1914 по 1915 г.)
В. А. Толмачев (с 1916 по 1917 г.)

**Руководители, исследователи, фондообразователи
дальневосточных музеев
(1920-1930-х гг.)**

*Владимир Клавдиевич Арсеньев
(1872-1930 гг.)*

Владимир Клавдиевич Арсеньев — выдающийся исследователь российского Дальнего Востока первой трети XX в., один из лучших представителей школы Н.М.Пржевальского в русской географии, Помимо общепризнанных арсеньевских традиций в науке и литературе, существуют арсеньевские традиции в музейном деле, в регионоведении. Вклад В.К.Арсеньева в музейное дело по праву позволяет считать его основоположником научного музееведения на Дальнем Востоке.

За свою жизнь он провел 12 экспедиций и командировок исследовательского характера, в том числе:

- в июне-октябре 1922 г. совершил экспедицию в Гижигинский район Охотско-Камчатского края;
- в июне-сентябре 1923 г. совершил поездку на Командорские острова и Камчатку;
- в июле-октябре 1926 г. организовал и провел экспедицию по исследованию долины реки Анной;
- в июне-октябре 1927 г. совершил экспедицию по маршруту Советская Гавань — Хабаровск.

Многогранную и плодотворную деятельность Арсеньева исследователи его творчества часто сравнивают с работой целого научного учреждения. Круг его научных интересов включал в себя изучение природных особенностей края, наблюдения в области метеорологии, картографирование, исследования этно-социальных, демографических и экономических проблем, изучение истории, археологии и этнографии.

В.К.Арсеньев внес выдающийся вклад в развитие этнографической науки на Дальнем Востоке, опубликованные работы и рукописные материалы по своей полноте и научной достоверности являются уникальным источником по этнографии удэгейцев, орочей, нанайцев и других народов.

Арсеньев сочетал в себе дар исследователя с талантом популяризатора, он был замечательным экскурсоводом, лектором, преподавателем. В 1921 г. он стал профессором Государственного Дальневосточного педагогического института им. Ушинского, в 1922-23 гг. состоял преподавателем Государственного Дальневосточного университета, в 1923-24 гг. и в 1926-29 гг. преподавал во Владивостокском техникуме водного транспорта, в 1924-25 гг. преподавал краеведение в Хабаровском педагогическом техникуме, в 1927-30 гг. занимал должность доцента Государственного Дальневосточного университета.

Значительная часть его жизни связана с музейной деятельностью. В 1910 г. он был избран директором Хабаровского музея и проработал до 1918 г., совмещая эту должность с массой других обязанностей и экспедициями.

Заслуга Арсеньева в том, что он не только собирал и обрабатывал в музее богатые коллекции, своей деятельностью он поднял общественный престиж музея, способствовал превращению музея в научное учреждение, активно влияющее на изучение и освоение края. Во второй раз он возглавил Хабаровский музей в 1924 г. и приложил огромные усилия, чтобы вывести его из послереволюционного кризиса, сформировать трудоспособный творческий коллектив соратников, обеспечивающий поступательное развитие музея в 20-е годы. Он поддерживал тесные связи с музеем Общества изучения Амурского края, выступая там с лекциями, в 1921-24 гг. состоял хранителем этнографического отдела этого музея.

Арсеньев комплектовал коллекции для российских и зарубежных музеев. В 1911 г. был награжден серебряной медалью Русского музея за этнографическую коллекцию, в 1923 г. оказал поддержку и помощь в проведении археологических раскопок организатору естественноисторического кабинета (позже Камчатского музея) П.Т.Новограбленову, в 1924 г. подарил Читинскому музею этнографические картины. Его материалы хранятся в музеях Токио, Вашингтона, Сан-Франциско. Деятельность В.К.Арсеньева заложила традиции научного поиска, активной экспедиционной работы, тесной связи музейной деятельности с актуальными проблемами изучения и освоения региона.

После Октябрьской революции широкий научный кругозор, инициативность, активная деятельность В.К.Арсеньева были востребованы новой властью, и он включился в работу по изучению производительных сил, организацию промысловой и хозяйственной деятельности на Дальнем Востоке. В эти годы в наибольшей полноте раскрылся организаторский талант Арсеньева, направленный на привлечение всех научных сил, научного потенциала региона к участию в созидательном процессе хозяйственного освоения. Он принял активное участие в работе 1 съезда по изучению Уссурийского края (г.Никольск-Уссурийск, 1922 г.), участвовал в работе Главного концессионного комитета по экономическим и национальным вопросам Дальнего Востока (Чита, Москва, 1924 г.), был одним из организаторов 1 конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока (Хабаровск, 1926 г.), инициатором возрождения после гражданской войны научных обществ, всячески поддерживал краеведческое движение. В этот период Арсеньев вел активную общественную работу, выступал с чтением публичных лекций, вел обширную переписку с учеными как российскими, так и зарубежными, с краеведами-любителями, известны его обстоятельные письма учителям, школьникам, переписка с писателями, в частности, с М. Горьким.

В.К.Арсеньев верил в колоссальные экономические возможности Дальневосточного края, понимал его геополитическое значение на карте мира. Как патриот России, вне зависимости от социальных и других условий, он служил своей Родине, отдавая ей все силы без остатка.

... «В его лице мы имеем не только неутомимого и самоотверженного путешественника и исследователя Дальнего Востока, не только большого ученого, ...преданного друга малых народов Приамурья и Приморья, но и честнейшего патриота своей Родины, убежденного гуманиста, человека высокоэтического мировоззрения», — отмечал известный исследователь арсеньевед Ю.В.Марятин.

Несмотря на такие заслуги и всеобщее признание в изучении производительных сил дальневосточного региона, развитии краеведения, после его смерти (4 сентября 1930 г.), буквально через год активизировалась травля его имени. Его взгляды стали квалифицироваться как шовинистические, идеалистические, «уходящие своими корнями в активную пропаганду империалистических идей и защиту интересов русской буржуазии».

Имя В.К.Арсеньева практически было вычеркнуто из числа дальневосточных ученых и писателей, о нем старались умалчивать. И в этой связи 31 марта 1934 г. была арестована его жена Маргарита Николаевна Арсеньева, занимавшаяся обработкой наследия мужа. Она была обвинена в участии в контрреволюционной организации в пользу Японии и Германии. После содержания под стражей с 1 апреля 1934 г. по 3 октября 1935 г. она была по решению тройки ПП ОГПУ освобождена с лишением паспорта и снятием с работы. Дальневосточные ученые В.И.Огородников, В.М.Савич были приговорены к 10 годам лишения свободы. Соратники В.К.Арсеньева А.Д.Батулин, В.А.Зайцев были расстреляны.

В июле 1937 г. М.Н.Арсеньева была вновь арестована как участница правотроцкистской организации ДВФАНа. Не выдержав пыток, она была вынуждена себя оговорить в участии в контрреволюционной работе в пользу японской разведки и белоэмигрантских кругов Харбина. 21 августа 1938 г. заседанием коллегии Верховного суда СССР, М.Н.Арсеньева была приговорена к расстрелу. 17-18 июня 1938 г. был также арестован брат В.К.Арсеньева — Анатолий, была выслана из города первая семья

В.К.Арсеньева: бывшая жена А.К.Кадашевич-Арсеньева, сын В.В.Арсеньев. К 10 годам лишения свободы была осуждена его дочь Наталья за «антисоветские высказывания».

1. ФХКМ, оп. 1, д. 502.
2. Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. — М., 1985. — С.299-305.
3. Там же.С.203
4. Марятин Ю.В. Ученый-патриот В.К.Арсеньев. Основные проблемы изучения жизни и трудов // Арсеньевские чтения. Хабаровск, 1984.С.5.
5. Хисамутдинов А.А. Его звали Арсеньев-Уссурийский. Докум.-истор.очерк. Владивосток, 1997.С.32.
6. Красное знамя. 1931. 16 июля.

*Нума (Николай) Августович Де-Сулави
(1860 — 1933 гг.)*

Известный ботаник, исследователь флоры Кавказа и Дальнего Востока. По определению В.К.Арсеньева, «личность очень интересная, в высшей степени симпатичная, человек интеллигентный, образованный». Н.А.Десулави родился 22 декабря 1860 г. в Швейцарии. В 1879 г. окончил педагогический факультет в г. Нефштател и был приглашен гувернером в Россию, в семью зажиточного петербуржца.

В 1881 г. он окончил языковые курсы при втором кадетском корпусе Петербурга и был направлен преподавателем французского языка в кадетский корпус г. Орла. В течение 20 лет он служил в Орле, ежегодно выезжал на 2-3 месяца в экспедиции по изучению флоры. Десять ежегодных экспедиций были посвящены исследованию Кавказа, где «каждый год выбирал особую местность на главном хребте и в ней работал все лето, имея возможность собирать в данной местности весеннюю, летнюю, осеннюю флоры». Вследствие этого материал, собранный в десяти пунктах Кавказского хребта, представляет собой довольно полную флору альпийской области этого края. Организуя эти поездки, в основном, на личные средства, Десулави щедро делился собранными материалами с известными учеными, в частности, 6600 гербарных листов им было передано профессору Н.И.Кузнецову, составившему гербарный сборник «Критическая флора Кавказа».

В 1901 г. Десулави по личной просьбе был переведен преподавателем французского языка в кадетский корпус г. Хабаровска. Вскоре он установил научные связи с Приамурским отделом РГО и с 1902 г. приступил к систематическому исследованию и сбору гербария флоры южной части российского Дальнего Востока. В 1907 г. В.К.Арсеньев впервые пригласил его принять участие в экспедиции, исследовавшей горную область Сихотэ-Алинь, бассейны рек Иман и Бикин. За время совместной работы В.К.Арсеньев высоко оценил научные знания, трудолюбие и, как он отмечал, «очень покладистый характер» ученого. С этого периода Н.А.Десулави становится постоянным участником арсеньевских экспедиций.

В 1908-1910 гг. в составе экспедиции В.К.Арсеньева он проводил обследование северной части Уссурийского края от нижнего течения Амура до побережья пролива Невельского и от реки Хор до озера Кизи. В 1912 г. были проведены исследования побережья Японского моря от мыса Гиляк на север до мыса Золотой, включая бассейн реки Тетюхе. В результате экспедиций были сделаны важные научные открытия: определена биогеографическая граница, разделяющая в Сихотэ-Алине охотскую и маньчжурскую флору и фауну, выявлены и описаны новые виды растений, характерные только для этого района, собран обширный гербарий. Все растения собирались в нескольких экземплярах, что позволило распределить гербарный материал одновременно между Хабаровским музеем, Ботаническим музеем Академии наук и профессором И.В.Палибиным. Н.А.Десулави был превосходным коллектором. Свои сборы растений

доставлял в Главный Ботанический сад, в Лесной институт, в Ботанический сад Юрьевского университета, в Хабаровский и Владивостокский музеи. Среди собранных им растений имелись новые виды, названные в последствии его именем. Часть растений была издана в гербариях, выпускавшихся Ботаническим садом Юрьевского университета и Ботаническим музеем Академии наук. Его коллекции обрабатывали крупнейшие ученые — В.Л.Комаров, И.В.Палибин, И.П.Бородин, Н.И.Кузнецов и Д.И.Литвинов, с которыми он состоял в переписке.

Н.А.Десулави состоял в редколлегии Гербария русской флоры, издававшегося Российской академией наук.

Накануне революции 1917 г. Н.А.Десулави работал в лесном ведомстве, «которое не использовало его по назначению..., а превратило в чиновника».

После ликвидации кадетского корпуса он выезжает в Приморье, на Русский остров, где в 1921-22 гг. собрал полную флору острова. В 1924 г. органы Советской власти поставили Н.А. Десулави на особый учет, запретив всякий выезд за черту города. С 1925 г. Н.А. Десулави работал в должности ботаника и помощника заведующего Хабаровского лесного питомника. В.К.Арсеньев, став вторично директором Хабаровского музея, направил письмо в Дальневосточный отдел народного образования: «Всю свою жизнь Н.А. Десулави занимался наукой, никогда ни в каких политических организациях не состоял и в выступлениях против Советской власти ни прямого, ни косвенного участия не принимал. Н.А. Десулави в течение многих лет состоял членом Совета бывшего Приамурского отдела Географического Общества. Ныне состоит членом — кандидатом Совета Дальневосточного Краевого Отдела того же Общества». Он ходатайствовал о снятии Н.А. Десулави с особого учета и о предоставлении ему разрешения на временный выезд за границу для решения имущественных вопросов.

В 1926 г. Н.А. Десулави совершил поездку в Сучан за сбором семян древесных и кустарниковых пород и там же на высоких горах собирал растения. Сборы касались, главным образом, местностей, расположенных к югу от Сучанской железной дороги.

Вся творческая деятельность Н.А. Десулави была неразрывно связана с Хабаровским краеведческим музеем. Им была пожертвована музею обширная ботаническая коллекция, насчитывающая более 20 тысяч экземпляров, уникальный гербарий русской флоры — 56 выпусков Гербарий маньчжурской флористической области, к сожалению, не сохранившихся. В 1928 г. ученый совет музея решил отметить внимательное отношение Н.А. Десулави к музею и подарить ему «альбом фотографических снимков с коллекций музея, отметив этим его труды по пополнению ботанического отдела музея».

Только в январе 1929 г. Н.А.Десулави получил разрешение на временный выезд на родину, в Швейцарию через Мукден. Он надеялся получить из Швейцарии средства на проезд от Мукдена и обратно. «Средств этих он не получил, в Швейцарию поэтому поехать не смог и из-за событий на КВЖД не мог вернуться в Хабаровск». Поэтому его жена Е.И.Десулави обратилась в Дальневосточный краевой исполнительный комитет с просьбой «выдать ему визу на въезд в Хабаровск через Японию или Харбин, если отношения с Китаем позволят последнее».

На запрос председателя Далькрайплана А.Лобова нет ли препятствий для возвращения Н.А.Десулави в г.Хабаровск, полномочный представитель ОГПУ ответил, «что швейцарскому подданному Десулави Нума Августовичу въезд в пределы СССР закрыт».

Умер Нума (Николай) Августович Десулави — признанный знаток флоры Приамурья и близкий друг В.К.Арсеньева — после 1933 г.

1.Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев.М.,Наука, 1985.С.206.

2.ФХКМ, оп.1,д.273,л.6

3. ГАХК, ф.276,оп.3,д.117,л.6.

4. ФХКМ,оп.1,д.7,л.13

*Григорий Степанович
Новиков-Даурский
(1881—1961 гг.)*

Григорий Степанович Новиков (литературный псевдоним Новиков-Даурский) — выдающийся краевед Амурской области. Он внес заметный вклад в развитие музейного дела, местную историю, археологию, палеонтологию, фольклор, топонимику, этнографию, его имя носит Амурский областной краеведческий музей (г. Благовещенск).

С 1907 г. Г.С.Новиков выступал в местной прессе с научными статьями, поднимал в них вопросы хозяйственного освоения Амурской области, проблемы коренного населения. Псевдоним «Даурский» довольно точно определял тематику его научно-исследовательской работы: изучение «земли Даурский».

С октября 1927 г. Г.С.Новиков перешел на постоянную работу в Амурский областной краеведческий музей в качестве научного сотрудника. Год спустя он принял участие в этнографическо-диалектологической экспедиции Дальневосточного университета. В 1932 г. Г.С.Новиков самостоятельно произвел обследование известных и выявил новые месторождения полезных ископаемых в Свободненском и Кумарском районах. Собранные им коллекции и их описание были переданы в Хабаровский и Амурский краеведческие музеи.

Во время экспедиции по Свободненскому и Мазановскому Г.С.Новиков собрал естественно-историческую коллекцию для музея. При этом исследователем было открыто богатое месторождение лепной глины и железной охры, в музей доставлена микологическая коллекция.

Один из самых известных исследователей Приамурья, видный музейный деятель Дальнего Востока России Г.С.Новиков-Даурский в 20-30-е гг., когда индивидуальная издательская деятельность становится невозможной, активно сотрудничал с различными газетами и журналами по вопросам истории, археологии, естествознания, литературоведения, тем самым развивая исследовательскую деятельность Амурского музея. Сохранившиеся автобиографические записи, обширная переписка, характеризует его как исследователя, музейного деятеля.

Несмотря на эти и другие заслуги в развитии научной работы музея, с августа 1938 г. по январь 1939 г. Г.С.Новиков находился под арестом, но вскоре был освобожден, «так как материалами следствия его антисоветская деятельность не установлена».

Особенное внимание Г.С.Новиков-Даурский уделял школьному краеведению и школьным музеям, участвуя в организации походов школьников по Приамурью. С 1933 г. он был бессменным членом кафедры географии Благовещенского педагогического института, членом экспертно-проверочной комиссии при областном архивном управлении, штатным лектором областного лекционного бюро. Большая часть его жизни была посвящена научному краеведению, музейному делу. В общей сложности

Г.С. Новиков-Даурский отдал музейному делу 34 года: был научным сотрудником, заведовал всеми фондами, обследовал памятники старины, открывал древние городища на территории Амурской области, изучил ряд месторождений полезных ископаемых. Он собрал для музея свыше 1500 экземпляров растений, богатые коллекции насекомых, рыб, археологические находки, образцы полезных ископаемых.

Занимался Г.С.Новиков-Даурский и диалектологией, записывал фольклор и обобщал особенности словарного состава и языка старожилов Приамурья, амурских казаков и местных эвенков. Свыше 300 научных работ было опубликовано краеведом. Среди них статьи «Амурская область» и «Благовещенск», напечатанные в первом томе Малой

советской энциклопедии, и «Амурская область», опубликованная во 2 томе второго издания Большой советской энциклопедии.

Умер Г.С. Новиков-Даурский 13 апреля 1961 г.

Вся его жизнь — замечательный пример любви к родному краю, своей малой родине Приамурью, музейному делу.

1. Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания. — Благовещенск: Амур.кн.изд-во, 1961. — 192 с.

2. Блохин Б.В. Г.С.Новиков-Даурский — собиратель фольклора // Да ведают потомки... К столетию Амур.обл.краевед.музея. — Благовещенск, 1991. — С.43-51.

3. Холкина Т.А. Переписка Г.С.Новикова-Даурского в фондах музея // Амур.краевед: Информ. вестн. — Благовещенск, 1991. — С.11-13.

4. Краснова А.В. 25 лет работы // Зап. Амур. обл. музея краеведения. — Благовещенск, 1961. — С.3-6.

5. Время и события: Указ.-календарь по Дал. Востоку на 2001 г. // Зон. совет. б-к Даль. Востока, Дальневост. Гос.науч. б-ка. — Хабаровск, 2000. — С.126-127.

6. Амурский краевед. информационный вестник. — Благовещенск, 1991. — 45 с.

7. ГААО, ф. 958, оп. 1, д. 66, л. 32.

*Алексей Кириллович
Кузнецов
(1845—1928 гг.)*

Известный общественный деятель дальнего Востока России и Сибири, краевед, организатор и активный фондообразователь Читинского областного краеведческого музея, Забайкальского отделения Приамурского отдела ИРГО.

Родился в Херсоне в купеческой семье. Образование получил в Московском коммерческом училище и Петровско-Рахумовской сельскохозяйственной академии. За участие в политической деятельности был в 1869 г. арестован. В годы отбывания политической ссылки развернул широкую культурно-просветительную работу, организовав в 1886 г. Нерчинский общественный музей, в 1895 г. — Читинский городской музей при Забайкальском отделении Приамурского отделения ИРГО. Находясь на поселении в Якутии, принимал самое активное участие в создании, комплектовании основных фондов, научном описании коллекций Якутского областного музея.

В 1921 г. правительство Дальне-Восточной Республики признало заслуги А.К.Кузнецова и присвоило Читинскому музею его имя. Подвижник музейного дела на российском Дальнем Востоке, директор Читинского областного музея А.К.Кузнецов, получая пожизненную персональную пенсию, продолжал руководить музеем до 1928 года, участвовал в работе ряда археологических и этнографических экспедиций, выставочном комитете по устройству в Москве в 1923 г. сельскохозяйственной выставки, публиковал свои статьи, заметки, научные отчеты. Благодаря его многогранной деятельности Кузнецова Читинский областной краеведческий музей в 20-30-е годы XX в. продолжал оставаться крупным краеведческим центром Забайкалья.

Самым большим увлечением в жизни А.К. Кузнецова была археология. За долгие годы работы он обследовал целый ряд разновременных стоянок и положил начало изучению древнейших археологических памятников — Хирхиры (XIII) и Кондуя (XIV). Он писал: «Я веду огромную переписку с разными лицами медвежьих уголков Забайкалья, чему главным образом, и обязан своим быстрым ростом... Переписка еще более увеличилась, когда путешествуя с фотографией по Забайкалью и, собирая коллекции, я убедился, что едва ли есть другое, более богатое место для археологических изысканий, как Забайкалье...»

8 февраля 1925 г. в здании Читинского областного краеведческого музея состоялось торжественное заседание Забайкальского отдела Русского Географического общества по

случаю 30-летия отдела и музея и 80-летия их основателя Алексея Кирилловича Кузнецова. Была дана высокая оценка деятельности известного просветителя, краеведа, музейного деятеля. РГО наградило А.К.Кузнецова за многочисленные труды в области археологии и этнографии большой золотой медалью. Местная общественность избрала его почетным председателем Читинского отдела Русского Географического общества.

1. Сибирская советская энциклопедия. — Новосибирск, 1931. — Т. 2. — С. 1102-1103.
2. Энциклопедический словарь. — М: Гранат. — Т. 40. — С. 232-234.
3. Записки Забайкальского филиала Русского Географического общества // Отчет о деятельности ЗФ РГО за 100 лет (1894-1994 гг.). — Чита, 1995. — С.217-218.
4. Материалы научно-практической конференции музеев области. Читинский областной краеведческий музей им. А. К. Кузнецова. — Чита, 1994. — С. 3-7.

Семен Яковлевич Сизых
(1890 — после 1938 гг.)

Семен Яковлевич Сизых — ботаник, музеевед, хранитель фондов, заместитель директора Хабаровского краеведческого музея, один из постоянных корреспондентов В.К.Арсеньева. С.Я.Сизых родился 26 января 1890 г. в Иркутске, учился там сначала в частной школе, затем — в гимназии. Уже в детские годы он обнаружил интерес к естественным наукам и музейному делу. Будучи учеником младших классов, в свободное время Сизых работал в музее Восточно-Сибирского отдела Географического общества в Иркутске под руководством консерватора музея А.М.Станиловского. Здесь он вел обработку ботанических коллекций, систематизировал и готовил к экспонированию отдельные естественно-исторические коллекции. С 1908 г. началась экспедиционная жизнь Семена Яковлевича. Он участвовал в экспедиции Восточно-Сибирского отдела Географического общества под руководством В.Ч.Дорогостайского, в Северную Монголию (оз.Косогол), в 1909 г. с ним же совершал поездки в районе г.Иркутска, 1912 г. принимал участие в экспедиции Общества изучения Сибири на хребет Хамар-Дабан (оз.Байкал).

В 1909 г., успешно сдав экзамены, С.Я.Сизых поступил в Петербургский университет на физико-математический факультет, естественное отделение, в группу биологии. В период обучения в университете, чтобы обеспечить себе средства на учебу, он занимался педагогической работой в качестве репетитора и преподавателя курсов взрослых, временно, в целях заработка, служил корректором в типографии.

После окончания университета, в 1915 г. Сизых был призван на военную службу и откомандирован в военное училище. Будучи прапорщиком, принимал участие в боях на фронтах Первой мировой войны, в 1917 г. попал в немецкий плен. В 1919 г. возвратился в Иркутск из плена. Поступил на преподавательскую работу, начал заниматься препараторской деятельностью в Педагогическом музее, однако как бывший офицер вскоре был призван в армию Колчака.

В декабре 1919 г., после свержения колчаковского режима, С.Я.Сизых был зачислен в Народно-революционную армию.

В 1920 г. в составе НРА он участвовал в наступлении против Семенова и японцев в районе г.Читы. С сентября 1920 г. по 1924 г. был назначен в политотдел НРА на должность заведующего школьно-курсовым отделением. Параллельно занимался педагогической работой в краевой Совпартшколе как преподаватель биологии. В период работы в политотделе армии дважды, в 1923 и в 1924 гг., участвовал во Всероссийских съездах по ликвидации неграмотности в Москве. В конце августа 1924 г., вследствие ликвидации политотдела НРА, С.Я.Сизых был уволен в запас командного состава Красной Армии.

Списавшись с руководством Хабаровского краеведческого музея, в сентябре 1924 г. С.Я.Сизых приехал в Хабаровск и поступил на работу в музей на должность консерватора. С приходом на должность директора В.К.Арсеньева, С.Я. Сизых был назначен научным секретарем музея с сохранением обязанностей консерватора, коллектора и хранителя

музейных коллекций. Для него были характерны большое трудолюбие, пунктуальность и четкость в работе, широта кругозора и глубокие научные знания. Эти качества высоко оценил В.К.Арсеньев, и между ними установились добрые отношения, сохранявшиеся до конца жизни Владимира Клавдиевича.

С.Я.Сизых проделана большая работа по обработке коллекций, их каталогизации, он паспортировал коллекции млекопитающих, гербарий, составил каталоги на лишайники, пополнял естественнонаучные коллекции, собирал флору в окрестностях Хабаровска.

С.Я.Сизых был несомненно опытным музейным работником, быстро понял специфику музея как научного учреждения. Он на практике осуществил многие идеи, предложенные В.К.Арсеньевым, в области дальнейшего развития музейного дела. В 1929 г. новый директор Н.Н. Билибин разработал концепцию реорганизации музея «в свете новых марксистских веяний», против которой выступил С.Я. Сизых. Он предложил свою программу развития, основанную на сохранении лучших традиций старого музея, предметной основы его экспозиций, и в то же время делавшую ее максимально доступной широким народным массам, и ныне представляющую интерес для музейных работников.

Краеведческое движение, широко развернувшееся в стране в 20-е гг. XX в., выдвинуло перед музеями важные образовательно-воспитательные задачи, поставило их в центре работы по связям с многочисленными краеведческими организациями. С.Я.Сизых стал координатором этой работы в Хабаровском музее. В 1926 г. при музее была организована школьно-краеведческая секция, ставившая целью «всестороннюю проработку вопросов изучения Дальнего Востока под углом зрения современной школы», возглавил которую С.Я.Сизых. Он организовал лектории, курсы по подготовке экскурсоводов, руководил работой по составлению методических пособий.

Как опытный и трудоспособный музейный работник во время отсутствия директоров назначался исполняющим обязанности директора музея. За 12 лет работы в музее 4 года он фактически был его директором.

В феврале 1932 г. С.Я.Сизых был арестован органами ГПУ по обвинению в службе в Белой армии, через месяц — освобожден «ввиду прекращения дела». Однако в музее началось идеологическое давление на представителей старой школы, и директор Полякова уволила Семена Яковлевича «за уклонение от реорганизации работы музея». Несмотря на отмену приказа в декабре 1932 г., к работе в Хабаровском музее он не вернулся, вскоре выехав в Ярославль. Год он прожил там, работая научным сотрудником Ярославского музея. В 1934 г., возвратившись в Хабаровск, вновь поступил на работу в музей на должность научного сотрудника.

В условиях усиливающегося давления партийных органов, требовавших полного подчинения всей деятельности музеев задачам социалистического строительства без учета музейной специфики, С.Я. Сизых продолжал отстаивать свои взгляды на музей как на научное учреждение и на хранилище национального достояния. В ноябре 1937 г. директор вновь предпринял попытку уволить его за то, что он «...не дал в экспозиции музея марксистского освещения основных вопросов естествознания», что «является грубейшим искажением правильно построенной экспозиции отдела природы в советском музее». И, хотя приказ был отменен решением Президиума крайкома Союза политпросветработников, С.Я. Сизых в этот же день подал заявление об увольнении из музея по собственному желанию и стал работать преподавателем биологии в школе. Однако в июле 1938 г. опять последовал арест по обвинению в участии в эсеровской контрреволюционной организации. Следствие длилось более года, и, не выдержав пыток, он был вынужден оговорить себя. На суде обвиняемые отказались от своих вынужденных признаний. Приговором военного трибунала Второй отдельной Краснознаменной армии от 22.09.1939 г. дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

Дальнейшая судьба С.Я. Сизых по документам не прослеживается.

Его разносторонняя деятельность оставила заметный след в развитии музейного дела на Дальнем Востоке, способствовала сохранению арсеньевских традиций, научного

потенциала музеев, накоплению и сохранению историко-культурного и естественнонаучного наследия.

1. АФСБХК, д. П-89385, л. 605.
2. Там же, л. 608.
3. ФХКМ, оп.1, д. 268, л. 20
4. Там же, д. 3, л. 86
5. Хотелось бы всех поименно назвать... — Часть 2. — 1999.

*Нина Алексеевна Богданова-Серк
(1904—1966 гг.)*

Этнограф, лингвист и музейный специалист. Родилась в г. Цицикар (Маньчжурия) 17 января (ст. ст.) в дворянской семье. В 1917 г. семья переехала в Петроград. Там Н.А.Богданова получает среднее образование, а затем, в 1920 г., поступает в Географический институт на этнографический факультет. Ее учителями были известные этнографы В.Г. Тан-Богораз и Л.Я. Штернберг. Окончив в 1925 г. институт, Нина Алексеевна работала в музее Антропологии и Этнографии Академии наук. Она принимала участие в реэкспозиции, связанной с подготовкой к юбилею Академии наук. В этом же году она как «одна из даровитых студенток», имеющая стаж работы в музее, была рекомендована директору Хабаровского музея В.К. Арсеньеву. Рекомендации ей дали заведующий этнографическим отделом Русского музея С.И. Руденко и профессор Л.Я. Штернберг.

По предложению В.К. Арсеньева в 1925 г. она возглавила этнографический отдел Хабаровского краеведческого музея. Коллекции отделов туземных народностей и сопредельных стран (Китай, Корея, Япония), принятые Ниной Алексеевной, были в запущенном состоянии: многие предметы не заинвентаризированы, экспозиционный материал выставлен без четкой схемы в размещении и распределении по народностям, многие предметы дублировались. Такое состояние богатой этнографической коллекции музея было связано как с трудностями его положения в годы гражданской войны, так и с деятельностью А.Н. Липского (Куренкова), который был директором музея в 1920 г. А.Н. Липский, по личным мотивам отрицательно относившийся к научной деятельности В.К. Арсеньева, ликвидировал созданную исследователем систему этнографической экспозиции, переместил значительную часть сборов В.К. Арсеньева в неотапливаемое помещение.

Н.А. Богданова-Серк проделала большую работу по обеспечению физической сохранности материалов — их дезинфекции, просушиванию, устранению пыли и плесени. Одновременно в соответствии с классификацией, принятой в Русском музее, она разработала систему каталога по этнографии, провела научное описание экспонатов, тем самым, сохранив одно из наиболее ценных музейных собраний.

В 1920-е годы, когда шел поиск новых направлений в экспозиционной работе, с одной стороны, отвечающих требованиям времени, с другой — принижавших значение подлинных уникальных материалов, Н.А. Богданова-Серк всячески отстаивала необходимость сохранения отдела этнографии в музее, доказывала возможность использования этнографических коллекций в обновленной экспозиции. Созданная его структура делала акцент на хозяйственную деятельность народов, проживающих в крае, и наглядно показывала их производственные навыки.

В 1927 г. Богданова-Серк участвовала в экспедиции В.К. Арсеньева по маршруту Хабаровск—Советская Гавань. Вместе с сотрудником отдела ботаники Е.А. Преженцовой она обследовала бассейн реки Хор. Центром этнографических исследований Богдановой-Серк были удэгейцы рода Кимонко. При содействии Джанси Кимонко, будущего писателя, Нина Алексеевна приступила к составлению словаря удэгейского языка. Она помогла Джанси освоить русский язык, помогала ему и в дальнейшем, когда он учился в Хабаровском техникуме народов Севера. Впоследствии она стала одной из героинь книги Джанси Кимонко «Там, где бежит Сукпай». В 1928 г. Богданова-Серк приняла участие в

издании музейного путеводителя, для которого она подготовила статью по отделу этнографии, впервые дав научную оценку музейному собранию.

В эти годы она обращается к проблеме комплектования коллекций и по славянской этнографии. Ею лично была собрана женская одежда переселенцев, разработана «Инструкция по сбору этнографических коллекций», где указывалось на необходимость сбора предметов не только у коренных народов, но и у славян-переселенцев.

Зимой 1929 г. Н.А.Богданова-Серк окончила в Москве краткосрочные двухмесячные курсы по переподготовке музейных работников, организованные Главнаукой. Вернувшись в Хабаровск, она сделала сообщение для сотрудников музея о новых принципах построения экспозиций.

Вскоре после этого она уехала работать на Камчатку, где с 1930 по 1933 гг. заведовала школой 1-й ступени Корякской культбазы (Пенжинская губа Охотского моря).

На Камчатке она в совершенстве освоила корякский язык, что позволило ей в 1934 г. поступить на работу в институт Народов Севера в Ленинграде преподавателем корякского языка.

В годы Великой Отечественной войны Нина Алексеевна пережила блокаду Ленинграда.

В марте 1944 г. Н.А. Богданова-Серк возвратилась в Корякский национальный округ на преподавательскую работу. Она вела занятия по русскому и корякскому языкам в Тигильском (Корякском) педагогическом училище, затем работала директором школы с.Палана и инспектором Тигильского района.

Работая на Севере, Нина Алексеевна собрала богатый лингвистический и этнографический материал по материальной и духовной культуре народов, проживающих на Камчатке. Она в совершенстве владела не только корякским и чукотским, но и несколькими диалектами этих языков. Знание языка, традиций и духовной культуры северных народов составили тот научный потенциал, который стал основой ее лингвистических исследований и печатных работ. Министерство просвещения дважды привлекало Нину Алексеевну к подготовке изданий для начальных классов северных школ. Делом всей ее жизни стало составление учебников грамматики, сборников упражнений, программ по корякскому и чукотскому языкам.

В 1947 г. Н.А.Богданова-Серк вновь приехала в Хабаровск и поступила в Хабаровский педагогический институт, где прошла путь от ассистента до заведующей кафедры языков народов Севера. Все годы жизни в Хабаровске она поддерживала тесную связь с Хабаровским краеведческим музеем, оказывая большую помощь в научном описании коллекций, создании экспозиций и выставок.

В 1966 г. Н.А. Богданова-Серк скончалась, оставив после себя богатый научный архив. Часть его хранится в Государственном архиве Хабаровского краеведческого музея. Судьба большинства материалов пока неизвестна.

1. ФХКМ, оп. 1, д. 5, л. 5.

2. Там же, л. 15.

3. ФХКМ, оп. 1, д. 4, л. 42.

4. Гончарова С.В. «Французским и немецким владею слабо, корякским и чукотским — хорошо» / Записки Гродековского музея. — Вып. 2. — Хабаровск, 2001. — С. 155.

5. Там же. — С. 156.

6. Там же. — С. 157.

*Прокотий Трифонович
Новограбленов
(1892—1934 гг.)*

Один из известных краеведов Дальнего Востока, создателей и фондообразователей Камчатского областного музея.

В августе 1918 г. бывший председатель педагогического совета высшего училища на Сахалине П.Т. Новограбленов был назначен преподавателем общеобразовательных предметов в Петропавловское высшее начальное училище. А в ноябре этого же года Камчатский областной комитет передал этому училищу музейные коллекции, скомплектованные еще до революции 1917 г. П.Т. Новограбленов был в числе активных пожертвователей и общественных сотрудников музея.

12 мая 1920 г. на Камчатке организовано Общество изучения Охотско-Камчатского края. Его председателем избран П.К. Новограбленов, который принимал активное участие в археологических и этнографических экспедициях, проводимых В.К.Арсеньевым на полуострове. Как писала в 1923 г. газета «Полярная звезда», «весь найденный материал и записи после детальной обработки» были переданы П.Т.Новограбленовым Камчатскому музею.

В 1925 г. после реорганизации Общество изучения Камчатки продолжило свою исследовательскую и просветительскую деятельность, взяв под свое покровительство местный музей. Заведование Камчатским областным музеем было возложено на П.Т.Новограбленова. Он составил описи коллекций, разработал правила осмотра экспонатов и снимков посетителями музея. Именно с этого времени начинается плановое комплектование фондов Камчатского музея, осуществляется учет, хранение, изучение и популяризация памятников истории и культуры, природных объектов.

Прокопий Трифионович, возглавляя Камчатский областной музей, постоянно уделял внимание исследовательской работе, сам возглавлял экспедиции по Камчатке, собирая уникальные материалы по геологии, палеонтологии, этнографии, истории области. Именно в период работы его в должности директора музей получил право называться научно-исследовательским и культурно-просветительным учреждением. При П.Т.Новограбленове была сформирована при музее небольшая, но достаточно богатая по содержанию научная библиотека.

Будучи истинным педагогом, просветителем и краеведом, стремившимся к всестороннему изучению уникальной природы и истории полуострова, П.Т.Новограбленов часто выступал в различных аудиториях с сообщениями и научными докладами.

В начале 30-х годов П.Т.Новограбленов — «краевед-разведчик богатств Камчатки и прилегающих морей, специалист-ботаник» — возглавил краеведческое движение на Камчатке, запланировав ряд экспедиций, связанных с изучением производительных сил полуострова. Но его планам не суждено было осуществиться. Он был осужден по ложному доносу как «японский шпион» по делу «Камчатской автономии» и умер в возрасте 42 лет. В 1957 г. П.Т.Новограбленов был полностью реабилитирован.

1. Соколова С.И. Из истории Камчатского музея. Краеведческие записки. Вып.7. Камчатский областной краеведческий музей. Петропавловск-Камчатский, 1991.С.3-7.

2. Полярная звезда. 1923. 11 июля.

3. Камчатская правда. 1933. 14 апреля.

4. ГАКО, ф.44, оп.1, д.4, л.95.

Андрей Иванович Кардаков
(1891—1938гг.)

Талантливый биолог, краевед, коллектор Хабаровского краеведческого музея.

Родился в 1891 г. в деревне Нижне-Кардаковы Вятской губернии.

В декабре 1924 г. начал работу в Хабаровском краеведческом музее в должности заведующего зоологическим отделом, вскоре за ним были закреплены отделы палеонтологии, зоологии и минералогии.

В то время музей возглавлял В.К. Арсеньев, и вскоре А.И. Кардаков стал его горячим сторонником в деле возрождения музея как научного учреждения, организации научного общества и развития краеведческого движения. В 1927 г. Арсеньев приглашает А.И. Кардакова к участию в экспедиции по маршруту Советская Гавань — Хабаровск. В экспедиции Арсеньева не было случайных людей, и, учитывая исследовательские способности А.И. Кардакова, он назначил его своим заместителем в первом отряде и поручает ему обеспечить фотофиксацию исследований. К отчету В.К. Арсеньева он выполнил более 100 фотографий: участники экспедиции, ученые и проводники, пейзажи, геологические проявления и пр. До настоящего времени эти снимки представляют историческую и научную ценность. Кроме того, А.И. Кардаков собрал обширный гербарий, образцы вулканических горных пород и полезных ископаемых.

В конце 20-х годов А.И. Кардаков составил подробные инструкции по сбору коллекций птиц и млекопитающих (1926 г.), а также — насекомых (1929 г.)

Он проводил большую научно-просветительскую работу. В «Плане работы ДВ музея краеведения на 1935 г.» отмечено, что А.И. Кардаков и Г.Е. Сольский (преparator музея) отвечали за организацию выставки по экскурсионно-краеведческой работе. А.И. Кардаков, совместно с С.Я. Сизых и В.Г. Рословичем, организовал ударников заводов и новостроек города, проводил для них экскурсии.

За годы работы в музее А.И. Кардаков собрал богатую коллекцию насекомых, которая и поныне представляет большое научное значение. Работая заведующим отделом природы он оказал большую помощь и поддержку одному из лучших в стране таксидермистов того времени Г.Е. Сольскому в деле обновления муляжей, чучел. Он добился того, чтобы отдел природы был сохранен при реконструкции экспозиций музея «на основах марксизма-ленинизма».

В январе 1936 г. А.И. Кардаков был назначен по совместительству заведующим научными фондами Хабаровского краеведческого музея. В это время был реставрирован уникальный скелет морской коровы Стеллера (выброшенный впоследствии на чердак музея), приведена в соответствующий порядок коллекция ластоногих и птиц, продолжились сборы насекомых.

В 1936-1937 гг. А.И. Кардаков участвовал в ряде экспедиций по нанайским селам на Амуре, во время которых был собран обширный фотоматериал. Составленные фотохроники до сих пор представляют значительный интерес для исследователей.

20 февраля 1938 г. А.И. Кардаков был арестован УНКВД по Дальневосточному краю. 17 июля 1938 г. ему было предъявлено обвинение в проведении шпионской деятельности в пользу Японии, а также в антисоветской агитации. Под давлением А.И. Кардаков вынужден был оговорить себя, коллег по работе и признать вину. Постановлением тройки УНКВД по ДВК 27 февраля 1938 г. он был приговорен к высшей мере наказания. 11 октября 1938 г. его расстреляли в Хабаровске.

1. ФХКМ. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.

2. Там же. Д. 18. Л. 57.

3. АФСБХК. Д. П-94716. Т. 1. Л. 10-13.

Евдокия Александровна Галискас
(1896 — ? гг.)

Родилась в 1896 г. в Санкт-Петербурге. Училась на медицинском факультете Казанского университета. Во время I-й мировой войны была мобилизована для работы в больницах. После войны занимала ряд должностей на Амурской железной дороге. Работала счетоводом, сельской учительницей заведовала приютом, библиотекой.

В 1923 г. Е.А. Галискас назначалась заведующей окружной партийной библиотекой в г. Владивостоке. В 1932 г. ее приняли на работу в краеведческий музей г. Владивостока. В 1934 г. она стала его директором.

Тенденция превращения музеев в «орудие коммунистического воспитания» не обошла и владивостокский музей. Правительство требовало перестройки сложившейся на протяжении многих десятилетий системы исторических, естественнонаучных экспозиций. В июне 1935 г. УНКВД по Приморской области назначило проверку работы Владивостокского музея. В докладной записке в Приморский обком ВКП (б) об итогах обследования музея сообщалось, что он «безнадёжно слаб в политическом отношении, причем отдельные факты указывают на то, что аполитичность — явление не случайное, а сознательно культивируемое, и выражается оно в пренебрежении к отделу революции, отсутствием во всем музее портретов Маркса, Ленина, Сталина». Установки Наркомпроса РСФСР и Дальнего Востока вызвали неприятие со стороны ведущих сотрудников музея, в т.ч. и Е.А. Галискас. Уклон экспозиционных идей в сторону агитпропаганды, безусловно, понизил бы научную ценность материала. Е.А. Галискас, как и многие другие работники музея «старой закалки», понимали это и всеми силами старались отстоять правоту своей точки зрения. В результате 18 ноября 1937 г. Е.А. Галискас была арестована. Ее обвинили в «отсутствии партийной ответственности», в «бесхозяйственности» и «разбазаривании средств». Как и во многих подобных случаях, поводом послужил донос. В доносе приводились факты наличия у директора, владеющей немецким языком, немецких журналов, что предполагало присутствие завуалированных инструкций по сбору информации в интересах японско-германской контрреволюции. Отягощающими факторами были немецкое происхождение Е.А. Галискас, а также наличие богатых родственников у неё.

Следствие не доказало антисоветской направленности в деятельности Е.А. Галискас. Ей удалось избежать расстрела. 27 июня 1938 г. Е.А. Галискас была приговорена к 10 годам лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовых лагерях.

Постановление от 27 июня 1938 г. было отменено только в октябре 1947 г. особым совещанием при МГБ СССР.

1. ГАПК. ФР-1588. Оп. 1. Д. П. 22847. Л. 2-100.

2. Архив ПОМ, д. 24, л. 6-8.

Рубан Николай Иванович

МУЗЕОЛОГИЯ.

История музейного дела.

Музейное дело на Дальнем Востоке России

Основные направления и формы

музейной деятельности.

(Учебное пособие)

Издание 3-е

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор
Н. И. Дубинина,
доктор исторических наук, профессор
В. М. Песков.

Рекомендовано к печати
кафедрой политической истории ДВГГУ
(протокол № 8 от 24.04.2007)

Сдано в набор 07.03.2007. Подписано к печати 21.05.2007.
Формат 60 x 84 ^{1/16}. Бумага офсетная. Оперативная печать.
Гарнитура Times New Roman Суг. Печ. л. 20,0. Тираж 300 экз.

Отдел научных изданий Государственного музея
Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова,
г. Хабаровск, ул. Шевченко, 11; e-mail: grodekov@mail.ru

Отпечатано с предоставленных файлов в типографии №1.
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.